87.3(2)6М3
В17

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

15/XII 848.
10/II-150.
27/III-675
23/X 1057.
8/XII 1232
9/II 496
17/IV 288

23/XII-1365.
5/I 1347
27/I 290
25/II 688
8/V-594
12/XI 1179
19/IV-670
24/IV 2884

Колич. предыд. выдач

Зак. 2348. Тир. 1.000.000

Тип. изд-ва «Московский большевик»

3 № 16
В-17

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

27396 А
54

Издательство ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Москва 1940

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
РФ

~~43.2~~ 87.3 | 0/6 М3
В17

Редакция сборника и предисловие М. С. ЗОРКОГО

ИЛЛЮСТРАЦИИ Н. Н. ЖУКОВА

Предисловие

1

В этой книге собраны воспоминания современников Карла Маркса об их встречах с великим основоположником коммунизма.

Имя Маркса известно в нашей стране каждому. Нет такой страны в мире, где бы это имя было так близко десяткам миллионов людей, где бы произведения Маркса так часто переиздавались,—и притом в миллионных тиражах,—где бы они так усердно изучались народными массами, как у нас, в Советском Союзе. В СССР народные массы любят и изучают Маркса, зная, что он первый указал путь, по которому партия Ленина—Сталина повела и привела советский народ к осуществлению социализма.

Ученики и продолжатели дела Маркса, коммунисты всех стран, не скрывают, что они поставили себе задачей уничтожить во всем мире эксплоатацию и угнетение людей, повернуть все человечество на путь, по которому идет Советский Союз. И эта задача будет выполнена: „Учение Маркса,—говорил Ленин,—всесильно, потому что оно верно“ [1].

Изучение марксизма-ленинизма, изучение истории человечества включает и изучение жизненного пути творцов революционной тео-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

рии—Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Марксизм-ленинизм учит нас, что история не является результатом произвольных действий одиночек, противостоящих массе. Ни один, даже самый гениальный, человек не может перекроить историю вопреки закономерности исторического развития, вопреки исторической необходимости. Но деятельность отдельных выдающихся людей приобретает огромное значение, если она подчинена интересам передовых классов и групп общества.

Уже в первой своей большой работе („Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?") Ленин, выступая против народников, писал: „...идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей..." Но при этом, указывал Ленин, решающим остается вопрос о том, при каких условиях деятельность эта не останется „одиночным актом, тонущим в море актов противоположных" [1]. В другом месте Ленин писал, что „марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами" [2].

Об этом говорил и товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом: „Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю... Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову".

Величие Маркса состоит именно в том, что он первый указал на те условия, при которых усилия людей, стремящихся к освобождению человечества, могут и должны увенчаться успехом. Искаженные и бессвязные представления людей об их общественной жизни Маркс впервые заменил точной наукой. Маркс раскрыл законы развития капиталистического общества, в том числе закон о том, что социализм есть необходимый результат этого развития. Маркс научно доказал, что путь к коммунистическому обществу неизбежно ведет через революционное насилие над буржуазией, через пролетарскую революцию, через диктатуру рабочего класса—того класса, который может и должен сплотить вокруг себя всех трудящихся. Раскрыв законы общественного развития, Маркс тем самым дал возможность

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 77.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 32.

революционной партии в соответствии с этими законами построить свою политику и, стало быть, обеспечить себе в конечном счете полную победу.

Но Маркс отнюдь не ограничился тем, что *объяснил* современный ему мир. Маркс с молодых лет бросился в кипучую борьбу за то, чтобы *изменить* этот мир, чтобы освободить рабочий класс и всех трудящихся от ига эксплоатации и привести их к победе коммунизма. Маркс заложил только первые камни партии, которую он назвал коммунистической. Но всю свою жизнь, до последнего вздоха, Маркс отдал делу этой партии. Гениальный ученый и пламенный революционер были в Марксе слиты нераздельно.

Знакомство с историей жизни и деятельности Маркса окажет немалую помощь нашей молодежи в деле углубленного изучения марксистско-ленинской теории. Но как лучше всего изучить историю творчества, историю революционной борьбы Маркса? Конечно, главным и основным источником для этого являются произведения самого Маркса, в том числе и его письма. Наряду с этим необходимо изучение произведений Энгельса, произведений Ленина и Сталина, в которых разработана теория и история марксизма. Подлинным ключом к изучению всех этих гениальных трудов является „Краткий курс истории ВКП(б)". Эта книга, уже ставшая в нашей стране настольной книгой миллионов людей, сама по себе является классическим произведением марксизма-ленинизма, новым шагом вперед той теории, основу которой заложил Маркс в середине прошлого века.

2

Нет нужды пояснять, какой интерес представляет для нас каждая строка воспоминаний о Марксе, вышедшая из-под пера людей, которые лично знали Маркса, сражались под его руководством или общались с ним на том или ином этапе его революционного пути. С большой живостью и яркостью выступают со страниц этих воспоминаний многие характерные черты Маркса, обстановка, в которой он жил и боролся, ряд эпизодов его биографии.

Вот перед нами встает Маркс, окруженный книгами в своем рабочем кабинете или в Британском музее; это—основоположник новой, передовой науки. Социалистическая теория могла возникнуть лишь как итог развития всего человеческого знания. „В марксизме,—писал Ленин,—нет ничего похожего на „сектантство" в смысле какого-то замкнутого, закостенелого учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации... Его (Маркса.—*М. З.*) учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение*

учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма“ [1].

Маркс выступил во всеоружии науки своего времени. Он опирался на все лучшее, что было в течение долгих столетий выработано человеческой мыслью. Маркс критически, творчески переработал это лучшее. Без того, поистине титанического, труда, который не прерывался ни на один день в течение всей жизни Маркса, были бы немыслимы создание и разработка Марксом его замечательно цельного и стройного учения.

Еще будучи юношей, студентом, Маркс обнаружил поразительную силу характера, выдержку, настойчивость в своих занятиях. Сохранилось письмо девятнадцатилетнего Маркса к отцу, которое свидетельствует о том, как упорно и страстно работал Маркс, пробивая себе через целые чащи и трущобы лженауки путь к подлинной науке. И он, как известно, пробил себе этот путь.

Маркс изучил целые библиотеки, перерыл необозримые горы книг и документов, не принимая на веру ни одного утверждения буржуазных экономистов, философов и историков. Маркс в совершенстве владел немецким, французским, английским, испанским, итальянским языками, хорошо читал по-русски. Среди бумаг Маркса хранятся целые толстые тетради подготовительных работ, результатом которых подчас являлась небольшая по объему брошюра или статья или даже каких-нибудь несколько десятков строк в „Капитале“. Каждая строка любого произведения Маркса основана на тщательном изучении, на неутомимой проверке огромного материала. Научная деятельность Маркса—пример самоотверженной систематической работы, строжайшей требовательности к самому себе, величайшей целеустремленности.

Маркс продолжал упорно работать над книгами и тогда, когда он был уже неизлечимо болен; в частности, он изучал русский язык и всемирную историю. Совсем недавно начата публикация так называемых „Хронологических выписок“ Маркса. Оказалось, что в возрасте 60 с лишком лет Маркс выписывал десятки тысяч исторических дат (перемежая их своими меткими и глубокими замечаниями), и все это—для того, чтобы еще раз проследить и продумать ход исторических событий на протяжении ряда столетий. Одни эти черновые „заметки“ Маркса составят несколько объемистых томов!

Существеннейшей чертой Маркса была его *партийность* в философии, в науке, в политике. Уже в первой своей коммунистической статье, в 1844 году, Маркс утверждал, что ученый и философ, желающий сражаться за передовое дело, то-есть за дело рабочего

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

класса, должен занять партийную позицию. Основной труд своей жизни—„Капитал"—Маркс в своей переписке с друзьями называл „работой для партии", „книгой для партии". Ряд самых глубоких и блестящих произведений Маркса впервые появился в свет в форме партийных воззваний и документов,—например, „Манифест коммунистической партии", „Обращение ЦК к Союзу коммунистов", „Учредительный манифест" I Интернационала, „Гражданская война во Франции" и многие другие.

Неутомимый боец на фронте революционной науки, Маркс в то же время был первым в истории политиком рабочего класса, основателем и организатором его революционной партии. С середины 40-х годов Маркс вместе с Энгельсом стал сплачивать первую горсточку своих сторонников. „Мы отнюдь не намеревались,—рассказывал Энгельс,—сообщить о новых научных результатах исключительно „ученому" миру, изложив их в толстых книгах... Когда мы сами себе все уяснили, мы приступили к работе" [1]. Где бы Маркс ни находился—в Париже, Брюсселе, Кёльне, Лондоне,—всегда он оставался деятельным руководителем нарождавшейся пролетарской партии. „Коммунистические комитеты связи" 1846 года, „Союз коммунистов" 1847—1852 годов, борьба за партию во время реакции 50-х годов—все эти предварительные ступени привели, наконец, к созданию международной пролетарской партии—I Интернационала (1864—1872 гг.). С начала 70-х годов Маркс становится признанным вождем возникавших в Западной Европе пролетарских социалистических партий. С необъятной научной деятельностью Маркс всегда умел совместить энергичнейшую работу партийного организатора, входившего во все детали партийной работы и создававшего в ходе этой работы те основные наброски, которые позднее послужили фундаментом учения Ленина и Сталина о партии.

Маркс был, таким образом, менее всего похож на кабинетного ученого. Самый кабинет его был не только рабочей комнатой человека науки, но и боевым штабом пролетарской партийной организации, сборным пунктом революционеров, местом, откуда передовые рабочие многих стран уходили, окрыленные для новой борьбы, откуда почта разносила во все концы мира директивы, указания, советы рабочим партиям и отдельным пролетарским революционерам.

Идейная непримиримость, беспощадность к врагам отличали Маркса в равной мере как ученого и как политического бойца. Ничто не было более чуждо и ненавистно Марксу, чем безыдейность и бесхребетность. Величайшее терпение по отношению к ра-

[1] К. Маркс, Избранные произведения, т. II, стр. 7.

бочим, постепенно освобождавшимся от мелкобуржуазных иллюзий, Маркс сочетал с грозной нетерпимостью по отношению к тем горе-„теоретикам“ или горе-„лидерам“, кто ту или иную разновидность этих иллюзий пытался противопоставить марксизму. Маркс нещадно громил подобные попытки отклонить рабочих от их революционного пути.

На каждом этапе своей борьбы Маркс безошибочно определял, какой из противников является в данный момент наиболее опасным в борьбе за создание революционной пролетарской партии, и именно в этом направлении Маркс наносил неумолимо меткий удар. Так, в 40-х годах испытали на себе силу этого убийственного огня приверженцы Вейтлинга и Прудона, а также путаники, именовавшие себя „истинными социалистами“. В рядах I Интернационала Маркс не уставал разоблачать сочинителей и сторонников различных буржуазных и мелкобуржуазных „теорий“: немецких лассальянцев, французских прудонистов, итальянских мадзинистов, английских профсоюзных соглашателей и, наконец, анархистов-бакунистов. Врагам коммунизма,—выступали ли они открыто или же маскировались революционной и даже „марксистской“ фразой,—Маркс нанес на своем веку немало сокрушительных ударов.

Английский оппортунист Гайндман писал в своих мемуарах, что при первой встрече с Марксом его особенно поразила „неукротимость“ Маркса. „Помню, однажды я сказал Марксу, что, становясь старше, я становлюсь, мне кажется, более терпимым. „Более терпимым?—отозвался Маркс.—*Более* терпимым?“ Было ясно, что он более терпимым не становится“. Эта встреча Гайндмана с Марксом состоялась в 1880 году, то-есть за три года до смерти Маркса, когда здоровье его уже было сильно подорвано. Но революционный дух Маркса не могла подорвать никакая болезнь.

Буржуазно-помещичьи правительства давно распознали в Марксе своего самого опасного врага. Еще к двадцатичетырехлетнему Марксу прусский король подослал шпиона, чтобы разузнать подробности об этом юноше. В одном из своих донесений, хранящемся и поныне в прусском государственном архиве, шпион сообщал, что Маркс принадлежит к людям, которые скорее умрут, чем отрекутся от своих убеждений. Скольких лазутчиков и провокаторов засылали с тех пор охранки европейских государств во все те революционные организации, которые создавал и которыми руководил Маркс! Но все попытки дезорганизовать борьбу Маркса, парализовать его революционную деятельность в конечном счете терпели крах. Скольких ренегатов и замаскированных агентов буржуазии Маркс лично изобличил и вышвырнул вон из рядов партийных пролетарских организаций!

Маркс отвечал презрением на клевету, которую сеяли продажные

писаки буржуазии. Капиталистическое общество мстило своему неумолимому разоблачителю и врагу. Маркс был обречен на изгнание, нужду, а временами буквально на голод. Трое детей Маркса умерли от нужды и болезней. Не раз и не два приходилось Марксу прерывать свой научный труд, чтобы как-нибудь отбиться от очередного натиска нужды. Ничто не сломило Маркса, его железную волю, его горячую любовь к угнетенным, его преданность делу коммунизма.

Жизнь Маркса тесно переплелась с жизнью его ближайшего сподвижника и друга. Фридрих Энгельс еще в юные годы отдал себя целиком борьбе рука об руку с Марксом за их общие идеи. „Старинные предания,—писал Ленин,—рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда,—и, в общем, совершенно справедливо,—ставил себя позади Маркса. „При Марксе,—писал он одному старому приятелю,—я играл вторую скрипку". Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны"[1].

Времена, когда жил и боролся Маркс, ушли далеко в прошлое. Но образ Маркса остается для нас живым, родным и близким. В этом обаятельном образе сочетались многие из тех черт, которые и поныне являются неотъемлемыми чертами настоящего бойца за дело коммунизма.

3

Собранные в этой книге очерки и беглые записи соратников и современников Маркса дают очень много ценного материала каждому изучающему Маркса и марксизм. Достаточно сказать, что некоторые существенные факты и штрихи известны биографам Маркса лишь из этого источника.

Надо, однако, оговорить, что сами по себе эти воспоминания, если взять их оторванно от произведений Маркса и Энгельса, не воссоздают с достаточной полнотой подлинный облик Маркса. Во-первых, воспоминаний о Марксе сохранилось немного; целые периоды его жизни (в особенности его молодые годы—вплоть до 1848 г.) почти вовсе не освещены. Во-вторых,—и это главное,—авторы этих воспоминаний, за исключением Энгельса, не достигали того идейного уровня, который позволил бы им самим понять могучую личность Маркса во всем ее величии и многосторонности. Читатель воспо-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 414.

минаний, собранных в этой книге, не должен этого упускать из виду.

Деятельность Маркса сама должна быть освещена и оценена по-марксистски. Такую последовательно-марксистскую оценку читатель найдет в статьях, письмах, речах Энгельса, которые помещены в третьем разделе данной книги, и в двух статьях Ленина и Сталина, предпосланных книге в качестве введения.

Главное место в первом разделе сборника занимают воспоминания Поля Лафарга и Вильгельма Либкнехта. Эти два выдающихся деятеля международного рабочего движения были сторонниками Маркса и Энгельса, работали под их руководством и нередко испытывали на себе спасительную суровость Марксовой критики, которая помогала им исправлять их ошибки и в общем (хотя и с отдельными срывами) проводить революционную линию. Но хотя Лафарг и Либкнехт, благодаря руководству Маркса и Энгельса, совершили немало серьезных дел в интересах пролетариата, они все же не были последовательными, до конца революционными марксистами.

Лафарг и Либкнехт были лидерами двух крупнейших социалистических партий Западной Европы—французской и германской. Они подвизались в рядах II Интернационала и являются типичными представителями II Интернационала его лучшей поры—той поры, когда его руководящая верхушка еще не срослась с буржуазией (80—90-е годы прошлого века). Тогда-то и были ими написаны воспоминания о Марксе. В те годы марксизм в Западной Европе, как отмечал Ленин, развивался главным образом вширь, то-есть под его флагом росли большие массовые организации рабочего класса; что же касается теории Маркса, то лидеры тогдашних с.-д. партий не только не разрабатывали ее дальше, но ряд ее важнейших положений держали под спудом. „Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина—Сталин и другие ученики Ленина—были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата“ [1].

Сказанное объясняет и большие достоинства и крупные недостатки воспоминаний Либкнехта и Лафарга. Хорошо и живо, с большим мастерством и теплотой изображен ими Маркс, как ученый, Маркс, как пропагандист, Маркс в кругу своих друзей (к которым принадлежали и сами авторы воспоминаний), Маркс в кругу своей семьи. Но неполно, недостаточно охарактеризован Маркс, как величайший ре-

---

[1] „История ВКП(б)“, стр. 342.

волюционный вождь, как основатель и организатор революционной партии, как непреклонный борец против всех ее врагов, как политик рабочего класса, как творец гениальных идей о стратегии и тактике пролетарской партии.

Фридрих Лесснер был рабочим, портным; он примкнул к Марксу в 1847 году и был одним из его самых стойких сторонников в „Союзе коммунистов" и в I Интернационале. Воспоминания Лесснера о Марксе привлекают своей неподдельной искренностью и живостью. С какой трогательной любовью описывает Лесснер своего великого друга, его работу, его дом, его семью! Лесснер подчеркивает в Марксе те особенности, которые отличали Маркса так же, как и великих продолжателей его дела—Ленина и Сталина: уменье Маркса просто и правильно подойти к любому человеку из народа, глубокое знание жизни рабочих, скромность, неустанная самоотверженная работа во имя победы дела коммунизма. Маркс никогда не упускал возможности поговорить с рабочими, даже в последние годы своей жизни, когда изнурительная болезнь несколько раз выводила его из строя.

Элеонора Эвелинг, младшая дочь Маркса, была деятелем английского рабочего движения 80—90-х годов. Ее „Беглые заметки", как она сама их озаглавила, дополняют воспоминания Лафарга, Либкнехта и Лесснера.

В этом же разделе читатель найдет отрывочные воспоминания о встречах с Марксом Фридриха-Адольфа Зорге, немецко-американского социалиста, с которым Маркса связывала долголетняя дружба, и Августа Бебеля, одного из основателей германской социал-демократии.

Все перечисленные авторы принадлежали к одному лагерю с Марксом—лагерю пролетарско-социалистическому. Иное представляют собой авторы воспоминаний, помещенных во втором разделе. Эти люди не были близки к Марксу, не сражались в рядах рабочего движения под знаменем Маркса. Но они встречались в свое время с Марксом и запечатлели свои воспоминания на бумаге, и многое из того, что они записали, добавляет ценные штрихи к биографии Маркса.

Таков наш соотечественник Анненков—один из тех русских бар первой половины прошлого века, о которых Маркс говорил, что, разъезжая по Европе, они жадно набрасываются на самое крайнее, что только дает Запад; это не мешало им по возвращении на родину оставаться людьми, совершенно чуждыми какой бы то ни было революционной борьбе. Анненкову посчастливилось побывать в 1846 году на заседании, где произошел разрыв Маркса с Вейтлингом, и этот эпизод он живо зарисовал в своем „Замечательном десятилетии". Не исключено, что некоторые детали являются плодом фантазии

автора, но описываемое им заседание действительно состоялось 30 марта 1846 года. Отдельные интересные штрихи содержатся в воспоминаниях немецкого буржуазного демократа (позднее—американского буржуазного политика) Карла Шурца, испанского анархиста (позднее—социалиста-оппортуниста) Лоренсо, русского историка и правоведа Ковалевского.

В этом разделе даны также воспоминания старого народовольца Морозова.

В третьем разделе объединены статьи, заметки, письма, речи Энгельса, относящиеся к весне 1883 года, когда смерть вырвала Маркса из рядов революционного рабочего класса. „Человечество стало ниже на одну голову", писал потрясенный горем Энгельс, но тут же добавлял: „Конечная победа обеспечена... С этим мы должны справиться—для того мы и существуем" [1]. Энгельс после смерти Маркса неустанно продолжал его революционную деятельность и издал ряд ценнейших рукописей своего друга.

Энгельс умер в 1895 году. Но еще в 1893 году на историческую арену вышел новый вождь пролетариата—Ленин. Уже тогда,—а ведь Ленину в то время было только 23 года!—его отличали „необыкновенно глубокое знание Маркса, умение применять марксизм к экономической и политической обстановке России того времени, горячая, несокрушимая вера в победу рабочего дела, выдающийся организационный талант" [2]. А несколько лет спустя среди рабочих и крестьян Закавказья начал свой великий революционный путь товарищ Сталин. Дело, начатое Марксом и Энгельсом, нашло своих продолжателей и завершителей.

Сила марксистско-ленинской теории состоит в ее способности к непрерывному развитию вместе с ростом опыта борющихся революционных масс, вместе с возникновением новых вопросов, требующих решения. Как и в момент рождения этой теории, так и теперь она исключает всякую окостенелость, всякое буквоедство.

„Партия большевиков не сумела бы победить в Октябре 1917 года, если бы ее передовые кадры не овладели теорией марксизма, если бы они не научились смотреть на эту теорию, как на руководство к действию, если бы они не научились двигать вперед марксистскую теорию, обогащая ее новым опытом классовой борьбы пролетариата" [3]. Социалистическое общество в нашей стране победило потому, что гениальный мастер творческого марксизма—Сталин—

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 298.
[2] „История ВКП(б)", стр. 17—18.
[3] Там же, стр. 342.

продолжает двигать вперед основанную Марксом науку, непрерывно обогащая ее и превратив ее в достояние миллионных масс, невиданный в истории рычаг революционного переустройства общества.

* * *

Настоящее издание предназначено для молодежи. Ряд очерков, вошедших в сборник, подвергнут сокращению (подчас значительному). Некоторые заголовки и подзаголовки даны редакцией. Часть очерков появляется на русском языке впервые. Для облегчения работы над сборником читатель найдет в тексте наиболее необходимые пояснительные примечания; в приложении, кроме того, даны указатель имен и важнейшие даты жизни и борьбы Маркса.

М. ЗОРКИЙ

В. И. ЛЕНИН

Карл Маркс

Карл Маркс родился 5 мая нового стиля 1818 г. в городе Трире (прирейнская Пруссия). Отец его был адвокат, еврей, в 1824 г. принявший протестантство. Семья была зажиточная, культурная, но не революционная. Окончив гимназию в Трире, Маркс поступил в университет, сначала в Бонне, потом в Берлине, изучал юридические науки, но больше всего историю и философию. Окончил курс в 1841 г., представив университетскую диссертацию о философии Эпикура. По взглядам своим Маркс был еще тогда гегельянцем-идеалистом. В Берлине он примыкал к кружку „левых гегельянцев" (Бруно Бауэр и др.), которые стремились делать из философии Гегеля атеистические и революционные выводы.

По окончании университета Маркс переселился в Бонн, рассчитывая стать профессором. Но реакционная политика правительства, которое в 1832 г. лишило кафедры Людвига Фейербаха и в 1836 г. снова отказалось пустить его в университет, а в 1841 г. отняло право читать лекции в Бонне у молодого профессора Бруно Бауэра, заставила Маркса отказаться от ученой карьеры. Развитие взглядов левого гегельянства в Германии шло в это время вперед очень быстро. Людвиг Фейербах в особенности с 1836 г. начинает критиковать теологию и поворачивать к материализму, который вполне берет верх у

него в 1841 г. („Сущность христианства"); в 1843 г. вышли его же „Основные положения философии будущего". „Надо было пережить освободительное действие этих книг"—писал Энгельс впоследствии об этих сочинениях Фейербаха. „Мы" (т.-е. левые гегельянцы, Маркс в том числе) „стали сразу фейербахианцами". В это время рейнские радикальные буржуа, имевшие точки соприкосновения с левыми гегельянцами, основали в Кёльне оппозиционную газету: „Рейнскую Газету" (начала выходить с 1 янв. 1842 г.). Маркс и Бруно Бауэр были приглашены в качестве главных сотрудников, а в октябре 1842 г. Маркс сделался главным редактором и переселился из Бонна в Кёльн. Революционно-демократическое направление газеты при редакторстве Маркса становилось все определеннее, и правительство сначала подчинило газету двойной и тройной цензуре, а затем решило вовсе закрыть ее 1 янв. 1843 г. Марксу пришлось к этому сроку оставить редакторство, но его уход все же не спас газеты, и она была закрыта в марте 1843 г. Из наиболее крупных статей Маркса в „Рейнской Газете" Энгельс отмечает, кроме указанных ниже *(см. Литературу)*, еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля. Газетная работа показала Марксу, что он недостаточно знаком с политической экономией, и он усердно принялся за ее изучение.

В 1843 г. Маркс женился в Крейцнахе на Дженни фон Вестфален, подруге детства, с которой он был обручен еще будучи студентом. Жена его принадлежала к прусской реакционной дворянской семье. Ее старший брат был министром внутренних дел в Пруссии в одну из самых реакционных эпох, 1850—1858 г.г. Осенью 1843 г. Маркс приехал в Париж, чтобы издавать за границей, вместе с Арнольдом Ругэ (1802—1880; левый гегельянец, 1825—1830 в тюрьме, после 1848 г. эмигрант; после 1866—70 бисмаркианец), радикальный журнал. Вышла лишь первая книжка этого журнала „Немецко-Французский Ежегодник". Он прекратился из-за трудностей тайного распространения в Германии и из-за разногласий с Ругэ. В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий „беспощадную критику всего существующего" и в частности „критику оружия", апеллирующий *к массам* и к *пролетариату*.

В сентябре 1844 г. в Париж приехал на несколько дней Фридрих Энгельс, ставший с тех пор ближайшим другом Маркса. Они вдвоем приняли самое горячее участие в тогдашней кипучей жизни революционных групп Парижа (особенное значение имело учение Прудона, с которым Маркс решительно рассчитался в своей „Нищете философии", 1847 г.) и выработали, резко борясь с различными учениями мелкобуржуазного социализма, теорию и тактику революционного *про-*

летарского социализма или коммунизма (марксизма). См. соч. Маркса этой эпохи, 1844—1848 г.г., ниже: *Литература.* В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Парижа. Он переехал в Брюссель. Весной 1847 г. Маркс и Энгельс примкнули к тайному пропагандистскому обществу: „Союзу коммунистов", приняли выдающееся участие на II съезде этого союза (ноябрь 1847 г. в Лондоне) и, по его поручению, составили вышедший в феврале 1848 г. знаменитый „Манифест Коммунистической Партии". В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества.

Когда разразилась февральская революция 1848 г., Маркс был выслан из Бельгии. Он приехал опять в Париж, а оттуда, после мартовской революции, в Германию, именно в Кёльн. Там выходила с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. „Новая Рейнская Газета"; главным редактором был Маркс. Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—49 г.г., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира. Победившая контр-революция сначала отдала Маркса под суд (оправдан 9 февраля 1849 г.), а потом выслала из Германии (16 мая 1849 г.). Маркс отправился сначала в Париж, был выслан и оттуда после демонстрации 13 июня 1849 г. и уехал в Лондон, где и жил до самой смерти.

Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить „Капитала", но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты. Кроме того, преобладающие учения и течения мелкобуржуазного, вообще непролетарского социализма вынуждали Маркса постоянно к беспощадной борьбе, иногда к отражению самых бешеных и диких личных нападок („Herr Vogt"[1]). Сторонясь от эмигрантских кружков, Маркс в ряде исторических работ *(см. Литературу)* разрабатывал свою материалистическую теорию, посвящая главным образом силы изучению политической экономии. Эту науку Маркс революционизировал (см. ниже *учение* Маркса) в своих сочинениях „К критике политической экономии" (1859) и „Капитал" (т. I. 1867).

---

[1] — „Господин Фогт".—*Ред.*

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека РФ

Эпоха оживления демократических движений конца 50-х и 60-х г.г. снова призвала Маркса к практической деятельности. В 1864 г. (28 сентября) был основан в Лондоне знаменитый 1-й Интернационал, „Международное Товарищество Рабочих“. Маркс был душой этого общества, автором его первого „обращения“ и массы резолюций, заявлений, манифестов. Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь направить в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный трэд-юнионизм, лассалианские качания вправо в Германии и т. п.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах. После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно оценил Маркс („Гражданская война во Франции 1871“), и после раскола Интернационала бакунистами, существование его в Европе стало невозможным. Маркс провел после конгресса Интернационала в Гааге (1872) перенесение Генерального Совета Интернационала в Нью-Йорк. 1-й Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств.

Усиленная работа в Интернационале и еще более усиленные теоретические занятия окончательно подорвали здоровье Маркса. Он продолжал свою переработку политической экономии и окончание „Капитала“, собирая массу новых материалов и изучая ряд языков (напр., русский), но окончить „Капитал“ не дала ему болезнь.

2 декабря 1881 г. умерла его жена, 14 марта 1883 г. Маркс тихо заснул навеки в своем кресле. Он похоронен вместе со своей женой и преданной служанкой, почти членом семьи, Еленой Демут, на кладбище Хайгейт в Лондоне.

Учение Маркса

Марксизм—система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще. Призна-

ваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов, дающих в совокупности современный материализм и современный научный социализм, как теорию и программу рабочего движения всех цивилизованных стран мира, заставляет нас предпослать изложению главного содержания марксизма, именно: экономического учения Маркса, краткий очерк его миросозерцания вообще.

Философский материализм

Начиная с 1844—5 г.г., когда сложились взгляды Маркса, он был материалистом, в частности сторонником Л. Фейербаха, усматривая и впоследствии его слабые стороны исключительно в недостаточной последовательности и всесторонности его материализма. Всемирно-историческое, „составляющее эпоху" значение Фейербаха Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма, который еще „в XVIII веке особенно во Франции был борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против религии и теологии, но и... против всякой метафизики" (в смысле „пьяной спекуляции" в отличие от „трезвой философии") („Святое семейство" в „Литературном Наследстве"). „Для Гегеля—писал Маркс—процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, созидатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней" (Капитал, I, предисловие к 2 изд.). В полном соответствии с этой материалистической философией Маркса и излагая ее, Фр. Энгельс писал в „Анти-Дюринге" *(см.)*:—Маркс ознакомился с этим сочинением в рукописи— ...„Единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности, которая доказывается... долгим и трудным развитием философии и естествознания... Движение есть форма бытия материи. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения, движения без материи... Если поставить вопрос,... что̀ такое мышление и познание, откуда они берутся, то мы увидим, что они—продукты человеческого мозга и что сам человек—продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собою разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счете тоже продуктами природы, не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей". „Гегель был идеалист, т.-е. для него мысли нашей головы были не отражениями (Abbilder,

отображениями, иногда Энгельс говорит об „оттисках"), более или менее абстрактными, действительных вещей и процессов, а, наоборот, вещи и развитие их были для Гегеля отражениями какой-то идеи, существовавшей где-то до возникновения мира". В своем сочинении „Людвиг Фейербах", в котором Фр. Энгельс излагает свои и Маркса взгляды на философию Фейербаха и которое Энгельс отправил в печать, предварительно перечитав старую рукопись его и Маркса 1844—5 г.г. по вопросу о Гегеле, Фейербахе и материалистическом понимании истории, Энгельс пишет: „Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе... что̀ чему предшествует: дух природе или природа духу... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, так или иначе признавали сотворение мира, ...составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма". Всякое иное употребление понятий (философского) идеализма и материализма ведет лишь к путанице. Маркс решительно отвергал не только идеализм, всегда связанный так или иначе с религией, но и распространенную особенно в наши дни точку зрения Юма и Канта, агностицизм, критицизм, позитивизм в различных видах, считая подобную философию „реакционной" уступкой идеализму и в лучшем случае „стыдливым пропусканием через заднюю дверь материализма, изгоняемого на глазах публики". См. по этому вопросу, кроме названных сочинений Энгельса и Маркса, письмо последнего к Энгельсу от 12 дек. 1866 г., где Маркс, отмечая „более материалистическое", чем обычно, выступление известного естествоиспытателя Т. Гёксли и его признание, что, поскольку „мы действительно наблюдаем и мыслим, мы не можем никогда сойти с почвы материализма", упрекает его за „лазейку" в сторону агностицизма, юмизма. В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: „слепа необходимость, пока она не сознана. Свобода есть сознание необходимости" (Энгельс в „Анти-Дюринге") = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, „вещи в себе" в „вещь для нас", „сущности вещей" в „явления"). Основным недостатком „старого", в том числе и Фейербаховского (а тем более „вульгарного", Бюхнера-Фогта-Молешотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был „преимущественно механическим", не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был

неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они „сущность человека" понимали абстрактно, а не как „совокупность" (определенных конкретно-исторически) „всех общественных отношений" и потому только „объясняли" мир, тогда когда дело идет об „изменении" его, т.-е. не понимали значения „революционной практической деятельности".

Диалектика

Гегелевскую диалектику, как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии, Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии. Всякую иную формулировку принципа развития, эволюции они считали односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и в обществе. „Мы с Марксом были едва ли не единственными людьми, поставившими себе задачу спасти" (от разгрома идеализма и гегельянства в том числе) „сознательную диалектику и перевести ее в материалистическое понимание природы". „Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое" (писано до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.!), „накопляющее ежедневно массу материала и доказывающее, что дела обстоят в природе в последнем счете диалектически, а не метафизически".

„Великая основная мысль,—пишет Энгельс,—что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки, понятия, находятся в беспрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются,—эта великая основная мысль со времени Гегеля до такой степени вошла в общее сознание, что едва ли кто-нибудь станет оспаривать ее в ее общем виде. Но одно дело признавать ее на словах, другое дело—применять ее в каждом отдельном случае и в каждой данной области исследования". „Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу". Таким обра-

зом диалектика, по Марксу, есть „наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления".

Эту, революционную, сторону философии Гегеля воспринял и развил Маркс. Диалектический материализм „не нуждается ни в какой философии, стоящей над прочими науками". От прежней философии остается „учение о мышлении и его законах—формальная логика и диалектика". А диалектика, в понимании Маркса, согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию.

В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания"), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии;—развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное;—„перерывы постепенности"; превращение количества в качество;—внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества;—взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения,—таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии. (Ср. письмо Маркса к Энгельсу от 8 янв. 1868 г. с насмешкой над „деревянными трихотомиями" Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой.)

Материалистическое понимание истории

Сознание непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма привело Маркса к убеждению в необходимости „согласовать науку об обществе с материалистическим основанием и перестроить ее соответственно этому основанию". Если материализм вообще объясняет сознание из бытия, а не обратно, то в применении к общественной жизни человечества материализм тре-

бовал объяснения *общественного* сознания из *общественного* бытия. „Технология—говорит Маркс („Капитал", I)—вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений". Цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю, Маркс дал в предисловии к сочинению „К критике политической экономии" в следующих словах:

„В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или—что̀ является только юридическим выражением этого—с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что̀ сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями"... „В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации". (Ср. краткую формулировку Маркса в письме к Энгельсу от 7 июля 1866 г.: „Наша теория об определении организации труда средствами производства".)

Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская „социология“ и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил. Люди сами творят свою историю, но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий,—на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса.

Классовая борьба

Что стремления одних членов данного общества идут в разрез с стремлениями других, что общественная жизнь полна противоречий, что история показывает нам борьбу между народами и обществами, а также внутри них, а кроме того еще смену периодов революции и реакции, мира и войн, застоя и быстрого прогресса или упадка, эти факты общеизвестны. Марксизм дал руководящую нить, позволяющую

открыть закономерность в этом кажущемся лабиринте и хаосе, именно: теорию классовой борьбы. Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является различие в положении и условии жизни тех *классов*, на которые каждое общество распадается. „История всех до сих пор существовавших обществ—говорит Маркс в „Коммунистическом Манифесте" (за исключением истории первобытной общины—добавляет Энгельс)—была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов... Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается однако тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса—буржуазию и пролетариат". Со времени великой французской революции европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов. И уже эпоха реставрации во Франции выдвинула ряд историков (Тьерри, Гизо, Минье, Тьер), которые, обобщая происходящее, не могли не признать борьбы классов ключом к пониманию всей французской истории. А новейшая эпоха, эпоха полной победы буржуазии, представительных учреждений, широкого (если не всеобщего) избирательного права, дешевой, идущей в массы, ежедневной печати и т. п., эпоха могучих и все более широких союзов рабочих и союзов предпринимателей и т. д., показала еще нагляднее (хотя и в очень иногда односторонней, „мирной", „конституционной" форме) борьбу классов, как двигатель событий. Следующее место из „Коммунистического Манифеста" Маркса покажет нам, какие требования объективного анализа положения каждого класса в современном обществе, в связи с анализом условий развития каждого класса, предъявлял Маркс общественной науке: „Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности; пролетариат же есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин—все они борются с буржуазией

для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы: поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата". В ряде исторических сочинений *(см. Литературу)* Маркс дал блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как „всякая классовая борьба есть борьба политическая". Приведенный нами отрывок иллюстрирует, какую сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему анализирует Маркс для учета всей равнодействующей исторического развития.

Наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение.

Экономическое учение Маркса

„Конечной целью моего сочинения—говорит Маркс в предисловии к „Капиталу"—является открытие экономического закона движения современного общества", т.-е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений данного, исторически определенного, общества в их возникновении, развитии и упадке—таково содержание экономического учения Маркса. В капиталистическом обществе господствует производство *товаров,* и анализ Маркса начинается поэтому с анализа товара.

Стоимость

Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь. Полезность вещи делает ее *потребительной стоимостью.* Меновая стоимость (или просто стоимость) является прежде всего отношением, пропорцией при обмене известного числа потребительных стоимостей

одного вида на известное число потребительных стоимостей другого вида. Ежедневный опыт показывает нам, что миллионы и миллиарды таких обменов приравнивают постоянно все и всякие, самые различные и несравнимые друг с другом, потребительные стоимости одну к другой. Что же есть общего между этими различными вещами, постоянно приравниваемыми друг к другу в определенной системе общественных отношений? Общего между ними то, что они—*продукты труда*. Обменивая продукты, люди приравнивают самые различные виды труда. Производство товаров есть система общественных отношений, при которой отдельные производители созидают разнообразные продукты (общественное разделение труда), и все эти продукты приравниваются друг к другу при обмене. Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд определенной отрасли производства, не труд одного вида, а *абстрактный* человеческий труд, человеческий труд вообще. Вся рабочая сила данного общества, представленная в сумме стоимостей всех товаров, является одной и той же человеческой рабочей силой: миллиарды фактов обмена доказывают это. И, следовательно, каждый отдельный товар представляется лишь известной долей *общественно-необходимого* рабочего времени. Величина стоимости определяется количеством общественно-необходимого труда или рабочим временем, общественно-необходимым для производства данного товара, данной потребительной стоимости. „Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не сознают этого, но они это делают". Стоимость есть отношение между двумя лицами—как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой. Только с точки зрения системы общественных производственных отношений одной определенной исторической формации общества, притом отношений, проявляющихся в массовом, миллиарды раз повторяющемся явлении обмена, можно понять, что такое стоимость. „Как стоимости, товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени". Проанализировав детально двойственный характер труда, воплощенного в товарах, Маркс переходит к анализу *формы стоимости* и *денег*. Главной задачей Маркса является при этом изучение *происхождения* денежной формы стоимости, изучение *исторического процесса* развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его („простая, отдельная или случайная форма стоимости": данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото. Будучи

высшим продуктом развития обмена и товарного производства, деньги затушевывают, прикрывают общественный характер частных работ, общественную связь между отдельными производителями, объединенными рынком. Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, причем и здесь (как вообще в первых главах „Капитала") в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства. „Деньги предполагают известную высоту товарного обмена. Различные формы денег—простой товарный эквивалент или средство обращения или средство платежа, сокровище и всемирные деньги—указывают, смотря по различным размерам применения той или другой функции, по сравнительному преобладанию одной из них, на весьма различные ступени общественного процесса производства" („Капитал", I).

Прибавочная стоимость

На известной ступени развития товарного производства деньги превращаются в капитал. Формулой товарного обращения было—Т (товар)—Д (деньги)—Т (товар), т.-е. продажа одного товара для покупки другого. Общей формулой капитала является, наоборот, Д—Т—Д, т.-е. покупка для продажи (с прибылью). Прибавочной стоимостью называет Маркс это возрастание первоначальной стоимости денег, пускаемых в оборот. Факт этого „роста" денег в капиталистическом обороте общеизвестен. Именно этот „рост" превращает деньги в *капитал,* как особое, исторически определенное, общественное отношение производства. Прибавочная стоимость не может возникнуть из товарного обращения, ибо оно знает лишь обмен эквивалентов, не может возникнуть из надбавки к цене, ибо взаимные потери и выигрыши покупателей и продавцов уравновесились бы, а речь идет именно о массовом, среднем, общественном явлении, а не об индивидуальном. Чтобы получить прибавочную стоимость, „владелец денег должен найти на рынке такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости", такой товар, процесс потребления которого был бы в то же самое время процессом создания стоимости. И такой товар существует. Это—рабочая сила человека. Потребление ее есть труд, а труд создает стоимость. Владелец денег покупает рабочую силу по ее стоимости, определяемой, подобно стоимости всякого другого

товара, общественно-необходимым рабочим временем, необходимым для ее производства (т.-е. стоимостью содержания рабочего и его семьи). Купив рабочую силу, владелец денег в праве потреблять ее, т.-е. заставлять ее работать целый день, скажем, 12 часов. Между тем рабочий в течение 6 часов („необходимое" рабочее время) создает продукт, окупающий его содержание, а в течение следующих 6 часов („прибавочное" рабочее время) создает неоплаченный капиталистом „прибавочный" продукт или прибавочную стоимость. Следовательно, в капитале, с точки зрения процесса производства, необходимо различать две части: постоянный капитал, расходуемый на средства производства (машины, орудия труда, сырой материал и т. д.)—стоимость его (сразу или по частям) без изменения переходит на готовый продукт—и переменный капитал, расходуемый на рабочую силу. Стоимость этого капитала не остается неизменной, а возрастает в процессе труда, создавая прибавочную стоимость. Поэтому для выражения степени эксплуатации рабочей силы капиталом надо сравнивать прибавочную стоимость не со всем капиталом, а только с переменным капиталом. Норма прибавочной стоимости, как называет Маркс это отношение, будет, напр., в нашем примере $\frac{6}{6}$ т.-е. 100%.

Исторической предпосылкой возникновения капитала является, во-1-х, накопление известной денежной суммы в руках отдельных лиц при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще, и, во-2-х, наличность „свободного" в двояком смысле рабочего, свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства, бесхозяйного рабочего, „пролетария", которому нечем существовать кроме как продажей рабочей силы.

Увеличение прибавочной стоимости возможно путем двух основных приемов: путем удлинения рабочего дня („абсолютная прибавочная стоимость") и путем сокращения необходимого рабочего дня („относительная прибавочная стоимость"). Анализируя первый прием, Маркс развертывает грандиозную картину борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня и вмешательства государственной власти за удлинение рабочего дня (XIV—XVII века) и за сокращение его (фабричное законодательство XIX века). После того, как появился „Капитал", история рабочего движения всех цивилизованных стран мира дала тысячи и тысячи новых фактов, иллюстрирующих эту картину.

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс исследует три основные исторические стадии повышения производительности труда капитализмом: 1) простую кооперацию; 2) разделение труда и мануфактуру; 3) машины и крупную промышлен-

ность. Насколько глубоко вскрыты здесь Марксом основные, типичные черты развития капитализма, видно, между прочим, из того, что исследования русской так называемой „кустарной" промышленности дают богатейший материал по иллюстрации двух первых из названных трех стадий. А революционизирующее действие крупной машинной индустрии, описанное Марксом в 1867 году, обнаружилось в течение полувека, истекшего с тех пор, на целом ряде „новых" стран (Россия, Япония и др.).

Далее. В высшей степени важным и новым является у Маркса анализ *накопления капитала,* т.-е. превращения части прибавочной стоимости в капитал, употребление ее не на личные нужды или причуды капиталиста, а на новое производство. Маркс показал ошибку всей прежней классической политической экономии (начиная с Адама Смита), которая полагала, что вся прибавочная стоимость, превращаемая в капитал, идет на переменный капитал. На самом же деле она распадается на *средства производства* плюс переменный капитал. Громадное значение в процессе развития капитализма и превращения его в социализм имеет более быстрое возрастание доли постоянного капитала (в общей сумме капитала) по сравнению с долей переменного капитала.

Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создавая на одном полюсе богатство, на другом нищету, порождает и так называемую „резервную рабочую армию", „относительный избыток" рабочих или „капиталистическое перенаселение", принимающее чрезвычайно разнообразные формы и дающее возможность капиталу чрезвычайно быстро расширять производство. Эта возможность в связи с кредитом и накоплением капитала в средствах производства дает, между прочим, ключ к пониманию *кризисов* перепроизводства, периодически наступавших в капиталистических странах сначала в среднем каждые 10 лет, потом в более продолжительные и менее определенные промежутки времени. От накопления капитала на базисе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д. „Первоначальное накопление" создает на одном полюсе „свободного" пролетария, на другом владельца денег, капиталиста.

„Историческую тенденцию капиталистического накопления" Маркс характеризует в следующих знаменитых словах: „Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность,

добытая трудом собственника" (крестьянина и ремесленника), „основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы... Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют" („Капитал", I).

В высшей степени важным и новым является, далее, данный Марксом во II томе „Капитала" анализ воспроизведения общественного капитала, взятого в целом. И здесь Маркс берет не индивидуальное, а массовое явление, не дробную частичку экономии общества, а всю эту экономию в совокупности. Исправляя указанную выше ошибку классиков, Маркс делит все общественное производство на два больших отдела: I) производство средств производства и II) производство предметов потребления, и детально рассматривает, на взятых им числовых примерах, обращение всего общественного капитала в целом, как при производстве в прежних размерах, так и при накоплении. В III томе „Капитала" разрешен вопрос об образовании средней нормы

прибыли на основе закона стоимости. Великим шагом вперед экономической науки, в лице Маркса, является то, что анализ ведется с точки зрения массовых экономических явлений, всей совокупности общественного хозяйства, а не с точки зрения отдельных казусов или внешней поверхности конкуренции, чем ограничивается часто вульгарная политическая экономия или современная „теория предельной полезности". Сначала Маркс анализирует происхождение прибавочной стоимости и затем уже переходит к ее распадению на прибыль, процент и поземельную ренту. Прибыль есть отношение прибавочной стоимости ко всему вложенному в предприятие капиталу. Капитал „высокого органического строения" (т.-е. с преобладанием постоянного капитала над переменным в размерах выше среднего общественного) дает норму прибыли ниже среднего. Капитал „низкого органического строения"—выше среднего. Конкуренция между капиталами, свободный переход их из одной отрасли в другую сведет в обоих случаях норму прибыли к средней. Сумма стоимостей всех товаров данного общества совпадает с суммой цен товаров, но в отдельных предприятиях и отдельных отраслях производства товары, под влиянием конкуренции, продаются не по их стоимости, а по *ценам производства* (или производственным ценам), которые равняются затраченному капиталу плюс средняя прибыль.

Таким образом общеизвестный и бесспорный факт отступления цен от стоимостей и равенства прибыли вполне объяснен Марксом на основе закона стоимости, ибо сумма стоимостей всех товаров совпадает с суммой цен. Но сведение стоимости (общественной) к ценам (индивидуальным) происходит не простым, не непосредственным, а очень сложным путем: вполне естественно, что в обществе разрозненных товаропроизводителей, связанных лишь рынком, закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности, при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону.

Повышение производительности труда означает более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным. А так как прибавочная стоимость есть функция одного лишь переменного капитала, то понятно, что норма прибыли (отношение прибавочной стоимости ко всему капиталу, а не к его переменной только части) имеет тенденцию к падению. Маркс подробно анализирует эту тенденцию и ряд прикрывающих ее или противодействующих ей обстоятельств. Не останавливаясь на передаче чрезвычайно интересных отделов III тома, посвященных ростовщическому, торговому и денежному капиталу, мы перейдем к самому главному: к теории *поземельной ренты*. Цена производства земледельческих продуктов в силу ограниченности площади земли, которая вся занята отдельными хозяевами в капита-

листических странах, определяется издержками производства не на средней, а на худшей почве, не при средних, а при худших условиях доставки продукта на рынок. Разница между этой ценой и ценой производства на лучших почвах (или при лучших условиях) дает разностную или *дифференциальную* ренту. Анализируя ее детально, показывая происхождение ее при разнице в плодородии отдельных участков земли, при разнице в размерах вложения капитала в землю, Маркс вполне вскрыл (см. также „Теории прибавочной стоимости", где особого внимания заслуживает критика Родбертуса) ошибку Рикардо, будто дифференциальная рента получается лишь при последовательном переходе от лучших земель к худшим. Напротив, бывают и обратные переходы, бывает превращение одного разряда земель в другие (в силу прогресса агрикультурной техники, роста городов и пр.), и глубокой ошибкой, взваливанием на природу недостатков, ограниченностей и противоречий капитализма является пресловутый „закон убывающего плодородия почвы". Затем, равенство прибыли во всех отраслях промышленности и народного хозяйства вообще предполагает полную свободу конкуренции, свободу перелива капитала из одной отрасли в другую. Между тем частная собственность на землю создает монополию, помеху этому свободному переливу. В силу этой монополии продукты сельского хозяйства, отличающегося более низким строением капитала и, след., индивидуально более высокой нормой прибыли, не идут в вполне свободный процесс выравнивания нормы прибыли; собственник земли, как монополист, получает возможность удержать цену выше средней, а эта монопольная цена рождает *абсолютную ренту*. Дифференциальная рента не может быть уничтожена при существовании капитализма, абсолютная же *может*—напр., при национализации земли, при переходе ее в собственность государства. Такой переход означал бы подрыв монополии частных собственников, означал бы более последовательное, более полное проведение свободы конкуренции в земледелии. И поэтому радикальные буржуа, отмечает Маркс, выступали в истории неоднократно с этим прогрессивным буржуазным требованием национализации земли, которое однако отпугивает большинство буржуазии, ибо слишком близко „задевает" еще другую, в наши дни особенно важную и „чувствительную" монополию: монополию средств производства вообще. (Замечательно популярно, сжато и ясно изложил сам Маркс свою теорию средней прибыли на капитал и абсолютной земельной ренты в письме к Энгельсу от 2 авг. 1862 г. См. „Переписку", т. III, стр. 77—81. Ср. также письмо от 9 авг. 1862 г., там же, стр. 86—87.)—К истории поземельной ренты важно также указать на анализ Маркса, показывающего превращение ренты отработочной (когда крестьянин своим трудом на земле помещика со-

здает прибавочный продукт) в ренту продуктами или натурой (крестьянин на своей земле производит прибавочный продукт, отдавая его помещику в силу „внеэкономического принуждения"), затем в ренту денежную (та же рента натурой, превращенная в деньги, „оброк" старой Руси, в силу развития товарного производства) и наконец в ренту капиталистическую, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда. В связи с этим анализом „генезиса капиталистической поземельной ренты" следует отметить ряд тонких (и особенно важных для отсталых стран, как Россия) мыслей Маркса об *эволюции капитализма в земледелии*. „Превращению натуральной ренты в денежную не только сопутствует неизбежно, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги. В период возникновения этого класса, когда он появляется еще только спорадически, у более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих—совершенно подобно тому, как в феодальные времена зажиточные крепостные крестьяне сами в свою очередь держали крепостных. У этих крестьян развивается таким образом постепенно возможность накоплять известное имущество и превращаться самим в будущих капиталистов. Среди старых владельцев земли, ведущих самостоятельное хозяйство, возникает, следов., рассадник капиталистических арендаторов, развитие которых обусловлено общим развитием капиталистического производства вне сельского хозяйства" („Капитал", III², 332)... „Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только „освобождает" для промышленного капитала рабочих, их средства к жизни, их орудия труда, но и создает внутренний рынок" („Капитал", I², 778). Обнищание и разорение сельского населения играет, в свою очередь, роль создания резервной рабочей армии для капитала. Во всякой капиталистической стране „часть сельского населения находится поэтому постоянно в переходном состоянии к превращению в городское или мануфактурное (т.-е. не земледельческое) население. Этот источник относительного избыточного населения течет постоянно... Сельского рабочего сводят к наинизшему уровню заработной платы, и он всегда стоит одной ногой в болоте пауперизма" („Капитал", I², 668). Частная собственность крестьянина на землю, обрабатываемую им, есть основа мелкого производства и условие его процветания, приобретения им классической формы. Но это мелкое производство совместимо только с узкими примитивными рамками производства и общества. При капитализме „эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промышленного пролетариата лишь по форме. Эксплуататор тот же самый—капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных

крестьян посредством гипотек и ростовщичества; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственных налогов" („Клас. борьба во Франции"). „Парцелла (мелкий участок земли) крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, предоставляя самому землевладельцу выручать, как ему угодно, свою заработную плату". Обычно крестьянин отдает даже капиталистическому обществу, т.-е. классу капиталистов, часть заработной платы, опускаясь „до уровня ирландского арендатора—под видом частного собственника" („Клас. борьба во Франции"). В чем состоит „одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства"? („Капитал", III², 340.) В том, что крестьянин отдает обществу (т.-е. классу капиталистов) даром часть прибавочного продукта. „Следовательно, такая низкая цена (хлеба и др. сельско-хозяйственных продуктов) есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда". („Капитал", III², 340.) Мелкая поземельная собственность, нормальная форма мелкого производства деградируется, уничтожается, гибнет при капитализме. „Мелкая земельная собственность, по сущности своей, исключает: развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупных размерах, все большее и большее применение науки. Ростовщичество и система налогов неизбежно ведут всюду к ее обнищанию. Употребление капитала на покупку земли отнимает этот капитал от употребления на культуру земли. Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей". (Кооперации, т.-е. товарищества мелких крестьян, играя чрезвычайно прогрессивную буржуазную роль, лишь ослабляют эту тенденцию, но не уничтожают ее; не надо также забывать, что эти кооперации дают много зажиточным крестьянам и очень мало, почти ничего, массе бедноты, а затем товарищества сами становятся эксплуататорами наемного труда.) „Гигантское расхищение человеческой силы. Все большее и большее ухудшение условий производства и удорожание средств производства есть закон парцелльной (мелкой) собственности". Капитализм и в земледелии, как и в промышленности, преобразует процесс производства лишь ценой „мартирологии производителей". „Рассеяние сельских рабочих на больших пространствах сламывает их силу сопротивления, в то время как концентрация городских рабочих увеличивает эту силу. В современном, капиталистическом, земледелии, как и в современной промышленности, повышение производительной силы труда и бо́льшая подвижность его покупаются ценой разрушения и истощения самой рабочей силы.

Кроме того всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву... Капиталистическое производство, след., развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего" („Капитал", I, конец 13-й главы).

Социализм

Из предыдущего видно, что неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества. Обобществление труда, в тысячах форм идущее вперед все более и более быстро и проявляющееся за те полвека, которые прошли со смерти Маркса, особенно наглядно в росте крупного производства, картелей, синдикатов и трестов капиталистов, а равно в гигантском возрастании размеров и мощи финансового капитала,— вот главная материальная основа неизбежного наступления социализма. Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим выполнителем этого превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат. Его борьба с буржуазией, проявляясь в различных и все более богатых содержанием формах, неизбежно становится политической борьбой, направленной к завоеванию политической власти пролетариатом („диктатура пролетариата"). Обобществление производства не может не привести к переходу средств производства в собственность общества, к „экспроприации экспроприаторов". Громадное повышение производительности труда, сокращение рабочего дня, замена остатков, руин мелкого, примитивного, раздробленного производства коллективным усовершенствованным трудом—вот прямые последствия такого перехода. Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, но в то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на почве сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человечества (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах). Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами совре-

менного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы. Но тем не менее „крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами. Разумеется, одинаково нелепо считать абсолютной христианско-германскую форму семьи, как и форму древнеримскую или древнегреческую или восточную, которые, между прочим, в связи одна с другой образуют единый исторический ряд развития. Очевидно, что составление комбинированного рабочего персонала из лиц обоего пола и различного возраста, будучи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачумленным источником гибели и рабства,—при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития“ („Капитал“, I, конец 13-й главы). Фабричная система показывает нам „зародыши воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей“ (там же). На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не „устраиваясь в пределах нации“, не будучи „национален“ („хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия“). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что „рабочие не имеют отечества“ и что „соединение усилий“ рабочих по крайней мере цивилизованных стран „есть одно из первых условий освобождения пролетариата“ („Коммунистический Манифест“). Государство, это организованное насилие, возникло неизбежно на известной ступени развития общества, когда общество раскололось на непримиримые классы, когда оно не могло бы существовать без „власти“, стоящей якобы над обществом и до известной степени обособившейся от него. Возникая внутри классовых противоречий, государ-

ство становится „государством сильнейшего, экономически господствующего класса, который при его помощи делается и политически господствующим классом и таким путем приобретает новые средства для подчинения и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было, прежде всего, государством рабовладельцев для подчинения рабов, феодальное государство—органом дворянства для подчинения крепостных крестьян, а современное представительное государство является орудием эксплуатации наемных рабочих капиталистами“ (Энгельс в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“, где он излагает свои и Маркса взгляды). Даже самая свободная и прогрессивная форма буржуазного государства, демократическая республика, нисколько не устраняет этого факта, а лишь меняет форму его (связь правительства с биржей, подкупность—прямая и косвенная—чиновников и печати и т. д.). Социализм, ведя к уничтожению классов, тем самым ведет и к уничтожению государства. „Первый акт,—пишет Энгельс в „Анти-Дюринге“,—с которым государство выступает действительно как представитель всего общества—экспроприация средств производства в пользу всего общества,—будет в то же время его последним самостоятельным актом, как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения будет становиться в одной области за другой излишним и прекратится само собой. Управление людьми заменится управлением вещами и регулированьем производственного процесса. Государство не будет „отменено“, оно „отомрет““. „Общество, которое организует производство на основе свободных и равных ассоциаций производителей, поставит государственную машину туда, где ей тогда будет место: в музей древностей, рядом с веретеном и бронзовым топором“ (Энгельс в „Происхождении семьи, частной собственности и государства“).

Наконец, по вопросу об отношении социализма Маркса к мелкому крестьянству, которое останется в эпоху экспроприации экспроприаторов, необходимо указать на заявление Энгельса, выражающего мысли Маркса: „Когда мы овладеем государственной властью, мы не будем и думать о том, чтобы насильственно экспроприировать мелких крестьян (все равно, с вознаграждением или нет), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы доказать крестьянину все преимущества такого перехода, преимущества, ко-

торые и теперь уже должны быть ему разъясняемы" (Энгельс: „К аграрному вопросу на Западе", изд. Алексеевой, стр. 17, рус. пер. с ошибками. Оригинал в „Neue Zeit").

Тактика классовой борьбы пролетариата

Выяснив еще в 1844—5 г.г. один из основных недостатков старого материализма, состоящий в том, что он не умел понять условий и оценить значения революционной практической деятельности, Маркс в течение всей своей жизни, на ряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Громадный материал дают в этом отношении *все* сочинения Маркса и изданная в 1913 г. четырехтомная переписка его с Энгельсом в особенности. Материал этот далеко еще не собран, не сведен вместе, не изучен и не разработан. Поэтому мы должны ограничиться здесь лишь самыми общими и краткими замечаниями, подчеркивая, что без *этой* стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным. Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса). Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в пошлом понимании „эволюционистов", видящих лишь медленные изменения, а диалектически: „20 лет равняются одному дню в великих исторических развитиях,—писал Маркс Энгельсу,—хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет" (т. III, с. 127 „Переписки"). На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашь-

его, так называемого „мирного", развития, а с другой стороны ведя всю работу этого использования в направлении „конечной цели" движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, „концентрирующие в себе по 20 лет". Два рассуждения Маркса особенно важны в данном вопросе, одно из „Нищеты философии" по поводу экономической борьбы и экономических организаций пролетариата, другое из „Коммунистического Манифеста" по поводу политических задач его. Первое гласит: „Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции... Коалиции, в начале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянного объединенного капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы... В этой борьбе—настоящей гражданской войне—объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта, коалиция принимает политический характер". Здесь перед нами программа и тактика экономической борьбы и профессионального движения на несколько десятилетий, для всей долгой эпохи подготовки сил пролетариата „для грядущей битвы". С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное „процветание" вызывает попытки „купить рабочих" (I, 136, „Переписка с Энгельсом"), отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще „деморализует рабочих" (II, 218), как „обуржуазивается" английский пролетариат—„самая буржуазная из всех наций" (английская) „хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат" (II, 290); как исчезает у него „революционная энергия" (III, 124); как придется ждать более или менее долгое время „избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения" (III, 127); как недостает английскому рабочему движению „пыла чартистов" (1866; III, 305); как английские вожди рабочих создаются по типу серединки „между радикальным буржуа и рабочим" (о Голиоке, IV, 209); как, в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет, „ничего не поделаешь с британскими рабочими" (IV, 433). Тактика экономической борьбы в связи с общим ходом *(и исходом)* рабочего движения рассматривается здесь с замечательно широкой, всесторонней, диалектической, истинно революционной точки зрения.

„Коммунистический Манифест" о тактике политической борьбы выдвинул основное положение марксизма: „коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же

время они отстаивают и будущность движения". Во имя этого Маркс в 1848 г. поддерживал в Польше партию „аграрной революции", „ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года". В Германии 1848—49 г.г. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике. Немецкую буржуазию он рассматривал как элемент, который „с самого начала был склонен к измене народу" (только союз с крестьянством мог бы дать буржуазии цельное осуществление ее задач) „и к компромиссу с коронованными представителями старого общества". Вот данный Марксом итоговый анализ классового положения немецкой буржуазии в эпоху буржуазно-демократической революции, анализ, являющийся между прочим образчиком материализма, рассматривающего общество в движении и притом не только с той стороны движения, которая обращена *назад*... „без веры в себя, без веры в народ; ворча перед верхами, дрожа перед низами;... напуганная мировой бурей; нигде с энергией, везде с плагиатом;... без инициативы;... окаянный старик, осужденный на то, чтобы в своих старческих интересах руководить первыми порывами молодости молодого и здорового народа"... („Новая Рейнская Газета" 1848 г., см. „Литературное Наследство", т. III, 212 стр.). Около 20 лет спустя в письме к Энгельсу (III, 224) Маркс объявлял причиной неуспеха революции 1848 г. то, что буржуазия предпочла мир с рабством одной уже перспективе борьбы за свободу. Когда кончилась эпоха революций 1848—49 г.г., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаппер—Виллих и борьба с ними), требуя уменья работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы-„мирно" новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: „Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны" („Переписка с Энгельсом", II, 108). Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассаля он считал совершающим „объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии" (III, 210) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. „Подло",—писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати,—„в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной „палочной эксплуатации" сельских рабочих феодальным дворянством" (III, 217). В период 1864—1870 г.г., когда подходила к концу эпоха

завершения буржуазно-демократической революции в Германии, эпоха борьбы эксплуататорских классов Пруссии и Австрии за тот или иной способ завершения этой революции *сверху*, Маркс не только осуждал Лассаля, заигрывавшего с Бисмарком, но и поправлял Либкнехта, впадавшего в „австрофильство" и в защиту партикуляризма; Маркс требовал революционной тактики, одинаково беспощадно борющейся и с Бисмарком и с австрофилами, тактики, которая не подлаживалась бы к „победителю"—прусскому юнкеру, а немедленно возобновляла революционную борьбу с ним *и на почве*, созданной прусскими военными победами („Переписка с Энгельсом", III, 134, 136, 147, 179, 204, 210, 215, 418, 437, 440—1). В знаменитом обращении Интернационала от 9 сент. 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания, но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, „штурмовавших небо" (письмо Маркса к Кугельману). Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было с точки зрения диалектического материализма Маркса меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе. Вполне оценивая использование легальных средств борьбы в эпохи политического застоя и господства буржуазной легальности, Маркс в 1877—8 г., после того как издан был исключительный закон против социалистов, резко осуждал „революционную фразу" Моста, но не менее, если не более резко обрушивался на оппортунизм, овладевший тогда на время официальной социал-демократической партией, не проявившей сразу стойкости, твердости, революционности, готовности перейти к нелегальной борьбе в ответ на исключительный закон („Письма Маркса к Энгельсу", IV, 397, 404, 418, 422, 424. Ср. также письма к Зорге).

В. И. Ленин,
Соч., т. XVIII, стр. 1—31, изд. 3-е.
Написано в июле—ноябре 1914 г.
Впервые напечатано в Энциклопедическом словаре Гранат (7-е издание), том XXVIII.

И. В. СТАЛИН

Из беседы с первой американской рабочей делегацией

9 сентября 1927 г.

1-й вопрос. *Какие новые принципы были практически прибавлены Лениным и компартией к марксизму? Было ли бы правильным сказать, что Ленин верил в „творческую революцию", тогда как Маркс был более склонен ожидать кульминационного развития экономических сил?*

Ответ. Я думаю, что никаких „новых принципов" Ленин не „прибавлял" к марксизму, так же как Ленин не отменял ни одного из „старых" принципов марксизма. Ленин был и остается самым верным и последовательным учеником Маркса и Энгельса, целиком и полностью опирающимся на принципы марксизма. Но Ленин не был только лишь исполнителем учения Маркса—Энгельса. Он был вместе с тем продолжателем учения Маркса и Энгельса. Что это значит? Это значит, что он развил дальше учение Маркса—Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к новой фазе капитализма, применительно к империализму. Это значит, что, развивая дальше учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, Ленин внес в общую сокровищницу марксизма нечто новое в сравнении с тем, что дано Марксом и Энгельсом, в сравнении с тем, что могло быть дано в период доимпериалистического капитализма, при чем это новое, внесенное Лениным в сокровищницу марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Эн-

гельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме, как марксизме эпохи империализма и пролетарских революций. Вот несколько вопросов, в области которых Ленин дал нечто новое, развивая дальше учение Маркса.

Во-первых, вопрос о монополистическом капитализме, об империализме, как новой фазе капитализма. Маркс и Энгельс дали в „Капитале" анализ основ капитализма. Но Маркс и Энгельс жили в период господства домонополистического капитализма, в период плавного эволюционирования капитализма и его „мирного" распространения на весь земной шар. Эта старая фаза кончилась к концу XIX и к началу XX столетия, когда Маркса и Энгельса не было уже в живых. Понятно, что Маркс и Энгельс могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда плавное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния. Заслуга Ленина и, стало быть, новое у Ленина состоит здесь в том, что он, опираясь на основные положения „Капитала", дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неизбежной гибели. На базе этого анализа возникло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах.

Во-вторых, вопрос о диктатуре пролетариата. Основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свержения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл Советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, использовав для этого опыт Парижской Коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплоатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой *пролетарской* демократии, выражающей интересы большинства (эксплоатируемых),—в противовес демократии

капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплоататоров).

В-третьих, вопрос о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата, в период переходный от капитализма к социализму, в стране, окруженной капиталистическими государствами. Маркс и Энгельс рассматривали период диктатуры пролетариата, как период более или менее длительный, полный революционных схваток и гражданских войн, в продолжение которого пролетариат, находясь у власти, принимает меры экономического, политического, культурного и организационного характера, необходимые для того, чтобы вместо старого капиталистического общества создать новое социалистическое общество, общество без классов, общество без государства. Ленин стоял целиком и полностью на почве этих основных положений Маркса и Энгельса. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он обосновал возможность построения полного социалистического общества в стране диктатуры пролетариата, окруженной империалистическими государствами, при условии, что эта страна не будет задушена военной интервенцией окружающих капиталистических государств; б) он наметил конкретные пути экономической политики („новая экономическая политика"), при помощи которых пролетариат, имея в руках экономические командные высоты (промышленность, землю, транспорт, банки и т. п.), смыкает социализированную индустрию с сельским хозяйством („смычка индустрии с крестьянским хозяйством") и ведет, таким образом, все народное хозяйство к социализму; в) он наметил конкретные пути постепенного подвода и вовлечения основных масс крестьянства в русло социалистического строительства через кооперацию, представляющую в руках пролетарской диктатуры величайшее средство переделки мелкого крестьянского хозяйства и перевоспитания основных масс крестьянства в духе социализма.

В-четвертых, вопрос о гегемонии пролетариата в революции, во всякой народной революции, как в революции против царизма, так и в революции против капитализма. Маркс и Энгельс дали основные наброски идеи гегемонии пролетариата. Новое у Ленина состоит здесь в том, что он развил дальше и развернул эти наброски в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетариата трудящимися массами города и деревни не только в деле свержения царизма и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата. Известно, что идея гегемонии пролетариата получила, благодаря Ленину и его партии, мастерское применение в России. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что революция в России привела к власти пролетариата. Раньше обычно дело происходило таким образом, что

рабочие дрались во время революции на баррикадах, они проливали кровь, они свергали старое, а власть попадала в руки буржуа, которые угнетали и эксплоатировали потом рабочих. Так было дело в Англии и во Франции. Так было дело в Германии. У нас, в России, дело приняло другой оборот. У нас рабочие представляли не только ударную силу революции. Будучи ударной силой революции, русский пролетариат старался вместе с тем быть гегемоном, политическим руководителем всех эксплоатируемых масс города и деревни, сплачивая их вокруг себя, отрывая их от буржуазии, изолируя политически буржуазию. Будучи же гегемоном эксплоатируемых масс, русский пролетариат все время боролся за то, чтобы захватить власть в свои руки и использовать ее в своих собственных интересах, против буржуазии, против капитализма. Этим собственно и объясняется, что каждое мощное выступление революции в России, как в октябре 1905 года, так и в феврале 1917 г., выдвигало на сцену советы рабочих депутатов, как зародыши нового аппарата власти, призванного подавлять буржуазию,—в противовес буржуазному парламенту, как старому аппарату власти, призванному подавлять пролетариат. Дважды пыталась у нас буржуазия восстановить буржуазный парламент и положить конец советам: в августе 1917 г., во время „Предпарламента", до взятия власти большевиками, и в январе 1918 г., во время „Учредительного Собрания", после взятия власти пролетариатом,—и каждый раз терпела поражение. Почему? Потому, что буржуазия была уже изолирована политически, миллионные массы трудящихся считали пролетариат единственным вождем революции, а советы были уже проверены и испытаны массами, как своя рабочая власть, променять которую на буржуазный парламент было бы для пролетариата самоубийством. Неудивительно поэтому, что буржуазный парламентаризм не привился у нас. Вот почему революция привела в России к власти пролетариата. Таковы результаты проведения в жизнь ленинской системы гегемонии пролетариата в революции.

В-пятых, вопрос национально-колониальный. Маркс и Энгельс, анализируя в свое время события в Ирландии, в Индии, в Китае, в странах Центральной Европы, в Польше, в Венгрии,—дали основные, отправные идеи по национально-колониальному вопросу. Ленин в своих трудах базировался на этих идеях. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что: а) он собрал воедино эти идеи в стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма; б) связал национально-колониальный вопрос с вопросом о свержении империализма; в) объявил национально-колониальный вопрос составной частью общего вопроса о международной пролетарской революции.

Наконец, вопрос о партии пролетариата. Маркс и Энгельс дали основные наброски о партии, как передовом отряде пролетариата, без которой (без партии) пролетариат не может добиться своего освобождения ни в смысле взятия власти, ни в смысле переустройства капиталистического общества. Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма, показав, что: а) партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу которых призвана она обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплоататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое.

Вот в основном то новое, что дал Ленин в своих трудах, конкретизируя и развивая дальше учение Маркса применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма.

Поэтому и говорят у нас, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций.

Из этого видно, что ленинизм нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму...

И. Сталин,
Вопросы ленинизма, стр. 169—173,
изд. 10-е.

ВОСПОМИНАНИЯ О МАРКСЕ

ПОЛЬ ЛАФАРГ

Воспоминания о Марксе

*

ПОЛЬ ЛАФАРГ

Маркс и Энгельс

*

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

Из воспоминаний о Марксе

*

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР

До и после 1848 года

*

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ

Карл Маркс

*

ФРИДРИХ-АДОЛЬФ ЗОРГЕ

Встреча с Марксом

*

ФРИДРИХ-АДОЛЬФ ЗОРГЕ

О Марксе

АВГУСТ БЕБЕЛЬ

Поездки в Лондон

ПОЛЬ ЛАФАРГ

Воспоминания о Марксе

1

Впервый раз увидал я Карла Маркса в феврале 1865 года. 28 сентября 1864 года в Лондоне на собрании в зале Сент-Мартинс Холл был основан I Интернационал. В феврале 1865 года я приехал из Парижа в Лондон, чтобы сообщить Марксу сведения об успехах, достигнутых там молодой организацией. Г-н Толен—ныне сенатор буржуазной республики—дал мне рекомендательное письмо.

Мне было тогда 24 года; всю свою жизнь я не забуду того впечатления, которое произвела на меня эта первая встреча. Маркс тогда прихварывал и работал над первым томом „Капитала", который вышел только два года спустя, в 1867 году. Он опасался, что ему не придется довести до конца своей работы, и с удовольствием принимал молодых людей. Он говорил: „Я должен подготовлять людей, которые после меня будут продолжать коммунистическую пропаганду".

Карл Маркс—это один из редких людей, которые могли стоять на передовых позициях одновременно и в науке и в общественной деятельности; и то и другое так нераздельно слилось в нем воедино, что его невозможно понять, не видя в нем ученого и социалистического борца.

Он держался взгляда, что ни при каком научном исследовании не следует смущаться теми выводами, к которым оно может при-

вести, и в то же время считал, что ученый, если он не хочет сам снизить свой уровень, никогда не должен прерывать своего активного участия в общественной жизни и не должен сидеть вечно взаперти в своем кабинете или в своей лаборатории, вроде крысы, забравшейся в сыр, не вмешиваясь в жизнь, в общественную и политическую борьбу своих современников.

„Наука совсем не эгоистическое удовольствие,—говорил Маркс,—те счастливцы, что могут отдаться научным задачам, сами первые должны отдавать свои знания на службу человечеству".

„Работать для человечества" было одним из его любимых выражений. К коммунистическим убеждениям он пришел не путем сентиментальных размышлений, хотя он и глубоко сочувствовал страданиям рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. Он утверждал, что всякий беспристрастный ум, свободный от влияния капиталистических интересов и не ослепленный классовыми предрассудками, непременно должен притти к тем же выводам.

Но если Маркс без предвзятого мнения изучал экономическое и политическое развитие человеческого общества, то писал он только с определенным намерением распространять результаты своих исследований и с твердым, определенным решением дать научную основу социалистическому движению, которое до него терялось в утопическом тумане. Он выступал публично с одной лишь целью: способствовать торжеству дела рабочего класса, историческая задача которого, как только этот класс возьмет в свои руки политическое и экономическое руководство обществом,—создать коммунизм.

В своей деятельности Маркс не ограничивался страной, в которой он родился. „Я—гражданин мира,—говорил он,—и действую там, где нахожусь". И действительно, во всех странах, куда забрасывали его события и политические преследования,—во Франции, Бельгии, Англии—он принимал выдающееся участие в революционных движениях, которые там развивались.

Но не в качестве неутомимого и несравненного социалистического агитатора, а как ученый предстал он впервые предо мною в той рабочей комнате на Майтланд-парк-Род, куда со всех сторон цивилизованного мира стекались партийные товарищи для того, чтобы узнать по разным вопросам мнение мастера социалистической мысли. Это—историческая комната, и надо ее знать, если хочешь понять интимную сторону духовной жизни Маркса.

Она помещалась в первом этаже, и широкое окно, через которое в комнату попадала масса света, выходило в парк. По обе стороны камина и напротив окна у стен стояли книжные шкафы, которые были полны книгами и до самого потолка загружены свертками газет и рукописей. Против камина и с одной стороны окна стояли два стола,

заваленные бумагами, книгами и газетами; в середине комнаты, где было много света, стоял очень простой и небольшой рабочий стол (три фута в длину, два фута в ширину) и деревянное кресло. Между креслом и книжным шкафом напротив окна стоял кожаный диван, на который Маркс время от времени ложился, чтобы отдохнуть. Книги лежали и на камине; тут же были сигары, спички, коробка с табаком, пресс-папье, фотографии его дочерей, его жены, Вильгельма Вольфа и Фридриха Энгельса.

Маркс очень много курил.

— „Капитал" не вернет мне даже того, что стоили мне сигары, которые я выкурил, работая над ним,—сказал он мне.

Но в еще большем количестве истреблял он спички; он так часто забывал о своей трубке или о сигаре и ему так часто приходилось их зажигать, что коробки спичек опустошались с невероятной быстротой.

Маркс никому не позволял приводить в порядок, или, вернее, в беспорядок, свои книги и бумаги. Они только с виду были в беспорядке: все было, собственно говоря, на своем определенном месте, и он, не ища, немедленно брал книгу или тетрадь, которые ему были нужны. Даже во время беседы он часто останавливался, чтобы показать в книге приведенную цитату или цифру. Он был одно целое со своей рабочей комнатой, находящиеся в ней книги и бумаги повиновались ему так же, как члены его собственного тела.

В расстановке книг Маркс не руководился внешней симметрией; книги различных форматов и брошюры стояли тесно друг подле друга; он расставлял книги не по формату, а по их содержанию. Книги для него были духовными инструментами, а не предметами роскоши. „Они—мои рабы,—говорил он,—и должны служить мне, как я хочу". Он не обращал внимания на их формат, переплет, красоту бумаги или печати; он загибал углы, покрывал поля отметками карандашом и подчеркивал строки. Надписей он никаких не делал, но сплошь и рядом он не мог воздержаться от вопросительных и восклицательных знаков, если автор писал ошибочные вещи. Система подчеркивания, которой он пользовался, позволяла ему очень легко находить в книге нужное место. У него была привычка после продолжительных перерывов перечитывать свои записные тетради и отмеченные в книгах места для того, чтобы закрепить их в своей памяти, которая отличалась исключительной остротой и точностью. Он изощрял ее с юных лет, выучивая, по совету Гегеля, наизусть стихи на незнакомом ему языке.

Гейне и Гёте, которых он в разговоре часто цитировал, он знал наизусть. Он постоянно читал поэтов, выбирая их из всей европейской литературы. Ежегодно перечитывал он Эсхила в греческом оригинале; его и Шекспира он любил, как двух величайших драматиче-

ских гениев, которых породило человечество. Шекспира, которого он очень любил, он специально изучал. Он знал его самых незначительных персонажей. В семье Маркса господствовал настоящий культ великого английского драматурга. Три дочери Маркса знали его наизусть. Когда после 1848 года Маркс задумал усовершенствоваться в английском языке, на котором он еще раньше умел читать, он стал собирать и приводить в систему все своеобразные шекспировские выражения; он внимательно изучал и часть полемических произведений Вильяма Коббета, которого он очень высоко ценил. Данте и Бернс были его любимейшими поэтами. Ему доставляло большое удовольствие, когда его дочери читали вслух сатиры или пели романсы шотландского поэта Бернса.

Неутомимый труженик и великий ученый Кювье устроил в Парижском музее, в котором был директором, несколько рабочих комнат для своих личных занятий. Каждая комната предназначалась для особого рода работы; в каждой находились необходимые для этого книги, инструменты, анатомические препараты и т. п. Уставши от одного рода занятий, Кювье переходил в соседнюю комнату и принимался за другое дело; в том и состоял его отдых.

Маркс был такой же неутомимый работник, но у него не было средств устраивать себе несколько рабочих кабинетов, как у Кювье. Отдыхом ему служило только шаганье взад и вперед по комнате: от дверей до окна была вытоптана на ковре полоска, которая резко выделялась, точно тропинка на лугу.

По временам Маркс ложился на диван и читал романы, причем иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Подобно Дарвину, он был большим любителем романов. Маркс любил преимущественно романы XVIII столетия и особенно Фильдинга; из позднейших писателей ему больше всего нравились Поль де-Кок, Чарльз Ливер, Александр Дюма-отец и Вальтер Скотт, роман которого „Пуритане“ („Old Mortality“) он считал образцовым произведением. Он проявлял особенный интерес к рассказам, богатым приключениями и юмористическим элементом.

Выше всех романистов он ставил Сервантеса и Бальзака; в „Дон-Кихоте“ он видел эпос вымиравшего рыцарства, добродетели которого в только что народившемся мире буржуазии стали чудачествами и вызывали насмешки. Бальзака он ставил так высоко, что собирался написать критику его крупнейшего произведения „Человеческая комедия“, как только окончит свое сочинение по политической экономии. Бальзак был не только историком общества своего времени, но также творчески предвосхитил те фигуры, которые при Людовике-Филиппе находились еще в зародышевом состоянии и только после смерти Бальзака, при Наполеоне III, достигли полного развития.

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех—немецком, французском и английском—и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: „Иностранный язык есть оружие в жизненной борьбе".

Маркс обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через какие-нибудь полгода настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать официальные документы, опубликование которых, в силу содержащихся в них ужасных разоблачений, правительство запрещало. Преданные друзья доставляли их Марксу, и последний является, несомненно, единственным западноевропейским экономистом, который имел возможность ознакомиться с ними[1].

Наряду с поэтами и романистами у Маркса было еще замечательное средство для умственного отдыха: это была математика, к которой он питал особое пристрастие. Алгебра служила ему даже нравственным утешением: он прибегал к ней в самые мучительные минуты своей беспокойной жизни. Во время последней болезни жены он не мог продолжать обычных научных занятий; и в этом тяжелом состоянии он мог сколько-нибудь успокоиться, только погружаясь в математику. В это время душевных страданий он написал работу по исчислению бесконечно малых величин, которая, по отзывам читавших ее специалистов, имеет большое научное значение. В высшей математике он находил диалектическое движение в его наиболее логичной и в то же время простейшей форме. Он считал также, что наука только тогда достигает совершенства, когда ей удается пользоваться математикой.

Собственная библиотека Маркса, которую он тщательно собирал за долгое время своей исследовательской работы, в течение всей своей жизни, и которая содержала более тысячи томов, была для него недостаточна, и он в течение многих лет был усердным посетителем Британского музея, книгохранилище которого он ценил очень высоко.

Даже противники его вынуждены были признать его обширные и глубокие познания не только по его специальности—политической экономии, но также и по истории, философии и по литературе всех стран.

---

[1] Маркс изучал особенно тщательно историю аграрных отношений в России, положение рабочих и крестьян, а также внешнюю политику царской России.—*Ред.*

Хотя спать он ложился всегда очень поздно, но между восемью и девятью часами утра всегда бывал уже на ногах, пил черный кофе, читая газеты, и шел затем в свою рабочую комнату, где и работал до двух или до трех часов ночи. Он делал перерывы только для еды и вечером, чтобы прогуляться в Хемстед Хис[1], если позволяла погода; днем час или два он спал на своем диване. В молодости у Маркса было обыкновение просиживать за работой целые ночи.

Работа стала страстью Маркса; она поглощала его настолько, что за ней он часто забывал о еде. Нередко приходилось звать его к обеду по нескольку раз, пока он спускался, наконец, в столовую; и едва лишь он съедал последний кусок, как снова уже шел в свою комнату.

Ел он очень мало и прямо-таки страдал отсутствием аппетита; он пытался с этим бороться, употребляя в пищу острые и соленые кушанья—ветчину, копченую рыбу, икру и маринады. Желудок должен был расплачиваться за колоссальную работу мозга.

Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для него высшим наслаждением. Мне приходилось часто слышать, как он повторял слова Гегеля, своего учителя философии в годы юности: „Даже преступная мысль злодея величественнее и возвышеннее всех чудес неба".

Организм его должен был быть очень крепким, чтобы выносить такой необычный образ жизни и такую изнуряющую умственную работу. И действительно, он был человеком крепкого сложения, роста выше среднего, широкоплечим, с хорошо развитой грудью, он был пропорционально сложен; пожалуй, только туловище было несколько длиннее, чем следует, по сравнению с ногами, как это часто встречается у евреев. Если бы в молодости он много занимался гимнастикой, то стал бы очень сильным человеком. Единственное физическое упражнение, которым он занимался регулярно, была ходьба; целыми часами, беседуя и куря, он мог шагать или взбираться на холмы, не чувствуя ни малейшей усталости. Можно даже сказать, что в своем кабинете он работал на ходу; он присаживался лишь на короткие промежутки времени, чтобы записать то, что он обдумал во время ходьбы. Он очень любил беседовать расхаживая и лишь время от времени останавливался, когда речь становилась особенно оживленной или разговор становился серьезным.

В продолжение многих лет я сопровождал его на вечерних прогулках в Хемстед Хис; во время этих прогулок по лугам получил я от него свое экономическое воспитание. Может быть, даже сам

---

[1] Холмистый парк в Лондоне.—*Ред.*

того не замечая, он излагал мне, шаг за шагом, содержание всего первого тома „Капитала", по мере того как он его тогда писал.

Всякий раз, возвратившись домой, я записывал, как мог, только что услышанное; сначала мне было очень трудно следовать за глубоким и сложным ходом мысли Маркса. К сожалению, я потерял эти драгоценные заметки. После Коммуны[1] мои бумаги в Париже и в Бордо подверглись со стороны полиции полному разграблению.

Больше всего жалею я об утрате заметок, которые я сделал в тот вечер, когда Маркс изложил мне свою гениальную теорию развития человеческого общества с тем богатством доказательств и соображений, которое было свойственно только ему. Как будто завеса разорвалась перед моими глазами: в первый раз я ясно почувствовал логику всемирной истории и мог свести столь противоречивые по видимости явления развития общества и идей к их общим материальным причинам. Я был этим прямо как будто ослеплен, и впечатление это оставалось во мне в течение долгих лет.

Точно такое же действие произвело это на мадридских социалистов[2], когда я, при всей недостаточности моих средств, изложил им эту теорию, величайшую из теорий, созданных Марксом, и, безусловно, одну из величайших теорий вообще, до каких только доходил когда-либо человеческий ум.

Мозг Маркса был вооружен невероятным множеством фактов из области истории и естествознания, а также философских теорий и превосходно умел пользоваться всей массой знаний и наблюдений, накопленных в продолжение долгой умственной работы. Маркса можно было спрашивать когда угодно и о чем угодно, и всегда получался самый обстоятельный ответ, какого только можно было желать, и всегда он сопровождался философскими соображениями обобщающего характера. Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления.

Несомненно, „Капитал" обнаруживает перед нами ум изумительной силы и громадных знаний; но для меня, как и для всех, кто близко знал Маркса, ни „Капитал", ни какое-либо другое из его сочинений не показывает всего величия его гения и его знаний. Он был гораздо выше своих произведений.

Мне привелось работать с Марксом; я был просто писцом, которому он диктовал. Но мне при этом представлялся случай наблюдать его манеру мыслить и писать. Работа шла у него легко и в то же

[1] Лафарг был во Франции в дни Парижской Коммуны (март—май 1871 г.).—*Ред.*

[2] После поражения Парижской Коммуны Лафарг перебрался в Испанию, где вел по поручению Маркса и Генерального совета I Интернационала борьбу против анархистов-бакунистов.—*Ред.*

время трудно: легко, потому что для любой темы немедленно же появлялась перед его духовным взором вся полнота относящихся к ней фактов и соображений; но как раз вследствие этой полноты исчерпывающее изложение его идей было трудным делом и требовало продолжительного времени.

Маркс постигал вещи. Он видел не только поверхность, он проникал вовнутрь, он исследовал составные части в их взаимном действии и в их взаимном противодействии. Он выделял каждую из этих частей и прослеживал историю ее развития. Затем от вещи он переходил к окружающей ее среде и наблюдал действие последней на первую и обратно. Он возвращался опять к возникновению объекта, к его изменениям, эволюциям и революциям, которые этот последний проделывал, и доходил, наконец, до самых отдаленных его действий. Он видел перед собой не отдельную вещь самое по себе, вне связи с окружающей ее средой, но весь сложный, находящийся в постоянном движении мир.

И Маркс хотел изобразить всю жизнь этого мира в его столь разнообразных и непрерывно меняющихся действиях и противодействиях. Беллетристы школы Флобера и Гонкуров[1] жалуются на то, как трудно точно передать то, что видишь. А ведь то, что они хотят изобразить, это только поверхность, только воспринятое ими впечатление. Их литературная работа—детская игра по сравнению с работой Маркса. Требовалась необычайная сила мысли, чтобы так глубоко понять действительность, и требовалось не менее редкое искусство, чтобы передать то, что он видел и хотел сказать.

Никогда он не был доволен своей работой, всегда он впоследствии делал в ней изменения и постоянно находил, что изложение не достигает той высоты, до которой доходит его мысль.

Маркс совмещал в себе оба качества, необходимые для гениального мыслителя. Разложить предмет на его составные части и затем восстановить его со всеми его деталями и различными формами развития и открыть внутреннюю их зависимость,—это он делал мастерски. Его доказательства не были абстракциями, как утверждали экономисты, не способные мыслить; его метод был не метод геометрии, которая, черпая свои определения из окружающего мира, при построении выводов совершенно отрешается от реальной почвы. В „Капитале“ мы находим не отдельные определения, не отдельные формулы, а ряд в высшей степени тонких анализов действительности, передающих самые легкие оттенки и малейшие различия.

Маркс начинает с утверждения очевидного факта, что богатство общества, в котором господствует капиталистический способ произ-

[1] Французские писатели XIX века.—*Ред.*

водства, заключается в огромной массе товаров; товар,—нечто конкретное, не какая-нибудь математическая абстракция,—есть, таким образом, элемент, первичная клеточка капиталистического богатства. Маркс берется за этот товар; он перевертывает его на все стороны, выворачивает даже наизнанку и раскрывает одну за другой его тайны, существования которых представители официальной экономической науки даже не подозревали и которые, однако, многочисленнее и глубже, чем все таинства католической религии. Всесторонне исследовав вопрос о товаре, он рассматривает отношение одного товара к другому в обмене и затем переходит к производству товаров и к историческим условиям развития их производства. Рассматривая формы существования товара, Маркс показывает, как одна из них переходит в другую, как необходимым образом одна производит из себя другую. Логический ход развития явлений представлен так искусно и с таким совершенством, что может, пожалуй, показаться простым измышлением самого Маркса, и, тем не менее, все это почерпнуто им лишь из действительности, все это представляет действительную диалектику товара.

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло; даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в библиотеке музея проверить этот факт. Оппоненты никогда не были в состоянии обличить Маркса в опрометчивости, указать, что его доказательства построены на фактах, не выдерживающих строгой критики.

Следуя этой привычке обращаться непосредственно к первоисточникам, он часто читал малоизвестных писателей, цитаты из которых встречаются у него одного. Подобных цитат в „Капитале“ так много, что можно было бы, пожалуй, заподозрить, не делал ли он их намеренно, чтобы похвастать своей начитанностью. Маркс, однако, имел в виду отнюдь не такую цель. „Я творю суд истории и воздаю каждому по его заслугам“, говорил он и считал своим долгом назвать имя каждого писателя, который впервые высказал ту или другую идею или выразил ее наиболее определенно, как бы незначителен или малоизвестен ни был этот писатель.

Его литературная совесть была столь же строга, как и его научная совесть. Он не только никогда не ссылался на факт, в котором не был вполне уверен, но и ни разу не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно. Он не опубликовывал ничего до тех пор, пока не добивался тщательной обработкой и неоднократными переделками соответствующей

формы. Ему была невыносима мысль появиться перед публикой с вещью, не доработанной до конца. Показывать свои рукописи, пока в них не закончено все до последней запятой, было для него чистым мучением. Так сильно было в нем это чувство, что однажды он сказал, что лучше сожжет свои рукописи, чем оставит их неоконченными.

Вряд ли читатель даже представит себе все трудности, которые вытекали из его метода исследования. Так, чтобы написать в „Капитале" около двадцати страниц об английском рабочем законодательстве, он должен был проштудировать целую библиотеку „Синих книг", содержащих доклады следственных комиссий и фабричных инспекторов Англии и Шотландии; он прочитал их от начала до конца, как можно судить по многочисленным пометкам карандашом, встречающимся в них. Эти доклады он считал важнейшими и значительнейшими документами для изучения капиталистического способа производства и был такого высокого мнения о людях, которым поручено было их составление, что сомневался, удастся ли другим нациям Европы „найти таких же сведущих, беспристрастных и смелых людей, как фабричные инспекторы Англии". Эту богатую дань их заслугам он воздает в предисловии к „Капиталу".

И этот богатый фактический материал Маркс почерпнул из тех самых „Синих книг", которые многие члены обеих палат парламента, получавшие эти книги, умели употреблять только как мишень для стрельбы из пистолета, измеряя по числу страниц, пробитых пулей, силу удара оружия. Другие члены парламента продавали „Синие книги" на вес, и это было самое разумное, что они могли сделать: это-то и дало возможность Марксу дешево купить их у букиниста, к которому он заходил время от времени просматривать его книги и старые документы. Профессор Бизли заявил, что Маркс максимально использовал для науки „Синие книги" и, пожалуй, даже впервые познакомил с ними мир. Профессор Бизли, однако, не знал, что еще до 1845 года Энгельс почерпнул из „Синих книг" много документов, которые он использовал в своей книге о положении рабочего класса в Англии[1].

2

Надо было видеть Маркса дома, в кругу семьи, когда он откладывал в сторону книги и тетради, или по воскресеньям вечером в компании друзей, чтобы разглядеть за обликом строгого ученого сердце этого человека и полюбить его. В эти моменты он бывал самым

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III.—*Ред.*

приятным собеседником—остроумным, полным юмора, умевшим смеяться от всей души. Всякий раз, когда кто-нибудь вставлял в разговор острое слово или ловко парирующий ответ, его черные глаза под нависшими густыми бровями искрились от веселости и насмешливой иронии.

Отец он был нежный, кроткий, снисходительный. „Дети должны воспитывать своих родителей", говорил он обычно. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И, тем не менее, редкому отцу удавалось добиться большего послушания. В глазах дочерей он был другом, и они обходились с ним, как с товарищем. Они называли его не отец, а „Мавр",—так в шутку прозвали Маркса за смуглый цвет лица и за черные, как смоль, волосы и бороду. А члены „Союза коммунистов"[1] еще до 1848 года величали его „отец Маркс", хотя в то время ему не было еще и 30 лет...

Маркс проводил иногда целые часы в играх со своими детьми. Последние и до сих пор вспоминают о морских сражениях и пожарах целых флотилий бумажных корабликов, которые он сам для них сооружал, пускал в большом тазу с водой и затем поджигал к величайшей радости ребят.

По воскресеньям дочери не позволяли ему работать: он на весь день был в их распоряжении. Если погода была хорошая, все семейство предпринимало большую прогулку за город; по дороге заходили в простую таверну выпить имбирного пива и закусить хлебом с сыром. Когда дочери были еще маленькими, Маркс, чтобы укоротить длинный путь, рассказывал чудесные волшебные сказки, тянувшиеся без конца,—сам по дороге сочиняя их, растягивая или, наоборот, ускоряя события, смотря по длине оставшегося пути, и малыши, заслушавшись его, забывали о своей усталости.

У Маркса была бесподобная поэтическая фантазия. Его первыми литературными опытами были стихи. Жена Маркса бережно хранила юношеские стихотворения своего мужа, но никому их не показывала. Родители Маркса мечтали для сына о литературной или профессорской карьере; по их мнению, он унизил себя тем, что отдался социалистической агитации и избрал своим предметом политическую экономию, к которой в тогдашней Германии относились еще с пренебрежением.

---

[1] „Союз коммунистов"—первая партийная коммунистическая организация, созданная Марксом и Энгельсом и существовавшая с 1847 до 1852 г.—*Ред.*

Маркс обещал своим дочерям написать драму, сюжетом которой должна была служить история Гракхов. К сожалению, он не мог исполнить этого данного им обещания; а интересно было бы посмотреть, как тот, кого назвали „рыцарем классовой борьбы", разработал бы этот трагичный и вместе величественный эпизод из истории борьбы классов древнего мира. У Маркса было множество планов, которые остались неосуществленными. Он намеревался, между прочим, написать логику и историю философии,—последняя была его любимым занятием в юношеские годы. Сто лет надо было ему прожить, чтобы привести в исполнение свои литературные планы—одарить мир частью тех сокровищ, которые хранились в его голове!

Жена Маркса в течение всей его жизни была ему подругой в самом истинном и полном смысле этого слова. Оба знали друг друга еще детьми и выросли вместе. Марксу было не больше 17 лет, когда они обручились. Молодым людям пришлось ждать девять лет, пока они в 1843 году обвенчались и с тех пор не разлучались уже ни разу. Жена Маркса скончалась, немного опередив мужа. Никто и никогда, пожалуй, не был в такой степени проникнут идеей равенства, как жена Маркса, хотя она родилась и получила воспитание в аристократической немецкой семье. Различий по общественному положению для нее не существовало. Пролетариев в будничной рабочей одежде она приглашала садиться дома за свой стол с такой внимательной предупредительностью, как будто это были князья или принцы. Многим рабочим всевозможных национальностей привелось самим испытать ее гостеприимство и радушие, и я уверен—ни один из них даже не заподозрил, что эта женщина, с ее безыскусственной, искренней сердечностью в обращении, происходит по женской линии из рода герцогов Аргайльских, что ее брат был министром прусского короля. Она бросила все, чтобы следовать за своим Карлом, и никогда, даже в дни самой жестокой нужды, не раскаивалась в том, что сделала.

У нее был светлый, блестящий ум. Ее письма к друзьям, очевидно без всякого усилия с ее стороны, сами собой выливавшиеся из-под пера, представляют действительно мастерские произведения живого и оригинального ума. Получить от жены Маркса письмо было праздником. Иоганн-Филипп Беккер опубликовал часть ее писем к друзьям. Неумолимый сатирик Гейне побаивался иронии Маркса и очень высоко ценил острый и тонкий ум его жены. Во время пребывания четы Марксов в Париже он был их постоянным гостем. Сам Маркс был настолько высокого мнения об уме и критических способностях своей жены, что (как я слышал от него в 1866 г.) давал ей на прочтение все свои рукописи и придавал большую цену ее суждениям. Она же переписывала его рукописи для печати.

У супругов Маркс было много детей. Трое из них умерли в самом раннем возрасте во время невзгод, которые пришлось испытать семье после революции 1848 года, когда они эмигрировали в Лондон и поселились там в двух маленьких комнатах на Дин-стрит, около Сохо-сквера. Из детей я знал только трех дочерей. Когда в 1865 году я познакомился с Марксом, младшая (Элеонора) была чудным ребенком, с замашками мальчика. Маркс уверял, что жена его ошиблась, произведя ее на свет девочкой. Две другие дочери представляли собой удивительный образчик совершенных противоположностей во всех отношениях. Старшая (впоследствии жена Лонге), подобно отцу, имела смуглый здоровый цвет лица и волосы цвета воронова крыла; другая—средняя (впоследствии жена Лафарга)—походила на мать: это была румяная блондинка с пышными кудрявыми волосами, которые отливали золотом, как будто в них постоянно светилось заходящее солнце.

К семейству Маркса, кроме вышеупомянутых, нужно причислить еще одного члена, игравшего немаловажную роль,—Ленхен Демут. Родом из крестьянской семьи, она совсем еще молоденькой, почти ребенком, попала к Женни Маркс в качестве прислуги задолго до ее замужества. Ленхен не оставила Женни Маркс и после ее выхода замуж; она так сильно привязалась к семейству Маркса, что для них совершенно забыла о самой себе. Она сопровождала супругов во всех их поездках и разделяла с ними их изгнание.

Это был поистине добрый гений дома: она умела найтись в самую трудную минуту. Благодаря ее распорядительности, бережливости и ловкости семья никогда не нуждалась, по крайней мере в самом необходимом. Ленхен все умела делать: стряпала, смотрела за хозяйством, одевала детей, кроила платья и шила их вместе с женой Маркса. В доме, находившемся на ее попечении, она была одновременно и хозяйкой и мажордомом.

Дети любили ее, как мать, и в их глазах она пользовалась родительским авторитетом, потому, конечно, что относилась к ним с чисто материнской привязанностью. Женни Маркс видела в ней свою близкую подругу, и сам Карл Маркс был к ней расположен очень дружески; он любил играть с ней в шахматы, причем она нередко его обыгрывала.

Привязанность Ленхен к семье Маркса была слепая: что бы кто из них ни сделал, все в ее глазах было прекрасно и не могло быть иным. Всякий, высказывавший осуждение Марксу, казалось, осуждал ее самое. Ко всем, кто пользовался сердечным расположением семьи, она относилась по-матерински, с чувством покровительственной нежности. Она как бы усыновила всех их—всю семью. Ленхен пережила Маркса и его жену; ту заботливость и привязан-

ность, которые она дарила семье Маркса, она перенесла затем в дом Энгельса, с которым познакомилась еще в молодые годы.

Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи; дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был alter ago[1] Маркса: долгое время в Германии их имена не разделялись, и на страницах истории они будут связаны навеки. Маркс и Энгельс осуществили в нашем веке тот идеал дружбы, который изображали древние поэты. С юных лет они развивались вместе и, так сказать, параллельно, делились друг с другом самыми задушевными мыслями и чувствами, принимали участие в одной и той же революционной агитации и до тех пор работали совместно, пока могли быть вместе.

Они бы всю жизнь, вероятно, проработали так вдвоем, если бы события не разлучили их почти на целых 20 лет. Когда революция 1848 года была подавлена, Энгельсу пришлось отправиться в Манчестер, тогда как Маркс должен был остаться в Лондоне.

Несмотря на это, они продолжали жить общей духовной жизнью: они почти ежедневно переписывались по поводу текущих политических событий или по вопросам науки, делились друг с другом собственными научными изысканиями. Как только Энгельсу представилась возможность освободиться от своей работы, он поспешил выбраться из Манчестера и переехал в Лондон, где поселился в десяти минутах ходьбы от своего дорогого Маркса. Начиная с 1870 года и до самой смерти Маркса не проходило дня, чтобы они не виделись, чтобы один из друзей не навестил другого.

Когда Энгельс объявлял о своем приезде, это было торжеством для семьи Маркса. В ожидании его шли нескончаемые разговоры о нем, а в самый день приезда Маркс от нетерпения не мог работать. Подкрепляя свои силы табаком, друзья просиживали вместе всю ночь, чтобы досыта наговориться обо всем, что произошло со дня их последнего свидания...

Мнением Энгельса Маркс дорожил больше, чем мнением кого бы то ни было: Энгельс был как раз тем человеком, которого Маркс считал способным быть его сотрудником. Для того, чтобы убедить в чем-нибудь Энгельса, чтобы заставить его признать какую-нибудь свою идею, Маркс не жалел никаких трудов. Мне, например, привелось видеть, как он перечитывал заново целые томы, чтобы отыскать факты, которые заставили бы Энгельса переменить мнение по какому-то,—теперь не припомню, какому именно,—второстепенной важности вопросу из истории политической и религиозной войны альбигойцев[2]. Заставить Энгельса согласиться со своим мнением—это было праздником для Маркса.

[1] Второе „я".—*Ред.*

[2] Южнофранцузская религиозная секта XII—XIII веков.—*Ред.*

Маркс гордился своим другом. Он с особенным удовольствием раскрывал предо мною все нравственные и умственные достоинства Энгельса; чтобы показать мне его, он даже нарочно ездил со мной в Манчестер.

Маркс приходил в восторг от необыкновенной разносторонности научных познаний Энгельса. Каждая мелочь, касавшаяся его друга, беспокоила его.

— Я постоянно дрожу,—говорил мне Маркс,—при мысли, что с ним приключится какое-нибудь несчастье на охоте, когда он скачет по полям во весь опор, беря одно препятствие за другим.

Маркс был хорошим другом так же, как был нежным мужем и отцом; с другой стороны, в своих близких—жене, дочерях, Ленхен и Энгельсе—он нашел людей, вполне достойных любви такого человека, каким был он.

3

Маркс начал свою общественную деятельность одним из вождей радикальной буржуазии, но как только его оппозиция стала более резкой, он оказался покинутым, а когда он стал коммунистом, прежние союзники объявили его своим врагом. Его травили, изгнали из Германии, позорили его и клеветали на него, и, наконец, против него лично и против его трудов составился заговор молчания. Абсолютно игнорировали его „18 брюмера", работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 года он один сумел понять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 года. Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом труде, несмотря на то, что это был прямой ответ на злобу дня.

Равным образом замолчали и „Нищету философии"—ответ на „Философию нищеты"[1], так же, как и „К критике политической экономии"[2]. Однако I Интернационал и первый том „Капитала" разбили этот заговор молчания, продолжавшийся почти 15 лет.

Игнорировать Маркса далее стало невозможно. Интернационал рос, и слава его дел наполнила весь мир. Хотя сам Маркс держался в тени, выдвигая вперед других, однако скоро ни для кого уже не было тайной, кто является режиссером.

В Германии была основана социал-демократическая партия, выросшая в силу, за которой Бисмарк ухаживал, прежде чем решился

[1] Книга мелкобуржуазного утописта Прудона, критике которой посвящена „Нищета философии" Маркса, написанная и изданная в 1847 г.—*Ред.*

[2] Книга Маркса, законченная им и изданная в 1859 г.—*Ред.*

обрушить на нее репрессии. Лассальянец Швейцер напечатал ряд статей, которые знакомили рабочую публику с содержанием „Капитала“. По предложению И.-Ф. Беккера конгресс Интернационала принял резолюцию, в которой „Капитал“ рекомендуется вниманию интернациональных социалистов как „библия рабочего класса“.

После восстания 18 марта 1871 года, в котором хотели видеть дело рук Интернационала, и после поражения Коммуны, защиту которой против клеветнического похода буржуазной прессы всех стран взял на себя Генеральный совет Интернационала, имя Маркса стало всемирно известным.

Маркс был теперь признан крупнейшим теоретиком научного социализма и организатором первого интернационального движения рабочих. „Капитал“ стал учебником социалистов всех стран. Все социалистические и рабочие газеты пропагандировали его научные теории, а в Америке во время одной вспыхнувшей в Нью-Йорке крупной забастовки выдержки из этой книги распространялись в форме прокламаций для того, чтобы побудить рабочих к стойкости и доказать им справедливость их требований.

„Капитал“ был переведен почти на все европейские языки. И каждый раз, когда в Европе или Америке противники теории Маркса делали попытку опровергнуть его положения, марксисты находили ответ, который затыкал им рот. „Капитал“ теперь действительно стал тем, чем его назвал конгресс Интернационала, а именно—„библией рабочего класса“.

Однако горячее участие, которое принимал Маркс в Интернационале и рабочем движении вообще, отнимало время от его научной деятельности, а смерть жены и старшей дочери, Женни Лонге, отозвалась на этой деятельности прямо роковым образом.

Супругов Маркс тесно связывало чувство глубокой взаимной любви. Маркс любовался и гордился красотой жены. Она, с ее кротким, мягким нравом, облегчала ему его жизнь революционного социалиста, беспокойную и неизбежно связанную с лишениями.

Эти лишения уложили в гроб Женни Маркс; они же сократили жизнь ее мужа. За время ее долгой мучительной болезни бессонные ночи, душевные волнения, недостаток движения и чистого воздуха истомили Маркса и нравственно и физически. Он вскоре схватил воспаление легких, которое чуть было не свело его в могилу.

Жена Маркса как жила, так и умерла, верная своим убеждениям коммунистки и материалистки. Скончалась она в 1881 году 2 декабря. Она не боялась смерти. Почувствовав ее приближение, она сказала мужу: „Карл, силы мои сломлены“.

Это были ее последние, внятно произнесенные слова. Она была похоронена 5 декабря на Хайгетском кладбище в отделении для

„отверженных“ (в неосвященной земле). Следуя правилам, которых она держалась всю жизнь и которые разделял и Маркс, о дне ее погребения не объявляли; только немногие самые близкие друзья проводили умершую на место ее последнего успокоения. Перед тем, как разойтись, Энгельс, старинный друг Карла и Женни, произнес над могилой следующую речь:

„Друзья мои! Женщина прекрасной души, которую мы сейчас схоронили, родилась в Зальцведеле в 1814 году. Отец ее, барон фон-Вестфален, вскоре после ее рождения был переведен в Трир с чином правительственного советника и очень подружился там с семейством Маркса. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, их судьба была уже решена. Свадьба состоялась в 1843 году, вскоре после запрещения „Рейнской газеты“, некоторое время редактировавшейся Марксом. С этих пор Женни Маркс не только разделяла судьбу мужа, но с полной сознательностью, с горячей преданностью участвовала в его научной и общественной борьбе.

Молодая чета отправилась в Париж, в добровольное изгнание, которое очень быстро превратилось в настоящее изгнание: прусское правительство преследовало Маркса также и там. С сожалением должен я здесь отметить, что даже такой человек, как Александр Гумбольдт, приложил все старания, чтобы добиться приказа о высылке Маркса. Семья принуждена была уехать в Брюссель. Настала февральская революция. Во время волнений, возникших в связи с нею в Брюсселе, бельгийское правительство не только арестовало Маркса, но не церемонилось засадить в тюрьму и его жену без всякого к тому повода.

Революционный подъем 1848 года уже на следующий год сошел на-нет. Новое изгнание—сначала в Париж, затем в Лондон—вследствие преследования со стороны французского правительства. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием со всеми его ужасами. Материальные лишения, под влиянием которых сошли в могилу двое ее мальчиков и девочка,—это она еще смогла снести; но когда правительство в союзе с буржуазной оппозицией во всех ее фракциях, от либеральных до демократических, составило громадный заговор против ее мужа, когда они закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой, когда вся пресса оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана, когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих противников, которых он и она могли лишь презирать,—это нанесло ей глубокую рану. И это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился такого положения, что мог до известной степени самостоятельно дей-

ствовать. Образовался Интернационал. Классовая борьба пролетариата перебрасывалась из одной страны в другую, а муж Женни—Маркс—был самым первым среди передовых бойцов. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до момента, когда все инсинуации, градом сыпавшиеся на голову Маркса, рассеялись, как мякина от ветра, когда его учение, которое все реакционные партии, от феодалов до демократов, старались всеми силами утаить, стало открыто проповедываться во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир—от России до Америки—и, несмотря ни на какое сопротивление, стало пробиваться вперед, все более и более уверенное в победе.

Одной из последних радостей, которые пришлось пережить Женни Маркс, было очевидное доказательство несокрушимой железной силы, которую проявили немецкие рабочие во время последних выборов в рейхстаг.

Что эта женщина, с ее острым, критическим умом, с ее политическим тактом, с ее энергией и пылкостью, была преданнейшим товарищем среди своих единомышленников в продолжение почти 40 лет,— об этом никто не говорил, об этом вы не найдете ни слова в летописях современной прессы; надо было самому быть свидетелем всего этого. Но я уверен, что ее будут часто вспоминать жены многих изгнанников, а тем более наш брат будет чувствовать, как нам недостает ее смелых и разумных советов—смелых без хвастовства, благоразумных, но никогда не роняющих человеческого достоинства.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают ее и не забудут. Как раз именно она была такой женщиной, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других".

Со дня смерти жены жизнь Маркса была рядом физических и нравственных страданий, которые он переносил с твердостью и которые еще обострились, когда год спустя внезапно умерла его старшая дочь Женни Лонге. Он был разбит и уже не поправлялся.

Он умер за своим письменным столом 14 марта 1883 года, на шестьдесят шестом году жизни.

ПОЛЬ ЛАФАРГ

Маркс и Энгельс

1

Я познакомился с Энгельсом в 1867 году, в год появления в свет первого тома „Капитала".

„Теперь, когда ты стал женихом моей дочери[1],—сказал мне Маркс,—я должен представить тебя Энгельсу". И мы поехали в Манчестер.

Энгельс жил со своей женой и ее племянницей, которой тогда было лет шесть или семь, в небольшом домике на окраине города. В нескольких шагах от них было уже открытое поле. После поражения революции на материке[2] Энгельс, подобно Марксу, перебрался в Лондон; и Маркс и Энгельс остались без всяких средств к существованию. Нужда заставила Энгельса поэтому последовать приглашению своего отца и вернуться в Манчестер, где ему пришлось занять то же место в конторе, которое он занимал в 1845 году. Маркс в это время писал еженедельные корреспонденции для газеты „Нью-йоркская трибуна" и с трудом мог удовлетворять самые насущные потребности своей семьи.

С этого времени до 1870 года Энгельс вел как бы двойную жизнь. В течение шести дней недели с 10 до 4 часов дня он выпол-

---

[1] Лафарг женился на дочери Маркса Лауре.—*Ред.*

[2] Речь идет о революции 1848 г.—*Ред.*

нял свои обязанности коммерсанта, состоявшие главным образом в ведении на разных языках иностранной корреспонденции торгового дома, равно как и в посещении торговой биржи. Для приема своих друзей из купеческого мира он имел специальную квартиру в центре города. Своих же политических и научных друзей он принимал в своей маленькой частной квартирке в предместье. В числе их был химик Шорлеммер, а также Семюэль Мур, который впоследствии перевел первый том „Капитала" на английский язык. Жена Энгельса, ирландка по происхождению, была горячей патриоткой и находилась в постоянных сношениях с своими соотечественниками, которых в Манчестере тогда было много, и она всегда была в курсе всех их планов. Многие фении[1] находили убежище в доме Энгельса, а один из их руководителей, которому было поручено освободить перевозимых к месту казни фениев, только благодаря жене Энгельса мог уйти от полиции. Энгельс, который интересовался движением фениев, собирал ряд документов по истории английского господства в Ирландии; часть этой работы, несомненно, подготовлена им и должна находиться среди оставшихся после него бумаг.

По вечерам, освободившись от делового рабства, он возвращался в свой домик и снова становился свободным человеком. Он не только принимал участие в деловой жизни промышленников Манчестера, но разделял также и их удовольствия, посещал их собрания, банкеты, предавался их спорту. Будучи прекрасным наездником, он имел собственную лошадь для охоты на лисиц. Никогда он не упускал случая принять участие в такой охоте, когда, согласно старому феодальному обычаю, высшее и среднее дворянство приглашало окрестных наездников на травлю лисиц. Он был в числе первых в яростной скачке за зверем, и рвы, кустарники и прочие препятствия были ему нипочем. Маркс по этому поводу сказал мне однажды: „Я все боюсь услышать когда-нибудь, что с ним произошло несчастье".

Не знаю, были ли его буржуазные знакомые осведомлены об его другой жизни,—англичане ведь необыкновенно сдержанны и проявляют так мало любопытства по отношению к тому, что их непосредственно не касается. Во всяком случае они решительно ничего не знали о богатых духовных способностях человека, с которым находились в ежедневном общении, потому что Энгельс весьма скудно обнаруживал перед ними свои познания...

Энгельс всегда любил общество молодежи и неизменно был гостеприимным хозяином. Сколько лондонских социалистов, проезжавших товарищей, эмигрантов всех стран собиралось по воскресным

---

[1] Ирландские националисты-революционеры.—*Ред.*

дням за его братским столом! Все они покидали его дом, очарованные этими вечерами, которые он оживлял своим остроумием, своей увлекательной живостью, своей неугомонной веселостью.

2

Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно сплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизнь. И тем не менее каждый из них представлял собой ярко выраженную особую индивидуальность по внешнему облику и по характеру, темпераменту и манере мыслить и чувствовать. Они впервые встретились в последних числах ноября 1842 года в одно из посещений Энгельсом редакции „Рейнской газеты". Когда Маркс, „воспользовавшись" тем, что цензура закрыла „Рейнскую газету", женился и переехал во Францию, Энгельс провел с ним в сентябре 1844 года несколько дней в Париже. Переписка их началась, как сообщает Энгельс в своей биографии Маркса, с совместной работы их в „Немецко-французском ежегоднике" [1], и с той поры начинается их совместная деятельность, закончившаяся лишь со смертью Маркса. В начале 1845 года министерство Гизо выслало Маркса, по настоянию прусского правительства, из Франции, и он переехал в Брюссель. Вскоре и Энгельс приехал туда. И когда революция 1848 года снова воскресила „Рейнскую газету", Энгельс вошел вместе с ним в редакцию и замещал его, когда Марксу необходимо было отлучаться.

Однако Энгельс не пользовался таким же авторитетом, как Маркс, в глазах своих товарищей по редакции—молодых людей, сплошь талантливых, революционно настроенных, мужественных,—несмотря на свое духовное превосходство над ними. Маркс рассказывал мне, что, вернувшись как-то из поездки в Вену, он застал в редакции раскол и распри, с которыми Энгельс никак не мог справиться. Отношения были очень обострены. Чтобы снова восстановить мир в редакции, Марксу пришлось пустить в ход всю свою дипломатию.

У Маркса был врожденный дар руководить людьми. Влиянию его подвергался всякий, кто вступал с ним в какие-либо отношения. Энгельс один из первых признал это. Он мне часто говорил, что Маркс с самой ранней молодости импонировал всем ясностью и решительностью своего характера. Он был истинный вождь, к кото-

[1] Журнал, единственный (двойной) номер которого вышел в Париже в 1844 г.; в нем были помещены первые коммунистические работы Маркса и Энгельса.—*Ред.*

рому все относились с полным доверием даже в делах, выходивших за пределы его компетенции. Вот характерный в этом отношении факт. Вольф, которому посвящен первый том „Капитала", серьезно заболел в Манчестере, где он жил. Врачи признали его положение безнадежным, но Энгельс и друзья его не поверили этому жестокому приговору и заявили единогласно, что следует по телеграфу вызвать Маркса и выслушать его мнение...

Энгельс и Маркс привыкли совместно работать. Энгельс, который сам доходил до крайности в своем стремлении к точности, тем не менее не раз выходил из себя от щепетильности Маркса, не решавшегося напечатать ни одной фразы, которой он не мог бы доказать десятью различными способами.

После поражения революции 1848 года оба друга вынуждены были расстаться. Один из них отправился в Манчестер, другой остался в Лондоне. Однако они не перестали мысленно жить друг с другом: ежедневно или почти ежедневно, в продолжение двадцати лет, делились они в письмах своими впечатлениями и думами по поводу политических событий и своих научных занятий. Эта переписка сохранилась.

Как только Энгельсу удалось сбросить с себя ярмо коммерции, он покинул Манчестер и поспешил в Лондон, где он поселился в Риджентс-парк-Род, в десяти минутах ходьбы от Майтланд-парк-Род, где жил Маркс. Ежедневно, около часу дня, он отправлялся к Марксу, и, если погода благоприятствовала и у Маркса было настроение, они отправлялись вместе гулять на поляны Хемстеда. Когда гулять почему-либо нельзя было, они час или два беседовали в рабочем кабинете Маркса, прохаживаясь взад и вперед: один—по одной диагонали, другой—по другой. Я живо припоминаю один их спор по поводу альбигойцев, который длился несколько дней. Маркс изучал в это время роль еврейских и христианских финансистов средневековья[1]. В промежутках спора они, каждый в отдельности, обдумывали спорный вопрос, дабы притти к общему мнению. Никакая иная критика их мыслей и работ не имела для них того значения, как этот их обмен мнений,—так высоко ставили они друг друга.

Маркс не переставал восторгаться универсальными познаниями Энгельса, его удивительной духовной эластичностью, благодаря которой он с такой легкостью переходил от одного предмета к другому, а Энгельс, со своей стороны, восхищался мощным анализом и синтезом Маркса.

---

[1] Подготовляя „Капитал", Маркс критически изучил произведения всех сколько-нибудь заметных авторов книг и памфлетов по экономическим вопросам, включая произведения экономистов древности и средневековья.—*Ред.*

— Конечно,—сказал он мне однажды,—рано или поздно механизм капиталистического способа производства был бы понят и установлен, были бы открыты и выяснены законы его развития, однако на это потребовалось бы много времени, и работа производилась бы отрывочно и отдельными клочками. Один лишь Маркс способен был проследить все экономические категории в их диалектическом развитии, связать моменты их развития с обусловливающими их причинами и воздвигнуть целостное теоретическое здание экономической науки, отдельные части которого взаимно друг друга подкрепляют и обусловливают.

Маркса и Энгельса сближала не только совместная умственная работа, но и взаимная нежная привязанность. Каждый из них всегда думал о том, как бы чем-нибудь порадовать друга; каждый из них всегда гордился другим. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя, который сообщал ему о посещении Энгельса и называл его очаровательнейшим человеком, какого ему когда-либо приходилось встречать. „Я бы хотел видеть человека,—прервал себя Маркс при чтении письма,—который не нашел бы Фреда столь же милым, как и образованным!"

У них все было общим: деньги и знания. Когда Марксу было поручено писать корреспонденции для „Нью-йоркской трибуны", он стал изучать английский язык, а Энгельс пока переводил его статьи, иногда же, когда это нужно было, сам их и писал. Когда же Энгельс работал над своим „Анти-Дюрингом", Маркс прервал свои занятия, чтобы написать для него экономическую часть, которой Энгельс, по его собственному признанию, частично воспользовался [1].

Энгельс распространял свою дружбу на всю семью Маркса. Дочери Маркса были и его детьми, и они в свою очередь называли Энгельса своим вторым отцом. Дружба эта продолжалась и после смерти Маркса.

Один лишь Энгельс был в состоянии разобраться в рукописях Маркса и издать оставленное им литературное наследство. Энгельс отложил в сторону свою общую философию наук, над которой работал свыше десяти лет и для которой подготовил обзор всех наук и их новейших успехов [2], чтобы посвятить себя всецело изданию двух последних томов „Капитала".

Энгельс любил научную работу. Его интересовали все области знаний. После поражения революции в 1849 году он сел на парусное судно, чтобы перебраться из Генуи в Англию, так как путеше-

[1] В книге Энгельса „Анти-Дюринг" глава X второго отдела написана Марксом.—*Ред.*

[2] Часть незаконченных рукописей Энгельса, которые имеет в виду Лафарг, издана впервые в СССР под названием „Диалектика природы".—*Ред.*

ствие из Швейцарии через Францию казалось ему не совсем безопасным. И он использовал этот случай, чтобы приобрести некоторые познания в области мореплавания. На этом судне Энгельс вел дневник, в котором отмечал изменения в положении солнца, направлении ветра, состоянии моря и т. д. Этот дневник должен находиться среди его бумаг, ибо подвижной, неистовый Энгельс отличался аккуратностью старой девы. Он сохранял все и все записывал со старательной точностью.

Первыми увлечениями Энгельса были филология и военное искусство; он всегда оставался им верен и постоянно был в курсе их успехов. Самые, казалось, незначительные детали представлялись для него ценными. Помню, как он воспользовался визитом своего друга Меса, приехавшего из Испании, и читал ему вслух сборник испанских стихов, чтобы взять урок скандирования.

Его знание европейских языков и даже отдельных диалектов было прямо невероятно. Когда я после падения Коммуны встретился в Испании с членами местного Национального совета I Интернационала, они рассказывали мне, что в секретариате лондонского Генерального совета меня замещает в деле связи с Испанией некий Анжель, который пишет на чистейшем кастильском наречии. Этот Анжель был не кто иной, как Энгельс,—только фамилию его они произносили по-испански. Когда я отправился в Лиссабон, секретарь Национального совета Португалии Франчиа сообщил мне, что им получены письма от Энгельса на безупречном португальском языке,—удивительное мастерство, в особенности если принять во внимание сходство и мелкие различия этих двух языков между собой и итальянским языком, которым Энгельс также владел в совершенстве.

У Энгельса было своего рода кокетством писать каждому, с кем он находился в переписке, на его родном языке: Лаврову он писал по-русски, французам—по-французски, полякам—по-польски и т. д. Он наслаждался литературой на местных диалектах и всегда выписывал народные произведения Биньями, написанные на миланском наречии, сразу же после их выхода.

На взморье Рамсгейт владелец одного балагана, окруженный толпой мелкого лондонского люда, показывал бородатого карлика в бразильском генеральском мундире. Энгельс заговорил с ним сначала на португальском, затем на испанском языке—никакого ответа. Наконец, „генерал“ сам обронил какое-то словечко. „Да этот бразилец оказывается, однако, ирландцем!“ воскликнул Энгельс и обратился к нему уже на его родном наречии. Несчастный карлик, услыхав родную речь, заплакал от радости. Один эмигрант-коммунар, шутя по поводу свойства Энгельса заикаться в моменты волнения, сказал: „Энгельс заикается на двадцати языках“.

Ни к одной области знания не относился он безразлично. В последние годы жизни он читал труды по акушерству, потому что жившая у него г-жа Фрейбергер готовилась к медицинскому экзамену. Маркс упрекал его в том, что он разбрасывается, хватаясь за множество предметов ради собственного удовольствия, „совсем не думая о том, чтобы работать для человечества". Однако Энгельс, в свою очередь, упрекал его, говоря: „Я с удовольствием сжег бы русские издания о положении сельского хозяйства, которые вот уже несколько лет не дают тебе закончить „Капитал".

Маркс как раз в это время стал изучать русский язык. Один из его петербургских знакомых—Даниэльсон—прислал ему многочисленные объемистые отчеты о сельскохозяйственной анкете. Эти отчеты, обнаруживающие ужасающие условия сельского хозяйства России, были запрещены русским правительством к опубликованию.

Любознательность Энгельса удовлетворялась вполне лишь тогда, когда он овладевал изучаемым предметом до мельчайших его деталей. Когда составляешь себе некоторое представление о размерах и бесконечном разнообразии его познаний и принимаешь при этом во внимание его деятельную жизнь, то невольно удивляешься тому, как Энгельс, отнюдь не кабинетный ученый, мог накопить такое количество знаний. Столь же точная, как и безмерная, память сочеталась у него с необычайной быстротой работы и не менее удивительной легкостью восприятия. Работал он быстро и легко. В его двух больших светлых рабочих комнатах, стены которых были заставлены книжными шкафами, не валялось на полу ни одного клочка бумаги, а книги, за исключением какого-нибудь десятка, лежавшего на письменном столе, стояли все на своих местах. Помещение это походило скорее на приемную, нежели на рабочий кабинет ученого.

Столь же внимательно относился он к своей внешности: бодрый, старательно опрятный, он всегда выглядел так, точно готов был явиться на смотр, как в те времена, когда он служил в качестве вольноопределяющегося в прусской армии. Я не знаю никого, кто бы так подолгу носил одни и те же костюмы, причем они никогда не теряли своего фасона и выглядели как новые. Если по отношению к самому себе он был расчетлив и позволял себе только те расходы, которые считал безусловно необходимыми, то по отношению к партии и партийным товарищам, обращавшимся к нему в нужде, он проявлял безграничную доброту.

Энгельс жил в Манчестере, когда был основан I Интернационал. Энгельс поддерживал I Интернационал деньгами и работал в его газете, основанной Генеральным советом. Когда вспыхнула франко-

прусская война и Энгельс переехал в Лондон, он отдался работе в Интернационале с тем пылом, какой он проявлял во всем, за что ни брался.

Война увлекала Энгельса и как военного тактика. Изо дня в день следил он за борющимися армиями и не раз, как показывают его статьи в „Пелл-Мелл-Газетт", предсказывал мероприятия германского генерального штаба. За два дня до Седана[1] Энгельс предсказал окружение наполеоновской армии. За эти предсказания, которые, впрочем, обратили на себя внимание и английской прессы, старшая дочь Маркса, Женни, прозвала его „Генералом". После ниспровержения империи он возлагал все надежды на торжество Французской республики. У Энгельса и Маркса не было отечества. Оба они были, по выражению Маркса, гражданами всего мира.

---

[1] При Седане 2 сентября 1870 г. французская армия Наполеона III капитулировала, а император сдался в плен пруссакам.—*Ред.*

ВИЛЬГЕЛЬМ ЛИБКНЕХТ

Из воспоминаний о Марксе

Сотни раз ко мне обращались с просьбами написать что-нибудь о Марксе и о моих личных отношениях к нему; я всегда отклонял эти просьбы. Отклонял я их из чувства глубокого уважения к памяти Маркса. Было ли у меня для этого достаточно способностей и времени? А в таком труде, где речь идет о Марксе, неряшливость и небрежность были бы оскорбительным неуважением к его памяти.

Но мне не без оснований возражали, что и бегло набросанный очерк вовсе не должен быть непременно выражением небрежности и неряшливости. Мне говорили, что я могу сказать по поводу Маркса и о Марксе много такого, что неизвестно никому другому. А ведь все, что делает образ Маркса более близким для рабочих, имеет огромную ценность. Рассказывать ли то, что мне известно, в несовершенном виде или совсем не рассказывать? Из двух зол следует выбирать меньшее. В конце концов я и сам пришел к такому заключению.

1

Первая встреча с Марксом

Моя дружба с двумя старшими дочерьми Маркса, бывшими в то время в возрасте 6 и 7 лет, началась несколько дней спустя после того, как я летом 1850 года из Швейцарии, точнее, из одной

тюрьмы „свободной“ Швейцарии, приехал с проходным свидетельством в кармане через Францию в Лондон. Я встретил семью Маркса на летнем празднике „Коммунистического просветительного рабочего общества“—не помню, где именно, в Гринвиче или в Хемптон Корте—в окрестностях Лондона.

„Отец Маркс“, которого я увидел впервые, тотчас же подверг меня строгому экзамену, пристально посмотрел мне в глаза и довольно подробно освидетельствовал мою голову.

Впрочем, экзамен сошел благополучно, я выдержал взгляд этого человека с головою льва и иссиня-черной львиной гривой.

Экзамен превратился в оживленную веселую беседу, и вскоре мы очутились в самом центре ликующей праздничной толпы—Маркс был при этом одним из самых оживленных,—где я тотчас же познакомился с женой Маркса, с Ленхен, верной их помощницей с юных лет, и с детьми.

С того дня я стал у Маркса своим человеком и бывал у них каждый день. Они жили тогда на Дин-стрит, одной из боковых улиц Оксфорд-стрит, а я устроился по соседству, на Черч-стрит.

2

Первая беседа

Первая моя продолжительная беседа с Марксом состоялась на следующий день после нашей встречи на загородном празднике „Коммунистического просветительного рабочего общества“. Там, конечно, не было возможности серьезно разговаривать, и Маркс пригласил меня на следующий день в помещение общества, куда должен был притти и Энгельс.

Я явился несколько ранее условленного часа; Маркса еще не было; я встретил нескольких старых знакомых и увлекся оживленной беседой с ними, когда Маркс, хлопнув меня по плечу, дружески со мной поздоровался и сказал, что Энгельс в „приемной“, где нам будет спокойнее.

Я не знал, что такое „приемная“, и мне почудилось, что сейчас именно и начнется „главный“ экзамен; однако я доверчиво последовал за Марксом. Маркс, который произвел на меня такое же симпатичное впечатление, как и накануне, обладал способностью внушать доверие. Подхватив меня под руку, он повел меня в „приемную“, где Энгельс, уже запасшийся кружкой темного пива, встретил меня веселыми шутками.

Мигом мы заказали Эми, проворной кельнерше, „матерьял“ для выпивки, а также для еды—у нас, эмигрантов, желудочный вопрос играл важную роль,—мигом появилось пиво, и мы уселись—я по одну сторону стола, а Маркс и Энгельс против меня. Массивный стол из красного дерева, блестящие оловянные кружки, пенящееся пиво, предвкушение настоящего английского ростбифа с гарниром, длинные глиняные трубки, так и манившие закурить,—все это создало такую уютную обстановку, что я невольно вспомнил картинку из английских иллюстраций к Диккенсу. Но экзамен все-таки предстоял! Ну, что ж, как-нибудь вылезу! Разговор оживлялся все больше...

До моей встречи с Энгельсом в Женеве, за год до того, мне ни с ним, ни с Марксом не пришлось общаться лично. Из трудов Маркса я читал только его статьи в парижских „Ежегодниках“ [1] и „Нищету философии“, а из сочинений Энгельса—„Положение рабочего класса в Англии“; „Коммунистический манифест“ я, будучи коммунистом с 1846 года, достал лишь незадолго до моей встречи с Энгельсом, после кампании за имперскую конституцию [2], хотя я, конечно, слышал о нем и раньше и знал его содержание. „Новую рейнскую газету“ мне удавалось видеть лишь изредка; в течение 11 месяцев ее существования я находился либо за границей, либо в тюрьме, либо в хаотических условиях бурной жизни повстанца.

Оба мои экзаминатора подозревали меня в мелкобуржуазном „демократизме“ и „южногерманской сентиментальности“. Многие из моих суждений о людях и вещах подверглись очень резкой критике... Но в общем экзамен сошел довольно благополучно, и разговор постепенно перешел и на другие темы.

Вскоре мы коснулись естествознания, и Маркс издевался над победоносной реакцией в Европе, которая воображает, что революция задушена, и не догадывается, что естествознание подготовляет новую революцию. Царствование его величества пара, перевернувшего мир в прошлом столетии, окончилось; на его место станет неизмеримо более революционная сила—электрическая искра.

Тут Маркс с необычайным воодушевлением рассказал мне, что несколько дней назад на Риджент-стрит была выставлена модель электрической машины, везущей железнодорожный поезд:

— Теперь задача разрешена, и последствия этого факта не поддаются учету. Необходимым следствием экономической революции будет революция политическая, так как вторая является лишь выражением первой.

---

[1] Либкнехт имеет в виду „Немецко-французский ежегодник“ 1844 г.—*Ред.*

[2] Демократическое движение в Германии весной и летом 1849 г.—*Ред.*

Когда Маркс говорил об этом достижении науки и механики, все его мировоззрение, особенно так называемое ныне материалистическое понимание истории, выступило с такою ясностью, что немногие сомнения, еще остававшиеся у меня, рассеялись, как дым.

В тот вечер я не попал домой,—мы говорили, смеялись и пили до позднего утра, и солнце стояло уже высоко на небе, когда я улегся в постель. Но долго я не пролежал, я никак не мог уснуть. Голова была слишком полна всем тем, что я слышал; неугомонный рой мыслей выгнал меня опять на улицу.

Я поспешил на Риджент-стрит, чтобы посмотреть модель этого современного троянского коня, которого буржуазное общество в самоубийственном ослеплении, ликуя, как некогда троянцы и троянки, вводило в свой Илион и который нес ему с собою верную гибель.

Густая толпа народа указала мне витрину, в которой выставлена была модель. Я протискался вперед, и действительно—за стеклом проворно бегал электрический локомотив с вагонами...

Это было в 1850 году, в начале июля.

3

Маркс—учитель и воспитатель революционеров

„Мавр“, который, будучи старше нас всего на 5—6 лет, чувствовал за собой по отношению к нам, „молодым“, все преимущества зрелого возраста, пользовался каждым случаем, чтобы прощупать нас, а в особенности меня. При его колоссальной начитанности и баснословной памяти многим из нас приходилось солоно. Как он радовался всякий раз, когда, задав какому-нибудь „студентику“ щекотливый вопрос, он тут же на нем доказывал всю ничтожность наших университетов и нашего академического образования.

Но он также воспитывал, и воспитывал планомерно. О нем я могу сказать в двояком смысле, и в более узком и в более широком, что он был моим учителем. И ему нужно было подчиняться во всех областях.

О политической экономии я уж не говорю. В папском дворце не говорят о папе. О его лекциях по политической экономии в „Союзе коммунистов“ я скажу ниже.

Старые и новые языки он знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не

мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю... испанского языка! Мигом извлек он из груды книг „Дон-Кихота“ и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством „Мавра“ и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался. И как терпелив был он в преподавании,—он, обычно такой бурно-нетерпеливый! Лишь вошедший посетитель положил конец нашему уроку.

Каждый день Маркс проверял меня, и я должен был переводить ему что-нибудь из „Дон-Кихота“ или другой испанской книги—до тех пор, пока мои знания не показались ему достаточными.

Маркс был замечательным знатоком языков—правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз,—с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для „Нью-йоркской трибуны“ [1] написаны на классическом английском языке, его „Нищета философии“, направленная против прудоновской „Философии нищеты“,—на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский, а во время Крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не состоялось. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память,—а Маркс обладал редкой памятью, никогда ничего не упускавшей,—тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже не трудно.

В 1850 и 1851 годах Маркс прочел курс лекций по политической экономии. Он очень неохотно пошел на это; но, прочтя сначала несколько частных лекций в тесном кругу друзей, он по нашему настоянию согласился, наконец, выступить перед более широкой аудиторией. В этих лекциях, которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже полностью развил в основных чертах свою систему, как она изложена в „Капитале“.

---

[1] Газета, в которой сотрудничали Маркс и Энгельс в 50-х годах.—*Ред.*

В переполненном зале „Коммунистического просветительного рабочего общества“, помещавшегося в те времена еще на Уиндмилстрит,—в том же зале, где полтора года назад был принят „Коммунистический манифест“,—Маркс обнаружил замечательный талант популяризатора. Маркс был ярым противником вульгаризации, то-есть фальсификации и опошления, науки; но никто не обладал в большей степени, чем он, способностью ясно выражаться. Ясность языка—результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обусловливает ясную форму.

Маркс преподавал методически; он произносил фразу возможно короче и затем разъяснял ее более или менее пространно, старательно избегая всех непонятных рабочим выражений. Затем он предлагал слушателям задавать ему вопросы. Если вопросов не было, он начинал экзаменовать и делал это с таким педагогическим искусством, что от него не ускользал ни один пробел, ни одно недоразумение.

Когда я однажды высказал удивление по поводу этого искусства, мне сказали, что Маркс читал лекции еще в Брюссельском рабочем союзе. Во всяком случае он обладал всеми данными превосходного преподавателя.

Во время занятий он прибегал также к помощи черной доски, на которой писал формулы,—между прочим, и всем нам известные формулы с первых страниц „Капитала“.

Чрезвычайно жаль, что курс его лекций продолжался только полгода или даже меньше. В „Коммунистическое общество“ проникли элементы, бывшие Марксу не по душе. После того как волна эмиграции спала, общество сжалось и приняло несколько сектантский характер,—старые сторонники Вейтлинга и Кабе снова подняли голову, и Маркс отстранился от этого общества.

Пуризм Маркса в вопросах языка и стиля (см. об этом ниже) доходил иной раз до педантичности. Мой верхнегессенский диалект, который от меня—или от которого я—упорно не хотел отвязаться, стоил мне бесчисленных выговоров. Я отмечаю эту мелочь только потому, что она показывает, до какой степени Маркс чувствовал себя учителем по отношению к нам, „молодежи“.

Это проявлялось, конечно, и в другом виде. Он был очень требователен. Когда он замечал какой-нибудь пробел в знаниях, он бурно настаивал на его восполнении, для чего давал все нужные советы.

Оставаясь с нами наедине, он устраивал настоящие экзамены, и эти экзамены были не шуткой. Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия бесплодны, то и дружбе приходил конец. Мы почитали за честь быть под его „муштрой“.

Никогда мои свидания с ним не проходили без того, чтобы я не выучился чему-нибудь...

В те времена лишь ничтожное меньшинство даже внутри рабочего класса доросло до социализма, а среди самих социалистов социалисты в духе научной теории Маркса, в духе „Коммунистического манифеста", были в свою очередь меньшинством. Основная масса рабочих, поскольку она вообще пробудилась для политической жизни, застряла в тумане сентиментально-демократических пожеланий и фраз, столь характерных для революционного движения 1848 года с его прологом и эпилогом. Одобрение толпы, популярность были для Маркса доказательством, что человек попал на ложный путь, и любимой его поговоркой были гордые слова Данте: „Segui il tuo corso e lascia dir le genti" („Иди своим путем, и пусть люди говорят, что угодно").

Как часто цитировал он этот стих, которым заканчивается и его предисловие к „Капиталу"! Никто не может быть равнодушен к ударам, пинкам, укусам комаров и клопов, и как часто Маркс, на своем пути встречавший нападки со всех сторон, терзаемый заботой о хлебе насущном, не понимаемый массой трудящихся, для освободительной борьбы которых он в ночной тиши оттачивал оружие, и не только не понимаемый, но подчас даже грубо отталкиваемый этой самой массой, которая бежала за пустыми фразерами, лицемерными предателями или даже просто за явными врагами,—как часто он в уединении своего бедного, истинно пролетарского кабинета подбадривал себя словами великого флорентинца, черпая в них свежие силы!

И он не дал сбить себя со своего пути. В противоположность принцу из „Тысячи и одной ночи", потерявшему победу и награду за нее только потому, что он стал трусливо оглядываться, испугавшись шума и призраков вокруг себя,—Маркс шел вперед, устремив взор к сияющей впереди цели...

Если он ненавидел популярность, то погоня за популярностью повергала его прямо в ярость. К краснобаям он испытывал омерзение, и горе тому, кто в его присутствии отделывался фразами. Тут он был неумолим. „Фразер" было в его устах самым бранным словом, и кого он раз назвал фразером, с тем он порывал навсегда. „Надо мыслить логически и ясно выражать свою мысль", внушал он нам, „молодым", при каждом удобном случае и заставлял нас учиться.

К тому времени была построена великолепная читальня Британского музея с ее неисчерпаемыми книжными сокровищами, и туда-то, где сам он проводил целые дни, Маркс гнал и нас.

Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, но который заключался уже в его личном примере и даже в одном лишь зрелище этой постоянной могучей работы великого ума.

В то время, как остальные эмигранты изо дня в день сочиняли планы мирового переворота и опьяняли себя, как гашишем, фразой: „Завтра начнется!"—мы, „серная банда", „бандиты", „подонки человечества" [1], сидели в Британском музее, стараясь набраться знаний и подготовить оружие для будущих боев.

Иной раз нечего было перекусить, но это не мешало нам итти в музей; там ведь были удобные стулья, а зимой было уютно и тепло, не так, как дома,—если у кого вообще существовал дом или домашний очаг.

Маркс был строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились.

Я долгое время занимался историей английских тред-юнионов. Каждый день он меня спрашивал, много ли я успел, и в конце концов он только тогда оставил меня в покое, когда я прочел довольно длинную лекцию перед большим кругом слушателей. Он был на этой лекции. Похвал мне не пришлось от него услышать, но он меня и не оборвал; а так как хвалить не было в его обычае и он большей частью хвалил только из сострадания, то я скоро утешился. Когда же он вступил со мной в спор по поводу одного моего положения, я принял это за косвенную похвалу.

Маркс как учитель обладал редким качеством: он умел быть строгим, не обескураживая.

И еще одно замечательное качество было у Маркса, как у учителя: он принуждал нас к самокритике, не допускал, чтобы мы удовлетворялись уже достигнутым. Идиллическую созерцательность он жестоко хлестал бичом своей насмешки.

4

Стиль Маркса

Если когда-либо можно было применить к кому-нибудь слова Бюффона „стиль, это—человек", то именно к Марксу. Стиль Маркса, это—Маркс. Такой до мозга костей правдивый человек, который не знал другого культа, кроме культа истины, который в одну минуту мог отбросить с трудом завоеванные, ставшие ему дорогими теории, лишь только он убеждался в их неправильности, должен был и в своих книгах показать себя таким, каким он был. Неспособный к лицеме-

[1] Так антимарксистские эмигрантские политиканы величали деятелей „Союза коммунистов" 1847—1852 гг., приверженцев Маркса.—*Ред.*

рию, неспособный к притворству и позе, он всегда был самим собой и в своих произведениях, как и в своей жизни. Правда, при такой многосторонней, всеобъемлющей, многогранной натуре и стиль не может быть таким однородным, однообразным или даже монотонным, как у менее сложных, менее широких натур. Маркс—творец „Капитала", Маркс—автор „18 брюмера"[1] и Маркс—создатель „Господина Фогта"[2]—три различных Маркса, и все-таки при всем различии это один Маркс, в этой тройственности все-таки есть единство—единство большой личности, которая разно проявляет себя в разных областях и все же всегда остается одной и той же.

Конечно, стиль „Капитала" труден, но разве легок излагаемый в нем предмет? Стиль не только человек, он и материал—он должен приспособляться к материалу. There is no royal road to science—к науке нет торной дороги, тут каждый должен напрягаться и тянуться сам, даже когда его ведет наилучший проводник. Жаловаться на трудный, с трудом усваиваемый или даже тяжеловесный стиль „Капитала"—значит только признать собственную леность и неспособность к мышлению.

Можно ли сказать, что „18 брюмера" непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятно копье, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова „18 брюмера"—стрелы и копья, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышающих словах, то именно в „18 брюмера", в котором соединились негодующая суровость Тацита, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте. Здесь стиль становится stilus, то-есть тем, чем он был в руках римлян—острым стальным клинком, который пишет и колет. Стиль—кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце.

А в „Господине Фогте" этот ликующий юмор, эта напоминающая Шекспира радость от того, что найден Фальстаф[3] и в его лице—неисчерпаемый запас для целого арсенала насмешек!

Стиль Маркса—это именно сам Маркс. Его упрекали за то, что он пытался втиснуть как можно больше содержания в наименьшее количество слов, но в этом именно и сказывается Маркс.

Маркс чрезвычайно ценил ясность и отчетливость выражения. Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте, Сервантеса, которых он читал почти ежедневно, он считал своими учителями в области слова.

---

[1] „18 брюмера Луи Бонапарта"—книга, написанная и изданная Марксом в 1852 г.—*Ред.*

[2] Книга, написанная и изданная Марксом в 1860 г.—*Ред.*

[3] Один из героев в пьесах Шекспира.—*Ред.*

В отношении чистоты и правильности языка он был щепетильно добросовестен. Я помню, как он отчитал меня однажды, в первое время моего пребывания в Лондоне, за то, что я в одной из своих статей написал „stattgehabte" Versammlung[1] (собрание). Я попробовал было сослаться на общеупотребительность этого выражения, но тут Маркс разразился: „Жалкие немецкие гимназии, в которых нельзя научиться немецкому языку, жалкие немецкие университеты" и т. д. Я защищался, как мог, приводил в пример классиков, но никогда более не говорил „stattgehabte" или „stattgefundene" Ereignisse (события), да и еще кое-кого отучил от этого...

Маркс был строгим пуристом; нередко он старательно и долго подыскивал нужное выражение. Он не терпел злоупотребления иностранными словами, и если он все-таки часто их употреблял,—там, где предмет этого и не требовал,—то это следует отнести за счет его долгого пребывания за границей, главным образом в Англии... Но какое огромное количество оригинальных, подлинно немецких выражений и словообразований находим мы у Маркса, который, несмотря на то, что две трети жизни провел за границей, имеет огромные заслуги перед немецким языком и принадлежит к крупнейшим мастерам и творцам немецкой прозы!

5

Маркс как политик, ученый и человек

Маркс относился к политике, как к науке. Кабацких политиканов и кабацкое политиканство он смертельно ненавидел.

И действительно, можно ли представить себе что-либо более бессмысленное? История есть продукт всех действующих в людях и в природе сил и человеческого мышления, человеческих страстей, человеческих потребностей. Политика же, как теория, есть познание этих миллионов и миллиардов „ткущих на станке времени" факторов, а как практика—обусловленное этим познанием действие. Политика есть, таким образом, наука и притом прикладная...

Маркс приходил в ярость, когда говорил о пустомелях, которые несколькими шаблонными фразами объясняют все явления и, принимая свои более или менее путаные желания и представления за факты, вершат судьбы мира за ресторанными столиками, в редакциях газет или на митингах и в парламентах. К счастью, никто не обра-

[1] Грамматически неправильное выражение.—*Ред.*

щает на них внимания. Среди таких пустомелей оказывались иногда и очень знаменитые, прославленные „великие мужи".

И тут Маркс не только критиковал, но и являл в своем лице высокий пример: в своих работах о новейшем развитии Франции и наполеоновском государственном перевороте, а также в своих корреспонденциях в „Нью-йоркскую трибуну" он дал классические образцы произведений по политической истории.

Приведу сравнение, которое невольно приходит мне в голову. Государственный переворот Бонапарта, о котором Маркс говорит в своем „18 брюмера", послужил также темой для одного прославленного произведения Виктора Гюго, величайшего из французских романтиков и художников слова. Но какой контраст между двумя этими произведениями и двумя авторами! Там—гиперболическая фраза и фразерская гипербола, здесь—методически подобранные факты, человек науки, хладнокровно их взвешивающий, и политик—гневный, но в гневе своем не теряющий рассудительности.

Там—поверхностная, переливчатая пена, вспышки патетической риторики, причудливые карикатуры. Здесь каждое слово—метко пущенная стрела, каждая фраза—тяжелое, подкрепленное фактами обвинение, обнаженная правда, непреоборимая в своей наготе,—не негодование, а лишь констатирование, разоблачение того, что есть на самом деле. „Napoléon le Petit" („Наполеон Малый") Виктора Гюго выдержал одно за другим десять изданий и ныне забыт. „18 брюмера" Маркса с восхищением будут читать и через тысячи лет.

Как я уже говорил в другом месте, Маркс мог стать тем, чем он был, только в Англии. В такой экономически отсталой стране, какой еще была Германия до середины этого столетия, Маркс точно так же не мог притти к своей критике буржуазной экономии и к постижению капиталистического процесса производства, как в экономически отсталой Германии не могли существовать политические учреждения экономически развитой Англии. Маркс зависел от своей среды и от условий, в которых он жил, не меньше всякого другого человека; без этой среды и этих условий он не стал бы тем, кем он был. Это он сам доказал лучше, чем кто бы то ни было.

Наблюдать такой ум, следить за тем, как он испытывает на себе действие окружающих условий и все глубже и глубже проникает в сущность общества,—уже само по себе величайшее духовное наслаждение; и я не перестаю благодарить счастливый случай, приведший меня, молодого, неопытного, любознательного юнца, к Марксу, под его влияние и руководство.

При многосторонности,—я сказал бы даже—всесторонности этого универсального ума, то-есть ума, охватывающего всю вселенную, проникающего во все детали, ничем не пренебрегающего и ничего

не считающего несущественным или незначительным,—конечно, и его руководство также должно было быть многосторонним.

Маркс был одним из первых, кто понял все значение исследований Дарвина. Еще до 1859 года, года появления в свет „Происхождения видов", бывшего по странному совпадению также и годом опубликования „К критике политической экономии", Маркс оценил огромное значение Дарвина, который вдали от шума и сутолоки большого города, в своем тихом имении, подготовлял такую же революцию, какую сам Маркс готовил в многошумном центре мира,—с тою только разницей, что там рычаг был приложен к другой точке.

Особенно в области естествознания, включая физику и химию, и истории Маркс следил за каждым новым явлением, отмечал каждый новый успех. Имена Молешотта, Либиха, Гёксли, популярные лекции которого мы добросовестно посещали, повторялись в нашем кругу так же часто, как имена Рикардо, Адама Смита, Мак-Куллоха и итальянских экономистов. Когда Дарвин, сделав выводы из своих исследований, представил их на суд общественности, мы целыми месяцами не говорили ни о чем другом, как о Дарвине и революционной силе его открытий.

Там, где требовалось признать чужие заслуги, Маркс был самым великодушным и справедливым человеком. Он был слишком велик, чтобы завидовать и ревновать, слишком велик, чтобы быть тщеславным. Но зато фальшивое величие, поддельную славу, которой щеголяют бездарность и пошлость, он ненавидел смертельно, как всякую фальшь и ложь.

Среди известных мне людей—великих, малых и средних—Маркс был один из немногих, совершенно лишенных всякого тщеславия. Он был для этого слишком велик и слишком силен, да и, пожалуй, слишком горд. Он никогда не становился в позу и был всегда самим собой. Он, как дитя, был неспособен носить маску и притворяться. Кроме тех случаев, когда этому препятствовали соображения общественного или политического порядка, он всегда высказывал свои мысли и чувства полностью, не считаясь ни с чем. Когда же обстоятельства требовали сдержанности, он проявлял такую, чуть ли не детскую неловкость, что часто забавлял этим своих друзей.

Маркс был исключительно правдивым человеком, это была воплощенная правда. Стоило взглянуть на него, чтобы тотчас же понять, с кем имеешь дело. В „цивилизованном" обществе с его перманентным военным положением не всегда, конечно, можно говорить правду,—это значило бы отдаться в руки врага или обречь себя на изгнание из общественной жизни. Но если не всегда можно говорить правду, то отсюда еще не следует, что нужно лгать. Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, но это не значит, что я должен или обя-

зан говорить то, чего я не чувствую и не думаю. Первое—это благоразумие, второе—лицемерие. Маркс никогда не лицемерил. Он был просто неспособен на это, так же, как неспособно на это невинное дитя. „Мое большое дитя", часто называла его жена, а лучше ее никто не знал и не понимал Маркса, даже Энгельс. И действительно, бывая в „обществе", в котором придавалось значение внешним манерам и приходилось себя сдерживать, наш „Мавр" в самом деле становился большим ребенком и мог смущаться и краснеть.

Актерствующие люди были ему глубоко противны. Я вспоминаю, как он, смеясь, рассказывал нам о своей первой встрече с Луи Бланом. Это было еще на Дин-стрит, в маленькой квартирке, состоявшей собственно только из двух комнат, из которых первая, приемная, служила гостиной и рабочим кабинетом, а вторая—для всего остального. Луи Блан представился Ленхен, проводившей его в первую комнату, между тем как во второй Маркс спешно переодевался; соединявшая обе комнаты дверь осталась приоткрытой, и через щель Маркс мог наблюдать забавную сценку. „Великий" историк и политик был очень маленького роста, не выше восьмилетнего мальчишки, но при этом оказался невероятным щеголем. Оглядевшись в пролетарской гостиной, он нашел в одном углу крайне примитивное зеркало, перед которым тотчас же расположился, стал в позу и, вытянувшись во весь свой карликовый рост,—он носил такие высокие каблуки, каких мне в жизни не приходилось видеть,—с удовольствием рассматривал себя в зеркале, прихорашиваясь, как влюбленный мартовский кот, и стараясь придать себе возможно более внушительный вид. Жена Маркса, также бывшая свидетельницей этой комической сценки, едва удерживалась от смеха. Переодевшись, Маркс громко кашлянул, чтобы предупредить о своем приходе, и фатоватый трибун, отступив от зеркала, приветствовал входящего изящным поклоном. Но, конечно, позами и актерством на Маркса нельзя было подействовать, и вскоре „маленький Луи",—как называли его парижские рабочие, чтобы отличать его от Луи Бонапарта,—стал вести себя настолько естественно, насколько вообще был на это способен...

6

Маркс за работой

„Гений—это прилежание", сказал кто-то; если это и не совсем так, то во всяком случае в значительной степени верно.

Не может быть гения без исключительной энергии и исключительной работоспособности. Так называемый гений, которому чуждо

и то и другое,—это лишь красивый мыльный пузырь или вексель на будущие блага где-нибудь на луне. Но там, где налицо выходящая из ряда вон энергия и работоспособность, там и гений. Я знал многих людей, которые сами считали себя гениями и слыли таковыми в своей среде, но которые не обладали работоспособностью, и на деле они оказывались лишь бездельниками, одаренными красноречием и талантом создавать рекламу. Все действительно крупные люди, которых мне довелось узнать, были очень прилежны и усердно трудились. Это в полной мере относится и к Марксу. Он работал необычайно много, и так как днем, в особенности в первое время его эмигрантской жизни, ему часто мешали, то он стал работать по ночам. Когда мы поздно вечером возвращались с какого-нибудь заседания или собрания, он обыкновенно садился еще за работу на несколько часов. Эти несколько часов растягивались все больше, пока, наконец, он не стал работать почти всю ночь напролет, а утром ложился спать. Его жена не раз серьезно упрекала его в этом, но он, смеясь, отвечал, что это вполне соответствует его натуре...

Несмотря на свой чрезвычайно сильный организм, Маркс уже в конце пятидесятых годов начал жаловаться на всякого рода физические недомогания. Пришлось обратиться к врачу. В результате последовало категорическое запрещение работать по ночам и было предписано much exercise, то-есть как можно больше движения, прогулки пешком и верхом. В те времена мы с Марксом много бродили по окрестностям Лондона, преимущественно в холмистой северной части. Вскоре Маркс стал поправляться; его организм был действительно как бы создан для большого напряжения.

Но едва он почувствовал себя выздоровевшим, как постепенно снова втянулся в привычку работать по ночам, пока опять не наступил кризис, принудивший его к разумному образу жизни,—однако опять лишь до тех пор, пока это повелительно требовалось его состоянием. Кризисы все усиливались, развивалась болезнь печени, появились злокачественные нарывы,—и постепенно железный организм надломился.

Я убежден,—и таково же мнение лечивших его под конец врачей,—что, если бы Маркс мог решиться вести нормальную жизнь, то-есть жизнь, отвечающую требованиям его организма или, скажем, соответствующую требованиям гигиены, он жил бы еще и поныне[1]. Лишь в последние годы, когда было уже слишком поздно, он отказался от работы по ночам. Зато тем больше он стал работать днем.

Он работал постоянно, работал всегда, когда только представлялась малейшая возможность. Даже на прогулки он брал с собою

---

[1] Написано в 1896 г.—*Ред.*

свою записную книжку и поминутно делал в ней пометки. И его работа никогда не бывала поверхностной. Можно работать по-разному. Он работал всегда интенсивно, всегда с величайшей основательностью. Его дочь Элеонора подарила мне одну историческую таблицу, которую он набросал для себя, чтобы воспользоваться ею для какого-то второстепенного примечания. Правда, второстепенных вещей для Маркса не существовало, и эта таблица, составленная им лично для себя, выполнена с такой тщательностью, точно она предназначалась для печати.

Маркс работал с выдержкой, ~~часто приводившей меня в изумление~~. Он не знал усталости. И даже тогда, когда его организм неизбежно должен был бы надломиться, он не выказывал признаков слабости.

Если судить о ценности человека по сделанной им работе,—как стоимость вещей определяется количеством вложенного в них труда,—то даже с этой точки зрения ценность Маркса так огромна, что лишь немногие среди гигантов духа могут равняться с ним.

Чем же буржуазное общество возместило это невероятное количество труда?

Над „Капиталом“ Маркс работал сорок лет—и как работал! Так, как мог работать только Маркс. Я не преувеличу, если скажу, что наиболее низкооплачиваемый поденщик в Германии получает за сорок лет работы больше денег в виде заработной платы, чем Маркс получил в виде „гонорара“ за величайшее научное творение нашего века.

Наука не имеет рыночной стоимости, и можно ли требовать от буржуазного общества, чтобы оно за свой собственный смертный приговор заплатило приличную цену?..

7

В доме на Дин-стрит

С лета 1850 года вплоть до 1862 года, когда я возвратился в Германию, я бывал у Маркса почти ежедневно, и целые годы подряд проводил там время с раннего утра до позднего вечера, так что я, наконец, сделался как бы членом их семьи.

Дом Маркса—до его переселения в Майтланд-парк-Род—был скромный одноэтажный домик на уединенной улице Дин-стрит, куда слеталось и откуда вылетало великое множество всяких странствующих и перелетных птиц: здесь были маленькие зверьки, попадалась и крупная дичь.

Кроме того, дом этот был постоянно центральным пунктом и для товарищей, осевших в Лондоне, с которыми, впрочем, всегда выходила какая-нибудь заминка. В Лондоне было очень трудно прочно обосноваться, и большую часть эмигрантов голод гнал в провинцию или в Америку,—само собою разумеется, только в том случае, если бедняга-изгнанник не совершал более короткого странствования и не находил оседлости или по крайней мере более или менее продолжительного успокоения на одном из лондонских кладбищ.

Что касается меня, то я выдержал искус, и, если не считать верных Лесснера и Лохнера, которые не имели возможности так часто посещать Маркса, как я, я был единственным из всей нашей лондонской „общины", который мог в течение всего этого времени, с одним только коротким перерывом, быть своим человеком в доме „Мавра". При таких условиях я мог узнать и увидеть много такого, что ускользнуло от взоров других.

8

Эмигрантские интриги

Мои друзья и товарищи долондонского периода моей жизни часто издевались надо мной по поводу моей привязанности к Марксу. Еще совсем недавно я нашел письмо, относящееся к этой эпохе моей жизни. Это письмо от Бауэра, одного из способнейших баденских волонтеров[1], который несколько лет тому назад умер в Мильвоки (США), где он был редактором основанной им радикально-демократической газеты. После кратковременного пребывания в Лондоне он, подобно большинству других эмигрантов, обладавших достаточными средствами, уехал в Соединенные Штаты, где скоро занял соответствовавшее его дарованиям место в прессе.

Это было как раз самое тяжелое время для эмигрантской колонии в Лондоне, и он хотел меня непременно перетащить к себе. Он уже послал мне несколько пригласительных писем, где обещал мне наверняка солидное редакторское содержание. В то время, когда я не имел и сухой корки хлеба, чтобы заморить червяка, обещанные мне 50 долларов в неделю были весьма соблазнительной приманкой. Но я был против этого: я не хотел удаляться с поля битвы дальше, чем это было необходимо, а кто едет за океан, тот в 999 случаях из тысячи потерян для Европы; это было мне известно.

---

[1] Имеются в виду участники южногерманского восстания 1849 г.—*Ред.*

Наконец, Бауэр пустил в ход последнее средство: он попробовал воздействовать на мое самолюбие. В письме, которое еще и теперь хранится в моих бумагах, он мне пишет:

„...Итак, здесь ты—свободный человек: ты самостоятельно можешь проявить свои способности. А там? Там ты—мячик, ослик, которого заставляют переносить тяжести и над которым заглаза насмехаются. Как у вас обстоят дела? Наверху царит ваш всезнающий, всемудрый далай-лама—Маркс. За ним далеко, далеко—пустота. Потом—Энгельс; далее опять далеко, далеко на огромном пространстве—пустота. Затем—Вольф. И опять бесконечная пустота. И только после них, может быть, найдется местечко этому „сентиментальному ослу“ Либкнехту...“

Ну, конечно, я ответил, что ничего не имею против того, чтобы быть ниже людей, более достойных, чем я, и что я лучше чувствую себя в обществе людей, от которых я могу чему-нибудь научиться и на которых мне приходится смотреть снизу вверх, чем наоборот, как это бывает в обществе его, Бауэра, „великих мужей“ [1].

Я остался в Лондоне и продолжал учиться.

Таково было мнение, которое эмигрантские политиканы в то время составили себе о Марксе и обо всех нас. Мы держали себя до такой степени изолированно, что это раздражало их фантазию, и они сочиняли разнообразные мифы и легенды, на которые мы, впрочем, не обращали решительно никакого внимания.

9

Встречи в доме Маркса

Жена Маркса имела на меня почти такое же влияние, как сам Маркс. Мне едва минуло три года, когда умерла моя мать, и я получил несколько суровое воспитание; зато здесь я встретил прекрасную, благородную и умную женщину, которая ко мне, одинокому, заброшенному на берега Темзы волонтеру, отнеслась, как мать и сестра. Знакомство с этой семьей спасло меня от полной гибели во время моих печальных скитаний—в этом я глубоко убежден...

У меня нехватило бы ни времени, ни места, если бы я хотел хотя бы даже в самых беглых чертах изобразить всех тех, с кем мне

---

[1] „Великие мужи эмиграции“—так называется боевой памфлет Маркса и Энгельса, написанный в 50-х гг., но опубликованный лишь в последние годы в СССР. В. Либкнехту этот памфлет был, несомненно, известен в рукописи. Маркс очень часто употреблял иронический термин „великие мужи“ по адресу эмигрантских политиканов.—*Ред.*

приходилось встречаться в доме Маркса и в его обществе. Кроме немецких и всяких других эмигрантов, от которых нас не отделяли принципиальные разногласия, там бывали: вожди английского рабочего движения—Джордж-Джулиан Харни, этот спартанец по духу, Эрнст Джонс, красноречивый трибун и пламенный журналист,—два последних крупных представителя чартизма[1]; Фрост, который за руководство чартистским восстанием был приговорен к пожизненной ссылке, но в 50-х годах был помилован и вернулся в Англию (это был замечательнейший человек из типа людей „партии физической силы“[2]); Роберт Оуэн, этот седой приверженец социализма, несомненно, самый всеобъемлющий, проницательный и практичный из всех предшественников научного социализма. Мы были на собрании, когда праздновалось восьмидесятилетие со дня его рождения, и я имел счастье довольно часто встречаться с ним у него на дому.

В высшей степени интересно было знакомство с Давидом Уркартом, лучшим знатоком русской дипломатии и положения дел в Турции. Благодаря Уркарту мы были свободны от увлечения романтикой Байрона и „Греческими песнями“ Вильгельма Мюллера, воспевавшего „народ Гомера“ и другие христианские народы Турции; согласно представлениям, распространенным в то время во всех культурных странах и особенно в Германии, каждый грек был героем, а каждый турок—жестоким, вероломным чудовищем. Мы, наоборот, пришли к тому убеждению, что это отчасти—легенда, отчасти—просто выдумка. Давид Уркарт долгое время жил в Турции, изъездил ее во всех направлениях; кроме того, он в течение целого года был членом британского посольства в Константинополе и успел войти в тесные сношения со многими влиятельными и стоящими у самого кормила власти государственными людьми и дипломатами; отчасти он эти отношения поддерживал еще и позже, поэтому обо всем, что имеет отношение к „восточному вопросу“, он был вполне осведомлен...

Вскоре после меня прибыл в Лондон парижский рабочий, который возбудил очень живой интерес не только во французской колонии, но и у всех эмигрантов; заинтересовались им, само собой разумеется, и наши „тени“, то-есть международная полиция. Это был Бартелеми, об удивительно ловком и смелом побеге которого из парижской тюрьмы мы уже знали из газет. Несколько выше среднего роста,

---

[1] Чартизм—первое массовое политическое движение рабочего класса в Англии (30—40-е годы XIX века).—*Ред.*

[2] В противоположность „партии моральной силы“; так именовалось два направления в чартизме, из которых одно было более революционным, а другое ограничивалось исключительно легальной пропагандой и агитацией.—*Ред.*

крепкий, мускулистый, с черными, как уголь, вьющимися волосами, сверкающими черными глазами, весь—олицетворение решимости, это был чудесный образчик южнофранцузского типа.

Ореол легенд окружал его высоко поднятую голову. Он был приговорен к галерам и имел нестираемое клеймо на плече. Семнадцатилетним мальчишкой он во время восстания Бланки-Барбеса в 1839 году[1] убил полицейского агента и был за это сослан на галеры. Февральская революция 1848 года принесла с собой амнистию—он возвратился в Париж, принимал участие во всех движениях и манифестациях пролетариата, участвовал в июньской битве[2]. Его арестовали на одной из последних баррикад; к счастью, в первые дни его никто не узнал—иначе он, наверно, был бы расстрелян в порядке „сокращенного судопроизводства", как многие другие. Но, когда он предстал перед военным судом, первая ярость уже прошла, и он был присужден к „сухой гильотине", то-есть к пожизненной ссылке в Кайенну. Процесс по каким-то причинам затянулся,—одним словом, в июне 1850 года Бартелеми сидел еще в тюрьме, и непосредственно перед отправлением в страну, где недурно растет перец, но мрут люди, ему удалось бежать.

Разумеется, он бежал в Лондон. Здесь он вступил в близкие сношения с нами и довольно часто бывал у Маркса...

Я часто с ним фехтовал (разумеется, это слово следует понимать здесь буквально). Французы устроили себе на Ратборнской площади, на Оксфорд-стрит, „оружейный зал", где можно было упражняться в фехтовании саблями и шпагами и в стрельбе из пистолетов. Там бывал иногда и Маркс и добросовестно состязался с французами. Чего ему недоставало в искусстве, он старался возместить стремительностью. И если ему попадался недостаточно хладнокровный противник, ему удавалось иногда сбить его с позиции.

Как известно, саблю французы употребляют не только для ударов, но и для толчков, и это сначала приводит немцев в смущение; но к этому скоро привыкаешь. Бартелеми был хорошим фехтовальщиком; он упражнялся также и в стрельбе из пистолетов и сделался превосходным стрелком. Но скоро он попал в общество Виллиха[3] и стал ярым врагом Маркса.

Спор с фракцией Виллиха разгорался, и однажды вечером Виллих вызвал Маркса на дуэль. Маркс достойным образом отнесся

---

[1] Речь идет о восстании революционного бланкистского „Общества времен года" в Париже в мае 1839 г.—*Ред.*

[2] Июньское восстание парижского рабочего класса в 1848 г.—*Ред.*

[3] В 1850 г. Виллих вместе с Шаппером возглавил антимарксистскую „лево"-авантюристическую группу в „Союзе коммунистов" и был исключен из „Союза".—*Ред.*

к этой милой затее, от которой пахло прусским фельдфебелем, но молодой Конрад Шрамм, горячая голова, со своей стороны оскорбил Виллиха, так что тот, по студенческому обычаю, которого он придерживался, должен был послать ему вызов.

Дуэль должна была состояться в Бельгии, на берегу моря и непременно на пистолетах. Шрамм до этого никогда не держал в руке пистолета; Виллих на расстоянии двадцати шагов попадал в червонного туза. Секундантом его был Бартелеми. Мы побаивались за нашего дерзкого рыцаря Шрамма.

Вот прошел уже день, когда должна была состояться дуэль,—мы считали минуты. К вечеру следующего дня открывается дверь в квартиру Маркса—его самого не было дома, дома были только жена Маркса и Ленхен—входит Бартелеми. На исполненный страха вопрос: „Ну, какие известия?“ он, низко кланяясь, гробовым голосом отвечает: „Пуля—в голову!“ После этого—снова низкий поклон, поворот, и он удаляется. Можно себе представить ужас Женни Маркс, едва не упавшей в обморок. Через час она сообщила нам эту печальную весть. Естественно, мы были уверены, что с Шраммом все кончено.

На следующий день, как раз тогда, когда мы печально о нем разговаривали, дверь открывается и в комнату входит, с повязкой на голове, но весело смеясь, мнимоумерший. Он рассказывает, что получил легкую контузию, которая его оглушила. Когда он пришел в себя, то был один с секундантом и врачом на морском берегу. Виллих и Бартелеми уехали из Остенде пароходом, на который едва успели попасть. Шрамм уехал со следующим пароходом...

10

Маркс и дети

Как все сильные и здоровые натуры, Маркс чрезвычайно любил детей. Он был не только нежнейшим отцом, который мог часами играть со своими детьми, как ребенок,—его притягивали к себе, как магнит, и чужие дети, встречавшиеся на его пути, в особенности беспомощные и несчастные. Сотни раз, посещая с нами квартиры бедняков, он внезапно оставлял нас, чтобы погладить по головке ребенка, сидящего в лохмотьях на пороге дома, и сунуть ему в кулачок пенни или полпенни.

К нищим он относился недоверчиво, так как в Лондоне нищенство превратилось в настоящее ремесло и, вдобавок, в ремесло с золотым дном, хотя оно и приносит только медяки. Поэтому нищим

и нищенкам, которым он в первое время никогда не отказывал в подаянии, если только у него что-нибудь было при себе, недолго удавалось его обманывать. О тех, которые пытались обложить его данью посредством искусного демонстрирования мнимых болезней и нужды, он говорил с негодованием, считая эксплоатацию человеческого сострадания особенной низостью и ограблением бедноты. Но если у нищего или нищенки сидел на руках плачущий ребенок, то тут уже дело Маркса было бесповоротно проиграно, как бы ясно ни было написано на лице нищего все его плутовство.

Мужа, бьющего свою жену,—а в Лондоне в те времена wifebeating (битье жен) было очень распространено,—он с наслаждением дал бы избить дополусмерти. Из-за своего порывистого характера он в таких случаях часто ставил нас в неловкое положение.

Однажды вечером мы ехали с ним на империале омнибуса по Хемстед Роад. На одной из остановок, около какой-то пивной, мы заметили свалку, отчаянный женский голос вопил: „murder! murder!“ („убивают! на помощь!“). Маркс с быстротою молнии соскочил с омнибуса, я за ним. Я хотел его удержать,—с таким же успехом я мог бы попытаться поймать рукой летящую пулю. Мигом очутились мы в самой гуще народа: людские волны сомкнулись позади нас. „Что случилось?“ Это мы узнали очень скоро. Какая-то пьяная женщина повздорила со своим мужем, который хотел отвести ее домой, а она упиралась и вопила как одержимая. Для нашего вмешательства не было ни малейшего повода,—это мы видели. Но видели это также и поспорившие супруги, тут же заключившие мир и двинувшиеся против нас, между тем как толпа вокруг нас смыкалась все теснее и уже стала с угрожающим видом наступать на „damned foreigners“ („проклятых иностранцев“). Женщина особенно яростно наскакивала на Маркса и явно покушалась на его великолепную черную бороду. Я старался унять бурю, но тщетно. Если бы на поле битвы во-время не подоспели два дюжих констебля[1], нам пришлось бы дорого заплатить за нашу филантропическую попытку вмешательства. Мы были рады, что выбрались целыми из толпы и снова уселись в омнибус, который и доставил нас домой. Впоследствии Маркс бывал уже несколько осторожнее при подобных происшествиях...

Нужно было видеть Маркса среди его детей, чтобы понять всю задушевность этого героя науки. В свободные минуты или на прогулках он бегал с ними, играл в самые шумные веселые игры,—словом, сам становился ребенком. На Хемстедских холмах мы играли иногда в „кавалерию“. Маркс сажал себе на плечи одну дочку, я брал

[1] Полицейских.—*Ред.*

другую, и начинались скачки вперегонки. Иной раз устраивались даже кавалерийские битвы: девочки резвились совсем по-мальчишески и даже не плакали, когда им слегка попадало.

Женнихен, старшая из двух девочек,—вылитый портрет отца: те же черные глаза, тот же лоб—иногда приходила в пророческий пафос; на нее, как на пифию, снисходил „дух", глаза ее начинали блестеть и пылать, и начиналась декламация, часто самая удивительная и фантастическая. Как-то раз, на обратном пути с Хемстедских холмов, на нее нашло настроение: она начала декламировать о жизни на звездах; импровизация вылилась в стихи. Жена Маркса, уже потерявшая нескольких детей, была очень встревожена и обеспокоена этим обстоятельством; ей казалось признаком нездоровья такое раннее развитие ребенка; „Мавр" успокоил ее, а я указал ей на „пифию", которая, уже пробудившись от своего пророческого сна, с веселым смехом прыгала вокруг,—она была воплощенным здоровьем...

Оба сына, которых имел Маркс, умерли: один, родившийся в Лондоне, умер очень рано, другой, родившийся в Париже,—после очень долгого хронического недомогания.

Жена Маркса после смерти (в 1850 году) одного из родившихся в Лондоне детей, маленького Фоксика, кровью своего сердца писала в дневнике: „Моя скорбь была так велика. Это было первое дитя, которое я потеряла". И на том же листе, несколькими годами позже, было приписано: „Ах! я не предчувствовала, что мне предстоит нечто такое, пред чем все, все кажется ничтожным!" Она говорила о смерти бедного Муша.

Но еще до того жене Маркса было суждено потерять дочь: умерла маленькая Франциска. И на одной странице в дневнике (дневник был найден недавно при просмотре бумаг) мы читаем: „На пасху того же года заболела бронхитом в тяжелой форме наша бедная, маленькая Франциска". „Три дня боролось бедное дитя со смертью; оно так много страдало. Крохотное бездыханное тело его покоилось в маленькой задней комнате,—мы все перешли в переднюю комнату и, когда наступила ночь, легли все на пол; три живых ребенка лежали вместе с нами... Мы все плакали о маленьком ангеле, который, холодный и побледневший, покоился возле нас; смерть дорогой девочки совпала с периодом самой горькой нужды в нашей жизни. Денег на погребенье не было. Я побежала к французу-эмигранту, жившему неподалеку от нас и незадолго до этого нас посетившему; он тотчас же дал мне с дружеским участием два фунта стерлингов. Из этих денег было уплачено за маленький гроб, в котором, наконец, с миром успокоилось бедное дитя; у моего ребенка не было колыбели, когда он появился на свет—ему было долго отказано и в последней ма-

ленькой обители. О, как мы себя чувствовали, когда нашу девочку уносили на место последнего отдохновения...“

Смерть второго сына страшно потрясла Маркса.

Я еще и теперь помню печальные недели болезни без надежды на выздоровление. Мальчик, прозванный „Муш“ [1] (его настоящее имя было Эдгар, данное в память дяди), был очень одаренным, но, к сожалению, с самого рождения болезненным ребенком; бедное дитя, с великолепными глазами и многообещающей головой, которая казалась слишком тяжелой для слабого тела!

Находись бедный Муш под неусыпным, заботливым надзором где-нибудь на берегу моря или в лесу, он, быть может, и выжил бы; но скитальческая жизнь, вечные переезды с места на место, нищенское существование в Лондоне не могли помочь нежному растеньицу в его борьбе за жизнь, не помогли и нежная родительская любовь и материнские заботы. Муш умер...

Никогда я не забуду этой сцены: мать, с немым рыданием склонившаяся над мертвым ребенком; стоящая тут же и всхлипывающая Ленхен, страшно возбужденный Маркс, резко отказывающийся от всякого утешения; обе девочки, тихо плачущие и прижимающиеся к матери... Мать, погруженная в скорбь, так судорожно обхватила своих девочек, как будто хотела слить их с собой, защитить их от смерти, отнявшей у нее сыновей.

Через два дня было погребение. Поехали я, Лесснер, Пфендер, Лохнер, Конрад Шрамм и „Красный Вольф“ [2]; я ехал с Марксом,— он сидел молча, уронив голову на руки...

Позднее на свет появилась Тусси, маленькое веселое созданьице— кровь с молоком, круглое, как шар. Сначала ее возили в детской коляске, потом таскали на руках, скоро она начала бегать на своих коротких ножках. Ей было 6 лет, когда я вернулся в Германию; к этому времени моей старшей дочери было уже 12 лет, и она уже два года подряд принимала участие в наших воскресных прогулках на Хемстедские холмы.

Для Маркса общество детей было потребностью, с детьми он отдыхал и освежался. Когда собственные его дети выросли, их место заняли внуки. Женнихен, вышедшая замуж в начале семидесятых годов за эмигранта Коммуны Лонге, оживила дом Маркса своими сыновьями—страшными проказниками. В особенности старший, Жан, или Джонни, был любимцем дедушки. Джонни мог делать с ним все, что хотел, и отлично знал это. Однажды, когда я гостил в Лондоне, Джонни, которого родители прислали из Парижа,—что слу-

---

[1] „Муш“—по-французски муха.—*Ред.*

[2] Прозвище Фердинанда Вольфа.—*Ред.*

чалось по нескольку раз в год,—пришла в голову остроумная идея превратить „Мавра“ в омнибус, на козлы которого, то-есть на плечи Маркса, он и взобрался; Энгельс и я были произведены в лошадей. Когда мы как следует впряглись, началась дикая скачка,—я хотел сказать: началась езда в маленьком садике позади коттеджа Маркса в Майтланд-парк-Роде. Возможно, впрочем, что это происходило и у Энгельса, в Риджентс-парке; лондонские коттеджи так похожи друг на друга, что их очень легко перепутать, а садики тем более. Несколько квадратных метров гравия и травы, покрытых таким густым слоем лондонского „черного снега“, то-есть хлопьями копоти, что невозможно отличить, где начинается гравий и кончается трава,— вот что такое лондонский „сад“.

Джонни принялся нас подгонять, понукая международными немецко-французско-английскими выкриками: „Go on! Plus vite! Ура!“ „Мавр“ скакал так, что пот градом катился по его лицу, а когда Энгельс или я пытались перейти на более медленный темп, на нас тотчас же со свистом опускался бич немилосердного кучера: „You naughty horse! (Эй, ленивая лошадь!) En avant! (Вперед!)“ Так продолжалось до тех пор, пока Маркс не выбился из сил. Тогда мы вступили с Джонни в переговоры, и было заключено перемирие...

11

Ленхен

С первых же дней возникновения семьи Маркса Ленхен, по выражению одной из дочерей, сделалась душой дома. Чего только она не делала! И все делала с радостью. И при этом она всегда была бодра, всегда готова всем помочь, всегда улыбалась. Впрочем, нет! Она умела и сердиться, а к врагам „Мавра“ она питала страстную ненависть.

Когда жена Маркса заболевала или плохо себя чувствовала, Ленхен заменяла мать, да и вообще она была для детей второй матерью. И она обладала волей—сильной, твердой волей. Все делалось так, как она считала нужным.

Ленхен была в доме Маркса своего рода диктатором; выражаясь точнее, Ленхен была диктатором, а жена Маркса—властительницей. И Маркс подчинялся этой диктатуре, как ягненок.

Говорят, что в глазах своего слуги никто не бывает великим человеком. Для Ленхен Маркс уж, конечно, не был великим. Она пожертвовала бы собой за него сотни раз, отдала бы свою жизнь

за него, жену Маркса и каждого из детей, если бы это было нужно и возможно,—и она действительно отдала им свою жизнь,—но импонировать ей Маркс не мог. Она знала его со всеми его причудами и слабостями и могла обернуть его вокруг пальца. Когда он бывал сильно раздражен и метал громы и молнии, так что другие предпочитали быть подальше от него, Ленхен прямо входила в логовище льва и, если он рычал, так убедительно отчитывала его, что лев становился смирнее ягненка.

12

Прогулки с Марксом

Наши прогулки в Хемстед Хис! Проживи я еще тысячу лет,—я их не забуду.

„Луга" Хемстеда, расположенные за Примроз-хилл и, подобно последнему, известные всем нелондонцам по диккенсовским пиквикским героям, все еще представляют собой в большей своей части пустырь—незастроенную, поросшую дроком и рощицами, холмистую местность, с миниатюрными горами и долинами, где каждый может бродить совершенно свободно, не опасаясь, что страж священной собственности остановит и оштрафует его за „trespassing", то-есть за недозволенное вторжение в чужие владения. Еще и сейчас Хемстед Хис—излюбленное лондонцами место для пикников; в хорошую погоду по воскресеньям он весь кишит народом—мужчинами и женщинами, причем последние с особенным удовольствием испытывают терпение и без того весьма терпеливых верховых осликов и лошадей. Но сорок лет тому назад Хемстед Хис был еще гораздо обширнее и гораздо естественнее и своеобразнее, чем сейчас.

Провести воскресенье в Хемстед Хис было для нас самым большим удовольствием. Всю неделю дети только об этом и говорили, да и мы, взрослые, старики и молодежь, радовались этой прогулке. Уже самое путешествие туда было праздником. Девочки были хорошие ходоки, проворные и неутомимые, как котята. От Дин-стрит, где жил Маркс,—в нескольких шагах от Черч-стрит, где поселился я,—было туда добрых полтора часа ходьбы, и обычно мы уже около одиннадцати часов утра пускались в путь. Иной раз, правда, мы выходили позже: в Лондоне не любят рано вставать, а привести все в порядок, собрать детей и уложить корзину—на это всегда уходило некоторое время.

Ах, эта корзина! Она стоит, или, вернее, висит, перед моим „духовным оком“ настолько живо, она представляется мне такой заманчивой и аппетитной, будто я лишь вчера в последний раз видел ее у Ленхен на руке.

Дело в том, что эта корзина была нашим складом провизии, а когда у человека здоровый желудок и при этом очень часто в кармане нет нужной мелочи (о крупных деньгах в то время вообще речи не было), тогда вопросы питания играют весьма значительную роль. Добрейшая Ленхен отлично это знала, и для нас, часто голодавших и поэтому постоянно голодных гостей, в ее добром сердце всегда было достаточно сочувствия. Главным блюдом в воскресенье в Хемстед Хис был освященный традицией огромный кусок жареной телятины. Ручная корзина, необычных для Лондона размеров, которую Ленхен привезла с собой из Трира, служила хранилищем этого святая святых, своего рода скинией. Там же лежали чай и сахар, а иногда и фрукты. Хлеб и сыр покупались в Хемстед Хис, где, как в берлинских кафе, можно достать посуду, горячую воду и молоко, а также креветок, салат и устриц, смотря по надобности и по средствам...

Пиво можно было получить всегда, исключая то короткое время, когда общество аристократов-ханжей, нагромоздивших в своих домах и клубах всевозможные спиртуозы, какие только существуют на свете, и сделавших себе из каждого дня праздник, пыталось путем запрещения продажи пива по воскресным дням направить „чернь“ на путь добродетели и нравственности.

Но лондонский народ не понимает шуток, когда покушаются на его желудок. Сотнями тысяч направился он в первое воскресенье после внесения соответствующего билля (законопроекта) в Гайд-парк и посылал там по адресу благочестивых аристократов и аристократок, совершавших свои прогулки в экипажах и верхом, такое громовое насмешливое „Go to church!“ („Марш в церковь!“), что добродетельным господам и дамам сделалось совсем страшно. В следующее воскресенье четверть миллиона превратилась в полмиллиона, а „Go to church“ зазвучало гораздо сильнее и серьезнее. На третье воскресенье распоряжение было отменено.

Этой „революции“ под лозунгом „Go to church!“ мы, эмигранты, помогали по мере сил, а Маркс, который в таких случаях чересчур волновался, чуть было не угодил в руки полисмена и не был отправлен в участок; к счастью, наши горячие речи о пользе пива повлияли благодетельным образом и на храброго стража закона.

Итак, как я уже сказал, триумф лицемерия продолжался недолго, и, исключая это короткое междуцарствие, мы, шагая во время наших воскресных прогулок по совершенно лишенной тени дороге, ведущей

к Хемстедским холмам, могли утешать себя приятными мыслями о прохладительном напитке.

Самый поход совершался по большей части в следующем порядке. В авангарде шел я с двумя девочками, то рассказывая им всякие истории, то занимаясь гимнастикой на ходу, то собирая полевые цветы, которые в те времена были там еще не так редки, как теперь. За нами шел кое-кто из друзей. Затем следовали главные силы: Маркс с женой и каким-нибудь воскресным гостем, требовавшим известного внимания. Шествие замыкала Ленхен с самым голодным из гостей, который помогал ей нести корзину. Если общество было многочисленнее, оно распределялось между различными частями походной колонны. Понятно само собой, что походный порядок мог изменяться в зависимости от настроения и обстоятельств.

Придя в Хис, мы прежде всего выбирали себе место стоянки, причем по возможности учитывались условия чайного и пивного снабжения.

Но, подкрепившись питьем и едою, все участники прогулки выбирали себе местечко поудобнее, чтобы полежать или посидеть, и, если не предпочитали соснуть, вынимали из карманов купленные по дороге воскресные газеты; тут начиналось чтение и обсуждение политических вопросов, между тем как дети, быстро находившие себе товарищей, играли в прятки в кустах.

Но в эту идиллию необходимо было внести и некоторое разнообразие; и вот устраивались бег вперегонки, борьба, метание камней и всякие другие виды спорта. В одно из воскресений мы открыли поблизости каштановое дерево со спелыми каштанами. „Посмотрим, кто больше всех собьет", крикнул кто-то. С криками „ура" все принялись за работу. „Мавр" пришел в настоящую ярость, но, к сожалению, он не был специалистом по сбиванию каштанов. Однако он был неутомим, как и мы все. И только тогда, когда под исступленные крики триумфа был сбит последний каштан, бомбардировка прекратилась. Маркс больше недели не мог двинуть правой рукой. Со мной дело обстояло не лучше.

Но самым большим „treat" (удовольствием) было общее катание на осликах. Сколько тут было смеха и ликования! Какие забавные сценки! Как веселился Маркс! Он забавлял и себя и нас,— нас вдвойне: во-первых, своим более чем примитивным умением ездить верхом, а во-вторых, тем фанатизмом, с каким он утверждал свою виртуозность в этом искусстве. Виртуозность состояла в том, что он, еще будучи студентом, взял несколько уроков верховой езды,— Энгельс уверяет, что он не пошел дальше третьего урока,—и что во время своих поездок в Манчестер, раз в семь лет, он выезжал на

почтенном Росинанте[1], по всей вероятности, правнуке той смиреннейшей кобылы, которую блаженной памяти Фриц подарил доброму Геллерту.

По дороге домой из Хемстед Хис бывало всегда очень весело, хотя уже миновавшее удовольствие обычно будит в нас менее радостное чувство, чем удовольствие, которое еще только предстоит. Против меланхолии, для которой, впрочем, у нас по большей части бывало достаточно оснований, мы были застрахованы нашим неисчерпаемым юмором. Для нас не существовало нудных эмигрантских забот,—тому, кто принимался жаловаться, тотчас же настойчиво напоминали об общественных обязанностях.

Походный порядок на обратном пути менялся. Набегавшиеся за день дети составляли арьергард вместе с Ленхен, которая теперь, когда корзина уже была пуста и сама она шла налегке, могла заняться ими. Обыкновенно мы затягивали какую-нибудь песню. Политические песни пели редко, а чаще всего народные песни, преимущественно чувствительные, и—это сущая правда—„патриотические" песни об „отечестве", например: „O, Strassburg, o, Strassburg, du wunderschöne Stadt!" („О, Страсбург, Страсбург, дивный город!"),—эту песню особенно любили. Или же дети пели нам негритянские песни и плясали при этом, если только их ноги успевали к тому времени немножко отдохнуть. О политике в походе запрещалось говорить, так же как и об эмигрантской нужде. Зато много беседовали о литературе и искусстве, и тут Марксу представлялся случай проявить свою гигантскую память. Он декламировал длинные отрывки из „Божественной комедии"[2], которую знал наизусть почти целиком. Читал он также сцены из Шекспира, причем его жена, превосходный знаток Шекспира, часто сменяла его...

Когда мы в конце пятидесятых годов поселились в северной части Лондона, в Кентиш-Тоун и Хаверсток-хилл, то излюбленным местом наших прогулок стали луга и холмы между Хемстедом и Хайгетом. Тут мы собирали цветы, определяли растения, что городским детям доставляет особенное удовольствие,—холодное, вечно бушующее каменное море большого города пробуждает в них настоящую страсть к зелени и природе. Какая это была радость, когда мы в наших странствиях наткнулись на маленький, затененный деревьями пруд, где я впервые показал детям живые, „дикие" незабудки. Еще больше было радости, когда однажды на роскошном темнозеленом бархатном лугу, на который мы проникли после предварительной тщательной разведки местности, на зло всем запретам, мы нашли среди других

---

[1] Конь Дон-Кихота из романа Сервантеса.—*Ред.*

[2] Поэма Данте.—*Ред.*

весенних цветов, на защищенном от ветра месте, гиацинты... Увидав их, я сначала не поверил своим глазам—меня учили когда-то в школе, что эти цветы растут на воле только в южных странах: у Женевского озера, в Италии, в Греции; севернее расти они, мол, не могут. Здесь я имел осязательное доказательство противного и неожиданное свидетельство в пользу утверждения англичан, что в Англии климат для растительного мира—итальянский. Никакого сомнения—это были самые обыкновенные, светлоголубые гиацинты; только цветы были мельче и не так обильно покрывали стебель, как садовые гиацинты; но запах был тот же, только немного острее.

И с этого благоухающего луга мы глядели вниз на мир, на великий, безбрежный мировой город, который на необозримое пространство расстилался под нами, окутанный безобразно-серыми тучами.

13

Несколько неприятных минут

Дело происходило в Лондоне 18 ноября 1852 года. Лорд Веллингтон, „железный герцог“ и „победитель в ста сражениях“, у которого английский народ впоследствии поубавил гордости и спеси, умер; 18 ноября должны были состояться „национальные похороны“ этого „национального героя“; в церкви св. Павла должно было происходить его погребение рядом с другими „национальными героями“; все должно было сопровождаться по „национальному“ обычаю пышным торжеством. Начиная с самого дня его смерти, вся Англия, особенно Лондон, говорила о готовящемся торжестве; торжество это по блеску своему и великолепию должно было превзойти все бывшие национальные празднества, ибо и человек, в честь которого оно устраивалось, был, по мнению англичан, выше всех прежних героев... И вот наступил день этого торжества.

Вся Англия находилась в движении, весь Лондон был на ногах. Сотни тысяч прибыли в Лондон из провинции, тысячи—из-за границы... Не забудьте многомиллионного населения самого Лондона!

Я питаю отвращение к подобного рода зрелищам, и на этот раз предпочел бы, подобно большинству своих товарищей, сидеть дома или отправиться в Джемс-парк. Но две приятельницы заставили меня изменить это непреклонное решение.

Да, мы были большими друзьями: я и обе девочки—черноглазая, с черными локонами, Женни Маркс—вылитый портрет своего отца,

„Мавра“,—и изящная белокурая Лаура с плутовскими глазками, удивительно похожая на свою благородную мать.

Обе девочки, с первого же дня знакомства сильно ко мне привязавшиеся, завладевали мной всякий раз, как замечали меня; им я в сильной степени обязан сохранением во время моей изгнанническои жизни в Лондоне той способности к юмору, которая скрашивала всю мою жизнь. Как часто, когда на душе было особенно скверно, бежал я к моим маленьким приятельницам и бродил с ними по улицам и паркам!

Черные мысли скоро рассеивались, доброе настроение снова несло с собой радость и силы для борьбы.

Обыкновенно я должен был рассказывать: через несколько дней после знакомства я уже был признанным рассказчиком, которого всегда встречали с ликованием. К счастью, я знал много сказок, а когда мой запас истощался, я должен был сам сочинять сказки...

— Будьте только осторожней с детьми! Не ходите только в самый водоворот,—сказала мне на прощание жена Маркса, когда я с нетерпеливо прыгающими девочками направлялся на веллингтоновское торжество. А внизу, при выходе, торопливо догонявшая нас Ленхен сказала мне еще раз:

— Только осторожно, милый Лайбрери!—(загадочное прозвище, данное мне детьми).

Я составил свой собственный план. Денег, чтобы заплатить за место у окна или на трибуне, у нас не было. Погребальное шествие направлялось по набережной вдоль Темзы. Нужно было пройти по одной из улиц, идущих с севера к набережной и несколько обрывисто спускавшихся к реке.

Справа и слева—по девочке, которых я вел за руку, в кармане—закуска. Я направляюсь к выбранному мною месту, вблизи от старых городских ворот, отделяющих Сити от Вестминстера. С раннего утра улицы были необычайно оживлены, кишели народом, но так как процессия должна была пройти по отдаленнейшим кварталам огромного города, миллионы людей распределились по всем этим улицам, и мы без толкотни добрались до выбранного пункта.

Он оказался очень удобным. Я остановился на лестнице, а обеих девочек поставил ступенькой выше; они крепко прижались ко мне, и каждую из них я держал за руку.

Чу! Движение человеческого моря; далекий растущий шум, подобный сдавленному гулу океана, ближе и ближе. Дети в восторге,—никакой тесноты, все мои опасения и заботы рассеялись.

Долго, долго тянется залитая толпой процессия. Все новые и новые группы проходят мимо нас, пока не скрывается последний обшитый золотом всадник.

И вдруг внезапный толчок—стремительное движение вперед скопившейся позади массы людей. Каждый спешит за процессией. Я противлюсь изо всех сил, стараюсь защитить детей так, чтобы поток прошел мимо, не задевая их. Напрасно! Стихийного напора масс не сдержать никакой человеческой силой, так же, как утлой ладье не справиться с ледоходом после суровой зимы. Я должен был уступить и крепко-накрепко прижал к себе детей, стараясь вместе с тем выбраться из самой гущи. Казалось, мне это уже удалось, я облегченно вздохнул, как вдруг справа на нас хлынула новая мощная волна людей, нас прижали к набережной, и тысячи, сотни тысяч людей, собравшихся в этой уличной артерии, устремились вслед за процессией, чтобы еще раз полюбоваться зрелищем. Я пытался поднять детей к себе на плечи, но вокруг меня была слишком сильная давка. Я судорожно сжимаю руки девочек—водоворот нас уносит, и вдруг я чувствую, как между мною и детьми врезывается какая-то сила; я схватываю каждую из них рукой за локоть, но сила, появившаяся между мной и девочками, как клин, пробивается все дальше и дальше, отрывая от меня девочек, и я должен их оставить—всякое сопротивление бесцельно,—в противном случае я им сломал бы или вывихнул руки. Это была ужасная минута.

Что делать? Предо мной темнели большие ворота, с их тремя проходами: средним—для экипажей и лошадей и боковыми—для пешеходов. Как вода заполняет пространство между быками моста, так толпа запрудила все три прохода. Но я должен был пробиться. Если дети не были задавлены,—а громкие крики отчаяния и ужаса вокруг меня указывали мне всю опасность положения,—тогда, быть может, я их найду по ту сторону, где запруда кончалась. Быть может! Я бешено работал грудью и локтями. Но в такой толпе одиночка похож на соломинку, которая носится в водовороте. Я боролся, не переставая; двадцать раз казалось мне, что я уже в проходе, но снова и снова меня отбрасывали в сторону. Наконец, отчаянно сжатый со всех сторон и получив толчок сзади, я очутился по ту сторону ворот и вырвался из этой ужасной, невероятной толчеи. Я бросаюсь во все стороны и ищу девочек—их нет нигде! Сердце сжимается от ужаса; вдруг два звонких детских голоса:

— Лайбрери!

Я решил, что мне это грезится. Но вот они, наконец, предо мной целы и невредимы, эти две девочки с улыбками на устах. Я целовал их и сжимал в своих объятиях.

На мгновение я лишился способности говорить. А они рассказывали: людская волна, которая оторвала их от меня, пронесла их невредимыми сквозь ворота и отбросила в сторону, под защиту тех самых стен, которые по ту сторону явились причиной этого страш-

ного скопления. Там они заняли место у выступа стены, помня мои старые указания, сделанные им во время прежних прогулок: в случае, если они меня потеряют, не двигаться с места или отойти на самое недалекое расстояние.

С триумфом возвратились мы домой. Жена Маркса, „Мавр" и Ленхен встретили нас с ликованием; все они сильно беспокоились: они слышали, что толкотня была невероятная и что много людей было задавлено и ранено. Дети не имели ни малейшего понятия об опасности, которая им грозила; они полны были радостных впечатлений. А я тоже не говорил в этот вечер о том, какие отчаянные минуты мне пришлось пережить.

В том месте, где от меня оторвали детей, много женщин лишилось жизни. Эти скверные минуты еще так живы в моей памяти, как будто я их только вчера пережил...

14

Маркс и шахматы

Маркс был великолепным игроком в шашки. Он стал таким искусным в этой игре, что было трудно выиграть у него партию. Очень охотно играл он также в шахматы, хотя здесь он и не выказывал особых успехов. Усердием, а иногда бурным и неожиданным нападением он старался возместить недоставшее искусство.

В начале пятидесятых годов в нашей компании изгнанников играли в шахматы очень много. Времени у нас было много больше, чем хотелось бы, и мы под руководством „Красного Вольфа", который в Париже вращался среди лучших шахматистов и кой-чему у них научился, усердно упражнялись в этой „игре мудрецов".

Временами происходили очень бурные состязания. Кто проигрывал—делался центром остроумных насмешек; уже во время игры обыкновенно было очень весело, а часто и очень шумно. Когда Маркс попадал в затруднительное положение, он сердился, а проиграв партию, приходил в ярость. В „модл-лоджинг-хоуз"[1], на улице Олд

[1] Модл-лоджинг-хоуз—казарменное здание с отдельными комнатками для жильцов, общей кухней, общей гостиной и общей комнатой для чтения и курения. В то время в Лондоне было основано несколько таких учреждений; были здания, приспособленные для семей; каждая семья имела несколько комнат; кроме вышеуказанных общих помещений, была также умывальная комната. В этих заведениях, которыми управлял специальный эконом, царила величайшая чистота. Еще и теперь в Лондоне процветают различные „модл-лоджинг-хоузы". (Примечание В. Либкнехта.)

Комтон-стрит, где некоторые из нас жили недолгое время, платя 3 шиллинга 6 пенсов в неделю, нас постоянно окружали англичане, с напряженным вниманием следившие за нашей игрой (в Англии в шахматы много играют и в рабочих кругах) и забавлявшиеся тем веселым шумом, который ее сопровождал: ведь два немца больше шумят, чем шесть дюжих англичан.

Однажды Маркс с триумфом возвестил, что он открыл новый ход, которым он всех нас побьет. Вызов был принят. Действительно, он побил по очереди всех нас, но постепенно на поражениях мы выучились победе, и вот мне удалось дать Марксу мат. Было уже очень поздно, и он, злой, потребовал реванша на следующее утро в своей квартире.

Ровно в 11—для Лондона это очень рано—я был на месте. Маркса еще не было в комнате, но скоро он появился. Жены Маркса не было видно, а физиономия Ленхен не выказывала особенной приветливости. Прежде чем я успел спросить, случилось ли что-либо, вошел „Мавр", протянул мне руку и сейчас же притащил шахматы.

Началась битва. Маркс за ночь обдумал некоторые поправки к своему ходу, и понадобилось немного времени, чтобы я очутился в совершенно безвыходном положении. Я проиграл. Маркс торжествовал, он сразу пришел в хорошее настроение духа, велел принести пару бутербродов и чего-нибудь выпить. Началась новая битва—на этот раз выиграл я. И так мы сражались с переменным успехом и переменным настроением.

Жена Маркса ни разу не показывалась, и из детей также никто не заходил; бой не прекращался, усиливаясь и ослабевая, до тех пор, пока я уже около полуночи не дал два раза мат Марксу. Он настойчиво пытался продолжать игру, но Ленхен категорически заявила: „Хватит"...

15

Нужда и лишения

О Марксе невероятно много лгали; говорили, между прочим, и о том, что он будто бы живет весело и шумно, тогда как масса рядовых эмигрантов вокруг него голодает и гибнет. Я не считаю себя вправе входить здесь в дальнейшие подробности, но могу сказать одно: те моменты острого безденежья, упоминание о которых мы находим в отдельных записях жены Маркса, не были единичными случаями, возможными всегда, особенно когда люди живут на чужбине

без всякой опоры. Самая злая эмигрантская нужда годами преследовала Маркса и его семью. Немного найдется эмигрантов, претерпевших больше лишений, чем Маркс с семьей. Даже и впоследствии, когда его заработки увеличились и стали более регулярными, семья Маркса не была избавлена от заботы о хлебе насущном. Годами,— и это были годы, когда худшее время уже осталось позади,— единственной верной статьей дохода был один фунт стерлингов (20 марок), который Маркс еженедельно получал за свои статьи в „Нью-йоркской трибуне"...

16

Болезнь и смерть Маркса

(Письмо Тусси)[1]

„О пребывании Мавра в Мустафе (Алжир) я могу сообщить только, что погода стояла там отвратительная, что Мавр нашел там очень знающего и милого врача и что в отеле все были к нему внимательны и любезны.

Осень и зиму 1881—1882 годов Мавр провел с Женни в Аржантейле, близ Парижа. Там мы съехались и провели вместе несколько недель. Затем он уехал на юг Франции и в Алжир, но вернулся оттуда в очень плохом состоянии. Осень и зиму 1882 года он прожил в Вентноре (на острове Уайт), откуда возвратился после смерти Женни, 8 января 1883 года.

Теперь о Карлсбаде. Впервые мы посетили его в 1874 году. Мавра направили туда из-за болезни печени и бессонницы. В следующем, 1875 году он поехал туда один,—первая его поездка в Карлсбад чрезвычайно ему помогла,—а в 1876 году я опять поехала вместе с ним, так как он говорил, что в прошлом году мое отсутствие было слишком тяжело для него. В Карлсбаде он проделал лечебный курс с величайшей добросовестностью и аккуратно выполнял все, что ему было предписано. Мы приобрели там массу друзей. Мавр был очаровательным спутником. Всегда хорошо настроенный, он был готов радоваться всему—и красивому виду и стакану пива. Благодаря своим всеобъемлющим историческим знаниям он каждую местность, которую мы посещали, умел сделать еще более живой и реальной в прошлом, чем она даже была в настоящем.

---

[1] Либкнехт приводит выдержки из писем младшей дочери Маркса—Элеоноры.— *Ред.*

О пребывании Мавра в Карлсбаде, кажется, уже кое-что писали. Я, между прочим, слыхала о какой-то большой статье, не помню в какой газете.

В 1874 году мы виделись с вами в Лейпциге. Тогда мы заехали на обратном пути в Бинген, который Мавр хотел мне показать, так как он был в нем во время своего свадебного путешествия с моей матерью. Кроме того, мы побывали во время этих двух поездок в Дрездене, Берлине, Праге, Гамбурге и Нюренберге.

В 1877 году Мавр снова собирался в Карлсбад. Однако нас предупредили, что германское и австрийское правительства намереваются его выслать. Так как путешествие должно было быть слишком продолжительным и дорогим, чтобы можно было рисковать высылкой, то он уже больше в Карлсбад не поехал—к большому ущербу для своего здоровья, потому что после лечения в Карлсбаде он всегда чувствовал себя как бы возродившимся.

В Берлин мы поехали главным образом для того, чтобы повидаться с верным другом моего отца, с моим дорогим дядей Эдгаром фон-Вестфаленом. Мы пробыли там всего несколько дней. К великому удовольствию Мавра, мы позже узнали, что в отель, где мы остановились, на третий день нагрянула полиция—ровно через час после нашего отъезда.

Осенью 1880 года, когда наша дорогая мамочка была уже настолько больна, что лишь изредка вставала с постели, Мавр схватил тяжелое воспаление легких, принявшее такой скверный оборот потому, что он всегда запускал свои болезни. Врач (наш добрый друг Донкин) считал его почти безнадежным. Это было ужасное время. В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр. Два эти человека, так привыкшие друг к другу, так тесно сросшиеся один с другим, не могли быть вместе в одной комнате.

Наша добрая старая Ленхен (ты знаешь, чем она была для нас) и я превратились в сиделок. Врач говорил, что своими заботами мы спасли Мавра. Как бы там ни было, я знаю только, что ни Ленхен, ни я ни разу не легли спать в течение трех недель. День и ночь мы были на ногах, а когда мы уж слишком уставали, мы ложились поочередно на часок.

Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели,—это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом.

Мавр поправлялся и если еще не окреп вполне, то во всяком случае набирался сил.

Затем, 2 декабря (1881 г.) умерла мамочка. Последние ее слова,—странно, что они были сказаны по-английски,—были обращены к ее „Карлу".

Когда приехал наш дорогой „Генерал" (Энгельс), он сказал,—и это меня тогда почти ожесточило против него:

— Мавр тоже умер.

Это действительно так и было.

С жизнью мамочки ушла и жизнь Мавра. Он упорно боролся со своими недугами,—он ведь до конца был борцом,—но он был сломлен. Общее состояние его здоровья все ухудшалось. Будь он эгоистичнее, он просто махнул бы на все рукой. Но для него существовало нечто, что было выше всего,—это была его преданность делу. Он пытался завершить свой великий труд и поэтому согласился поехать еще раз отдохнуть.

Весною 1882 года он отправился в Париж и Аржантейль, где я с ним встретилась. Мы провели с Женни и ее детьми несколько счастливых дней. Затем Мавр отправился на юг Франции и, наконец, в Алжир.

Во все время пребывания в Алжире, Ницце и Каннах его преследовала плохая погода. Из Алжира он писал мне длинные письма. Многие из них я потеряла, так как по его просьбе я пересылала их Женни, а она далеко не все вернула мне обратно.

Когда Мавр возвратился, наконец, домой, он был очень плох, и мы начали опасаться самого худшего. Осень и зиму он по совету врача провел в Вентноре, на острове Уайт. Здесь я должна упомянуть, что в то время я уехала, по желанию Мавра, со старшим сыном Женни, Жаном (Джонни), на три месяца в Италию. Весною 1883 года я поехала к Мавру, взяв с собой Джонни, которого он любил больше всех своих внучат. Я должна была вернуться, так как меня ждали мои уроки.

Но вот обрушился последний страшный удар: известие о смерти Женни. Женни, старшая и самая любимая дочь Мавра, умерла внезапно (8 января). Мы получали письма от Мавра,—они сейчас передо мной,—в которых он писал, что здоровье Женни улучшается и что нам (Ленхен и мне) опасаться нечего. Телеграмму с известием о смерти мы получили через час после письма, в котором Мавр писал это. Я тотчас же поехала в Вентнор. Мне приходилось в жизни переживать немало горьких минут, но никогда мне не было так тяжело, как тогда. Я чувствовала, что везу моему отцу смертный приговор. Во время этого длинного мучительного путешествия я

ломала себе голову над тем, как мне сообщить ему это известие. Но мне не пришлось ничего сказать, меня выдало выражение моего лица,—Мавр сразу сказал: „Наша Женнихен умерла!“ и тут же велел мне ехать в Париж, к детям. Я хотела остаться с ним, но он не терпел никаких возражений. Едва пробыв в Вентноре полчаса, я снова пустилась в безрадостный путь в Лондон, чтобы оттуда тотчас же ехать в Париж. Я сделала то, чего хотел Мавр ради детей.

Не буду говорить о своем обратном путешествии; я с ужасом вспоминаю это время—какие душевные муки! какая пытка! Но довольно об этом.

Теперь еще несколько слов о мамочке. Она умирала в течение долгих месяцев и вытерпела все ужасные мучения, которые несет с собою рак. И все же ее обычное хорошее настроение, ее неистощимый юмор, который тебе достаточно знаком, не покидали ее ни на минуту. С детским нетерпением справлялась она о ходе тогдашних выборов в Германии (1881 г.), и как она ликовала по поводу наших побед! До самой смерти она была бодра и старалась шутками рассеять наши опасения. Она, так жестоко страдавшая, шутила, смеялась—смеялась над нами и над врачом, над нашими опасениями. Почти до последнего момента она была в полном сознании, и, когда больше уже не могла говорить, ее последние слова были обращены к „Карлу“,—она пожимала нам руки и пыталась улыбаться.

Что касается Мавра, то ты знаешь, что он, перейдя из спальни в свой кабинет в Майтланд-парке, опустился в свое кресло и мирно заснул.

Это кресло стояло у „Генерала“ до самой его смерти, теперь оно у меня.

Когда будешь писать о Мавре, не забудь о Ленхен (что ты не забудешь о мамочке, я знаю); Ленхен была до известной степени той осью, вокруг которой вращалось все в доме. Наш лучший и самый верный друг. Так что не забудь о Ленхен, когда будешь писать о Мавре!“

* * *

„Теперь сообщу тебе, согласно твоей просьбе, некоторые подробности о пребывании Мавра на юге. Мы, то-есть он и я, были в начале 1882 года у Женни в Аржантейле. Март и апрель Мавр провел в Алжире, а май в Монте-Карло, Ницце и Каннах. Конец июня и весь июль он снова жил у Женни, где в то время была и Ленхен. Из Аржантейля Мавр поехал с Лаурой в Швейцарию, Веве и т. д. В конце сентября или начале октября он возвратился

в Англию и тотчас же уехал в Вентнор, где мы с Джонни его навестили.

Вот еще несколько данных в ответ на твои вопросы. Наш маленький Эдгар (Муш) родился, кажется, в 1847 году и умер в конце 1855 года. 5 ноября 1849 года родился „маленький Фокс“ [1] (Фоксик), Генрих, и умер приблизительно в возрасте двух лет [2]. Сестренка Франциска, родившаяся в 1851 году, умерла еще младенцем, месяцев одиннадцати“.

* * *

„Перехожу к твоему вопросу о нашей доброй Ленхен, или „Ними“, как мы в последнее время ее называли, потому что так прозвал ее, не знаю почему, Джонни Лонге, когда был еще совсем маленьким. Маленькой девочкой, 8—9 лет, Ленхен попала к моей бабушке фон-Вестфален и росла вместе с Мавром, мамочкой и Эдгаром фон-Вестфаленом. К старикам Вестфаленам Ленхен навсегда сохранила нежную привязанность. Мавр их тоже очень любил. Он не уставал рассказывать нам о старом бароне фон-Вестфалене, о его удивительном знании Шекспира и Гомера. Тот мог декламировать целые песни Гомера, от первого до последнего слова, и большинство драм Шекспира он тоже знал наизусть по-английски и по-немецки. Отец Мавра—Мавр чрезвычайно высоко ценил своего отца—был, напротив, настоящим „французом“ XVIII столетия. Он знал наизусть Вольтера и Руссо, как старик Вестфален Гомера и Шекспира. Своей удивительной многогранностью Мавр был бесспорно в значительной мере обязан этим „наследственным“ влияниям.

Вернемся, однако, к Ленхен. Поселилась ли она с моими родителями до их переезда в Париж или после (а переехали они туда вскоре после своей свадьбы), я сказать не могу. Знаю только, что бабушка прислала ее молодой девушкой к моей матери, „как лучшее из всего, что она могла ей послать,—верную, дорогую Ленхен“. И верная, дорогая Ленхен осталась у моих родителей, а позднее приехала и ее младшая сестра, Марианна. Ее ты едва ли помнишь, это было уже после тебя...“

---

[1] Он был назван Фоксом по имени героя „порохового заговора“ Гвидо Фокса. (Примечание В. Либкнехта.)

[2] Сын Маркса, о котором пишет Элеонора, умер 19 ноября 1850 г.—*Ред.*

17

Могила Маркса

Ее следовало бы скорее назвать фамильным склепом семьи Маркс. Она находится на Хайгетском кладбище, в северной части Лондона, на холме, откуда виден весь огромный город.

„Памятника“ Маркс для себя не хотел. Поставить творцу „Коммунистического манифеста“ и „Капитала“ иной памятник, кроме того, который он сам себе воздвиг, было бы оскорблением для великого усопшего. В головах и сердцах миллионов рабочих, уже соединившихся по его призыву, он не только воздвиг себе памятник прочнее меди, но и создал живую почву, на которой все, чему он учил, претворяется, а отчасти уже и претворилось в дело.

Мы, социал-демократы, не признаем святых, и могилы, как святыни, для нас не существует; но миллионы людей с благодарностью и благоговением помнят о человеке, который покоится в кладбищенской земле на севере Лондона. И через тысячи лет, когда варварство и ограниченность, восстающие ныне против освободительных стремлений рабочего класса, станут почти невероятной сказкой прошлого, свободные, благодарные люди будут стоять у этой могилы с непокрытой головой и будут говорить своим детям: „Здесь покоится Карл Маркс“.

Здесь покоятся Карл Маркс и его семья. Простая мраморная плита, увитая плющом, лежит в изголовье могилы, обложенной мрамором. На плите начертано:

JENNY VON WESTPHALEN
THE BELOVED WIFE OF
KARL MARX
BORN 12. FEBRUARY 1814.
DIED 2. DECEMBER 1881.
AND KARL MARX
BORN MAY 5. 1818; DIED MARCH 14. 1883.
AND HARRY LONGUET
THEIR GRANDSON
BORN JULY 4. 1878; DIED
MARCH 20. 1883.
AND HELENE DEMUTH
BORN JANUARY 1. 1823; DIED NOVEMBER 4. 1890.

ЖЕННИ ФОН-ВЕСТФАЛЕН
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ СУПРУГА
КАРЛА МАРКСА
РОДИЛАСЬ 12 ФЕВРАЛЯ 1814 г.
УМЕРЛА 2 ДЕКАБРЯ 1881 г.
И КАРЛ МАРКС
РОДИЛСЯ 5 МАЯ 1818 г., УМЕР 14 МАРТА 1883 г
И ГАРРИ ЛОНГЕ
ИХ ВНУК
РОДИЛСЯ 4 ИЮЛЯ 1878 г., УМЕР 20 МАРТА 1883 г.
И ЕЛЕНА ДЕМУТ
РОДИЛАСЬ 1 ЯНВАРЯ 1823 г., УМЕРЛА 4 НОЯБРЯ 1890 г.

В семейной могиле похоронены не все умершие члены семьи. Трое умерших в Лондоне детей погребены на других лондонских кладбищах: один из них, Эдгар („Муш"), наверное, а двое остальных, по всей вероятности,—на кладбище Уайтфилд Чепел в Тоттенхем-Корд-Род. Женни Маркс, любимая дочь Маркса, покоится в Аржантейле, близ Парижа, где смерть вырвала ее из круга ее цветущей семьи.

Но если и не для всех умерших детей и внуков нашлось место в семейном склепе, то нашлось оно для одного человека, который был членом семьи, хотя и не был связан с ней кровными узами,—для „верной Ленхен", Ленхен Демут.

То, что она будет похоронена в семейной могиле, решила еще жена Маркса, а за нею и сам Маркс. И Энгельс, в своей верности не уступавший Ленхен, вместе с оставшимися в живых детьми исполнил этот долг, что он сделал бы и по собственному своему побуждению.

Как дети Маркса относились к Ленхен, как нежно они были к ней привязаны, с каким благоговением чтут ее память, доказывает приведенное [1] письмо младшей дочери Маркса.

Посетив в последний раз Лондон, я возвращался домой через Париж. В Дравейле, где жили Лафарг и его жена Лаура Маркс, я погрузился вместе с Лаурой в старые лондонские воспоминания и заговорил о своем намерении написать эти воспоминания. Тогда и она сказала мне, точно так же, как это сделала Тусси в своем вышеприведенном письме и позднее устно: „Смотри же, не забудь Ленхен".

Нет, я не забыл Ленхен и никогда ее не забуду. Она ведь целых сорок лет была мне другом, а во время эмигрантской жизни

[1] См. выше, гл. 16.—*Ред.*

в Лондоне была иной раз и моим „провидением“. Как часто она ссужала меня несколькими пенни, когда у меня в карманах свистел ветер, а в доме Маркса было не слишком уж пусто,—потому что, когда там наступал пост, тогда у Ленхен ничем нельзя было поживиться. И как часто, когда моих портновских способностей уже нехватало, она искусно реставрировала на несколько недель какую-нибудь необходимую часть туалета, заменить которую мне было нечем по финансовым причинам.

Когда я увидел Ленхен в первый раз, ей было 27 лет. Красавицей она, правда, не была, но со своей высокой, стройной фигурой и приятными чертами лица она была очень привлекательна. В поклонниках у нее недостатка не было, и она не раз имела возможность сделать хорошую партию. И хотя она не связала себя никаким обетом, но для ее преданного сердца было ясно само собой, что она должна остаться с „Мавром“, с его женой и с детьми.

И она осталась,—а годы юности промчались. Она осталась, перенося с ними нужду и лишения, горе и радость. Покой наступил только тогда, когда смерть скосила людей, с судьбою которых она связала свою собственную. У Энгельса она нашла покой, у него же и скончалась, забывая о себе до последней минуты. Ныне она покоится в семейной могиле.

* * *

Друг Моттелер, „красный почтмейстер“, живущий теперь в Хемстеде, недалеко от Хайгета, описывает могилу Маркса следующим образом:

„Могила Маркса обложена белым мрамором, из того же камня сделана и маленькая плита, на которой черными буквами начертаны имена и даты. Дерн, привезенный мною в свое время из Швейцарии, плющ и несколько кустиков роз, по большей части заросших травой, служат скромным украшением могилы. Два раза в неделю я обыкновенно прохожу мимо Хайгета, там, где покоится Маркс. Если могила уж очень сильно зарастает, я выпалываю траву. Иной раз кое-что и засыхает, особенно если лето такое жаркое, как два последних года (в этом году, когда на континенте было столько дождей, в Англии стояла засуха, какой никто не упомнит, и даже в парках трава совершенно засохла). Даже с помощью Лесснера я не был в состоянии защитить могилу от солнца, и поэтому мы в конце концов были вынуждены,—разумеется, с согласия Эвелингов, которые из-за чрезвычайной дальности расстояния приезжают лишь изредка,—поручить могилу попечению кладбищенского сторожа“.

18

По старым местам

В мае этого года[1] я был в Англии; исполнив свои агитаторские обязанности, я, прежде чем вернуться обратно в Германию, решил предпринять поездку по различным частям Лондона; мне хотелось побывать во всех тех местах, где некогда жили мы, изгнанники, и особенно хотелось разыскать те квартиры, в которых обитала семья Маркса.

Было 8 июня, когда мы (я, Элеонора Маркс-Эвелинг и ее муж) прибыли в Седенхем, чтобы отсюда уже железной дорогой, дрожками и омнибусом направиться на угол Тоттенхем-Корт-Род, вблизи Сохо-сквера. Мы методически приступили к работе — к „раскопкам" Лондона политических изгнанников, живших там от конца сороковых годов до пятидесятых и шестидесятых годов включительно...

Итак, мы находились на улице Тоттенхем-Корт, в самом близком расстоянии от Сохо-сквера и Лейстер-сквера, где собирались группами немецкие и французские изгнанники, соединенные общим чувством одиночества.

Сначала мы направились в Сохо-сквер; ничто не изменилось: те же дома, та же копоть на домах, иногда даже те же самые имена на вывесках... Как будто сон: юность встала предо мною; 40—45 лет исчезли, как туманное облако, гонимое ветром; я—двадцатилетний изгнанник—иду по скверу, по знакомым поперечным улицам, направляюсь к Олд Комтон-стрит, где еще стоит старый модл-лоджинг-хоуз, в котором много-много лет тому назад так весело жилось.

Не прошмыгнул ли здесь „Красный Вольф"? Не стоит ли там Конрад Шрамм? Все, все так, как будто бы только вчера я был здесь. Удивительно: в Лондоне—в этом океане домов—есть улицы и кварталы, которых не тронули клокочущие волны всеразрушающего времени...

Дальше, дальше!.. Здесь Дин-стрит, где жил Маркс. Мы еще не сворачивали: сначала на Черч-стрит. Ничто не изменилось: вот церковь, вот непременный кабачок против церкви, тоже не изменился... Вот трехэтажные серовато-черные дома с двумя окнами по фасаду; они тоже не изменились. Вот № 14, в котором я жил восемь лет,—не изменился и он.

Назад... Теперь завернем за угол: это Мейклзфилд-стрит. Но где же № 6? Здесь должен был стоять дом... Напрасно мы ищем дом, в котором обитал Энгельс в начале своей изгнаннической жизни

---

[1] 1896 г.—*Ред.*

до тех пор, пока он не был послан старым отцом в Манчестер по торговым делам: новая улица поглотила этот дом...

Дальше! Теперь к Дин-стрит, на поиски дома, в котором обитал долгое время Маркс со своей семьей. Я уже прежде искал его как-то, но не мог точно установить, где он; Энгельс потом сказал мне, что номера домов были изменены. Там каждый дом похож на соседний, как две капли воды, а времени для более тщательных поисков во время прежних моих посещений Лондона у меня никогда нехватало. Ленхен, с которой я незадолго до ее смерти говорил об этом, тоже не могла с точностью указать дом. А Тусси, которой был всего год, когда последовало переселение из Дин-стрит в Кентиш-Тоун, разумеется, тоже не могла вспомнить.

Нужно было при поисках придерживаться определенного метода. Улица изменилась очень мало. Среди домов на правой стороне стояло несколько зданий, с внешней стороны совершенно похожих друг на друга,—между ними и колебался наш выбор. Единственно прочный признак, который у меня был,—это театр, расположенный напротив. Этот театр, в то время частный, был с тех пор перестроен. Теперь он гораздо больше и шире, и мне неизвестно было, в какую сторону он был увеличен—вправо или влево. Таким образом, единственно прочная позиция, которой я обладал, была несколько сдвинута. Наконец, я добился того, что выбирать осталось только между двумя домами. Оглядеть их снаружи было недостаточно—я должен был проникнуть внутрь. Двери одного из домов были открыты, я вошел; лестница показалась мне знакомой; вся постройка, насколько я мог ее видеть с порога, также соответствовала моим воспоминаниям. Но большинство лондонских домов построено как бы по фабричному способу; они очень шаблонны и лишены всякой индивидуальности и своеобразия. Я поднялся на первый этаж и не мог ориентироваться—все казалось мне чуждым.

Между тем дочь Маркса с мужем производили дальнейшие наблюдения на улице. Я сообщил им сомнительный результат своих исследований.

Итак, в соседний дом! На нем стоит № 28. Не обманывает ли меня моя память? Тот же номер стоял, кажется, и на доме Маркса. Да! Я вдруг сразу вспомнил, что в начале своего пребывания в Лондоне я запомнил этот номер при помощи простого приема: я отметил его себе, как удвоенный номер моего собственного дома. Энгельс, вероятно, ошибся, сказав, будто номера изменены. Или, быть может, он высказал только предположение? Мы позвонили. Молодая женщина открыла нам входную дверь. Мы спросили ее, помнит ли она имена прежних квартирантов и владельца дома.

— Да, но только за последние девять лет.

— Позволите ли вы войти и осмотреть дом?

— Конечно!

И она сама проводила меня наверх.

Лестница была та же. Вся постройка тоже. И чем дальше я шел, тем становилось мне все более знакомым. Лестница в заднюю комнату—все подходило!

К сожалению, комнаты второго этажа, в котором жил Маркс, были заперты. Но, поскольку я мог видеть, все подходило самым точным образом; сомнение за сомнением исчезало—и у меня появилась уверенность: здесь жил Маркс!

Когда я спустился, я крикнул:

— Нашел! Здесь! Да, здесь!

Это—тот дом, где я бывал тысячи и тысячи раз, где Маркс, измученный, издерганный нуждой изгнаннической жизни и ненавистью врагов, которые не останавливались ни перед какой клеветой, писал „18 брюмера", „Господина Фогта", свои статьи в „Нью-йоркскую трибуну" и где он подготовил исполинскую предварительную работу для „Капитала"...

Мы можем уже покинуть дом на Дин-стрит; я напомню только, что Маркс, прибыв в июне 1849 года в Лондон, поселился сначала в Camberwelle. Здесь ему пришлось пережить несколько неприятностей: был объявлен несостоятельным владелец дома, и, согласно английскому закону, кредиторы удержали в качестве залога обстановку жильцов. В июне 1856 года, приблизительно ко времени моего приезда в Лондон, семья Маркса, после короткого пребывания в одном семейном отеле на Лейстер-сквере, переехала в дом на Дин-стрит; здесь она прожила около семи лет, вплоть до своего переселения в Кентиш-Тоун; последний находился в северной части Лондона, тогда еще носившей несколько деревенский характер.

Нам нечего было больше делать на Дин-стрит, и мы возвратились на угол Тоттенхем-Корт-Род. Там мы сели в омнибус, идущий по направлению к Кентиш-Тоун.

Но Тоттенхем-Корт-Род изменилась очень мало; характер улицы был тот же, что и раньше; часто встречались те же самые лавки и торговые дома; стоящая по левой стороне капелла осталась неизменной; только кладбище было теперь закрыто. На этом кладбище был погребен бедный Муш и, как мне кажется, двое других детей Маркса, умерших в раннем возрасте.

Мы приближались к Kentish Town'y... Вот как будто бы знакомая таверна. И верно—это старый „Ред-Кап" („Красная шапочка"). Мы слезли с омнибуса и уже пешком сворачивали за угол в улицу Malden Road. Я чувствую себя здесь, как дома; но еще минута, и опять новые улицы, которых не было, когда я покидал Лондон.

Где раньше было поле, там теперь выросли густые массы домов. Неожиданно Тусси поднимает руку и указывает на относительно большой для лондонского предместья дом. „Вот он!“ восклицает она.

Действительно, это он—дом, или, вернее, коттедж, на улице Grafton Terrace; здесь жил Маркс за десять лет до своей смерти. Вот маленький балкон, с которого жена Маркса, выздоравливавшая после тяжелой оспы, перекликалась со своими тремя дочурками, которые во время болезни матери жили у меня; сначала, ослабевшая, она могла лишь шептать, но как зато сияло ее лицо, когда я приводил к балкону детей...

В этом доме умер Карл Маркс; сюда он переселился в 1872 или 1873 году,—старая квартира оказалась слишком большой, ибо в семье уже не было двух старших дочерей, вышедших к тому времени замуж.

Молча направились мы на Хемстедские холмы. Здесь многое изменилось, но все-таки прежний характер местности еще не совсем исчез. Мы отыскали старые места. После утомительной поездки нужно было подкрепиться. Мы зашли позавтракать в знакомую таверну „Джек Строу“. Сколько раз мы бывали здесь в те годы! Вот в этой самой комнате, в которой мы теперь сидим, я десятки раз сидел вместе с Марксом, г-жей Маркс, детьми, Ленхен и другими.

Давно это было...

ФРИДРИХ ЛЕССНЕР

До и после 1848 года

(Из воспоминаний старого коммуниста)

1

Бурные 1848–1849 годы я пережил уже как коммунист, как страстный борец за передачу средств производства в руки общества, за братское сотрудничество всего человечества.

Когда я, молодой портновский подмастерье, впервые в 1846 году услышал в Гамбурге коммунистическую речь, я думал, что коммунизм восторжествует через несколько лет. Когда, однако, в 1847 году я услышал Карла Маркса, когда я прочел и понял „Манифест коммунистической партии“, мне стало ясно, что энтузиазм и добрая воля одиночек недостаточны, чтобы привести к преобразованию человеческого общества... Утратив некоторую долю восторженности и фантазии, я зато обрел целеустремленность и сознательность.

В Гамбурге, в мастерской, где я работал, я подружился с несколькими товарищами по работе, которым приходилось уже работать в Швейцарии, Париже и Лондоне. Там они познакомились с коммунистическими идеями...

* * *

В Гамбурге существовало в те времена „Рабочее просветительное общество“, являвшееся сборным пунктом всех передовых рабочих.

Они собирались там каждый вечер, чтобы почитать газету, поспорить, изучать иностранные языки. Разложенные там на столах газеты в большинстве случаев были оппозиционного направления; споры вращались главным образом вокруг коммунистических вопросов, а песни, которые распевала певческая секция, были песнями свободы.

Гамбургское „Рабочее просветительное общество" было тогда средоточием революционной мысли,—правда, в духе середины сороковых годов: это означало стремление к единству и свободе Германии, к республике и братству народов, к либерализму, к первобытному христианству, к коммунизму,—словом, все идеи перепутывались там и сливались в весьма неясные и неопределенные идеалы...

Человеком, которому принадлежит будущее, в „Рабочем просветительном обществе" считали Вильгельма Вейтлинга. В нашем кругу он был кумиром.

В „Рабочее просветительное общество" товарищи ввели меня в ноябре 1846 года; вскоре я был принят в число его членов. Я стал усердно посещать собрания и диспуты.

Один из товарищей дал мне почитать „Гарантии гармонии и свободы" Вейтлинга. Эту книгу в то время много читали в рабочих кругах. Она переходила из рук в руки, так как лишь немногие имели возможность ее приобрести. Я перечитал ее трижды. Впервые мне в голову пришла мысль, что на свете все могло бы быть иначе...

Нельзя забывать, что я в те времена должен был вскоре итти в солдаты. Тот период, когда споры в гамбургском „Рабочем просветительном обществе" и вейтлинговская книга „Гарантии" революционизировали мои воззрения и значительно расширили мой кругозор, был решающим для моего политического развития.

Когда 1 апреля 1847 года, вместо того, чтобы отправиться в веймарскую казарму, я сел на пароход, который должен был доставить меня в Англию, мне казалось, что я оставляю на континенте свое прошлое, чтобы в Англии начать новую жизнь—жизнь, которую я решил посвятить борьбе за освобождение человечества.

* * *

Мне дали рекомендации в лондонское „Рабочее просветительное общество", в котором мне оказали дружеский прием. Его основателями были Карл Шаппер, Генрих Бауэр и Иосиф Молль. Они приехали в Лондон в конце 1839 года, после того, как их за участие в бланкистских выступлениях выслали из Франции.

Шаппер был коммунистом больше по чувству, чем по сознанию... Генрих Бауэр был по ремеслу сапожником. Маленький ростом, он обладал большим остроумием, хитростью и решимостью. Часовщик Иосиф Молль, уроженец Кёльна, среднего роста, крепко сложенный, отличался умом, героизмом и неустрашимостью. Он не знал страха, когда дело шло о том, чтобы служить интересам пролетариата. Когда в 1849 году разразилось баденское восстание[1], он поспешил на фронт... Вражеская пуля положила конец его героической жизни. В обозрении „Новой рейнской газеты" Энгельс писал: „Я потерял в нем старого друга, а партия—одного из своих самых неутомимых, бесстрашных и надежных бойцов".

Наряду с этими людьми живейшее участие в собраниях „Рабочего просветительного общества" принимали маляр Карл Пфендер и портной Георг Эккариус.

Через несколько дней мне удалось найти работу; я начал регулярно посещать общество и стал его членом. Я был принят и в „Союз справедливых", который тогда как раз преобразовался в „Союз коммунистов". Влияние Вейтлинга в Лондоне заметно уменьшалось, зато выступили на первый план два имени: Маркс и Энгельс.

2

До тех пор я их обоих еще не знал. Мне было только известно, что они находились в Брюсселе, где руководили „Немецкой брюссельской газетой". Я и не подозревал тогда, что эти два человека откроют новую эру в истории социализма.

Через несколько месяцев после моего приезда, то-есть летом 1847 года, состоялся первый конгресс „Союза коммунистов", на который приехали из Брюсселя Энгельс и Вильгельм Вольф. На этом съезде, на котором реорганизовали „Союз", Маркс не присутствовал. „Все, что в нем („Союзе") еще оставалось от старых мистических названий, сохранившихся от заговорщических времен, было уничтожено", говорил Энгельс. „Союз" стал называться „Союзом коммунистов".

Летом 1847 года Этьен Кабе, знаменитый автор „Путешествия в Икарию", выпустил воззвание к французским коммунистам, в котором говорилось: „Так как здесь (во Франции) правительство, духовенство, буржуазия и даже революционные республиканцы пре-

---

[1] Восстание в Южной Германии весной и летом 1849 г. В восстании участвовал Энгельс. Оно было подавлено прусскими войсками.—*Ред.*

следуют, чернят нас, возводят на нас клевету, так как пытаются даже прекратить наше существование, чтобы уничтожить нас физически и морально, то дайте нам возможность покинуть Францию, пустите нас в Икарию, чтобы основать там коммунистическую колонию!" Кабе высказывал надежду, что найдется двадцать-тридцать тысяч коммунистов, которые осуществят этот план.

Это воззвание попало и в лондонское „Рабочее просветительное общество".

Приблизительно в сентябре 1847 года Кабе сам приехал в Лондон, чтобы склонить нас к своей идее. Но влияние Маркса уже очень велико было среди нас, и поэтому мы высказались против каких бы то ни было фантазий. Мы ответили, что Кабе идет по неправильному пути, что мы уважаем личность гражданина Кабе, но боремся против его плана эмиграции. Каждый борец за правду и справедливость должен считать своим долгом оставаться на своем посту, просвещать народ, поднимать упавшее мужество, положить основу новому общественному порядку, чтобы смело противостоять негодяям. Если честные люди, если борцы за лучшее будущее уйдут и очистят невеждам и мошенникам поле битвы, то Европа должна будет погибнуть и погибнет.

Таковы основные мотивы, заставившие нас считать предложение Кабе гибельным и обратиться с призывом к коммунистам всех стран: „Братья, останемся на страже здесь, в старой Европе; будем действовать здесь и бороться, ибо только здесь найдем мы те элементы, которые нужны для создания общественной собственности, и последняя будет создана прежде всего здесь".

Вот наш ответ Кабе... Он показывает, что мыслящие коммунисты, которые в то время уже испытывали на себе решающее влияние Маркса и Энгельса, осуждали всякие утопические попытки. Кабе покинул Лондон.

Вскоре, в конце ноября 1847 года, состоялся второй конгресс „Союза коммунистов", на котором присутствовал и Карл Маркс. Он приехал из Брюсселя, а Энгельс из Парижа, чтобы защищать на конгрессе „Союза" принципы научного коммунизма. Конгресс продолжался десять дней.

В заседаниях принимали участие только делегаты, в числе которых я не состоял. Но мы знали, о чем шла речь, и с величайшим интересом ждали результатов прений. Вскоре мы узнали, что конгресс единогласно высказался за изложенные Марксом и Энгельсом принципы и поручил им выработать „Манифест". Когда затем, в начале 1848 года, из Лондона прибыла рукопись „Коммунистического Манифеста", я также должен был принять скромное участие в опубликовании этого, составившего эпоху, документа: я отнес рукопись в

типографию, откуда доставлял оттиски для корректуры Карлу Шапперу.

Тогда я впервые увидел Маркса и Энгельса. Никогда я не забуду впечатления, которое произвели на меня оба эти человека.

Маркс был тогда еще молодым человеком, лет 28—30. Он был среднего роста, широкоплеч, крепко сложен, энергичен, с высоким благородным лбом, густыми иссиня-черными волосами и проницательным взглядом. Рот его уже тогда обладал тем саркастическим выражением, которого так боялись его противники. Маркс был рожден народным вождем. Его речь была краткой, связной, неумолимо логичной; он никогда не говорил лишних слов; каждая фраза—мысль, каждая фраза—необходимое звено в цепи доводов. В Марксе не было ничего от мечтателя. Чем больше я сознавал разницу между коммунизмом вейтлинговского периода и коммунизмом „Коммунистического Манифеста", тем яснее становилось для меня, что Маркс представлял зрелый возраст социалистической мысли.

Фридрих Энгельс, духовный брат Маркса, напоминал скорее германский тип. Стройный, гибкий, блондин, со светлыми усами, он больше походил на молодого, энергичного гвардейского лейтенанта, чем на ученого. Энгельс, который всегда подчеркивал значение своего бессмертного друга, сам бесконечно много сделал для создания и распространения научного коммунизма. Энгельс принадлежал к числу тех людей, которых нужно ближе узнать, чтобы уважать и любить их.

* * *

В „Рабочем просветительном обществе" в Лондоне нас в то время охватило некоторое волнение. Мы твердо верили, что скоро должна „завариться каша", и совершенно не подозревали, какая нужна была еще воспитательная и организационная работа, чтобы сделать пролетариат способным опрокинуть буржуазный мир.

„Коммунистический Манифест" вышел из печати в феврале 1848 года. Мы получили его одновременно с известием о начале февральской революции в Париже.

Я не в состоянии изобразить то огромное впечатление, которое произвело на нас это известие. Нас охватил вихрь воодушевления. Нами владело одно чувство, одна мысль: пожертвовать всем за освобождение человечества!

Лондонский Центральный комитет „Союза коммунистов" тотчас же передал свои полномочия руководящему коллективу в Брюсселе, который в свою очередь передал их Марксу и Энгельсу и уполномочил их организовать новый Центральный комитет в Париже.

Непосредственно после этого решения Маркс был арестован в Брюсселе. Его принудили выехать во Францию, куда он как раз и намеревался отправиться.

3

События в Париже оказали сильное влияние и на английский рабочий класс. Чартистское движение, которое с середины тридцатых годов владело умами английских пролетариев, получило новый толчок благодаря февральской революции. Уже начало этой революции лондонские рабочие приветствовали большой демонстрацией. Члены „Союза коммунистов" приняли в ней участие, да и вообще они всеми средствами поддерживали чартистское движение.

Самый популярный и дельный вождь чартистов, Эрнст Джонс, посещал иногда наше общество, где я имел случай узнать этого отважного агитатора. Джонс был небольшого роста, но крепко сложен. Он вполне владел немецким языком и был одним из немногих чартистских вождей, которые в то же время понимали и проповедывали социализм.

13 марта в Лондоне состоялся митинг, на котором выступил Джонс. Он призывал народ не бояться жалких буржуазных законников, не бояться ни полиции, ни солдат, ни торгашей, записавшихся в агенты специальной полиции и удиравших при виде нескольких уличных мальчишек. Долой министерство, роспуск парламента, хартия—и никаких уступок!

В начале апреля в Лондоне собрался чартистский конвент (представительное собрание), которому предстояло энергичнее, чем до сих пор, предъявить парламенту петицию о введении ежегодно требуемой рабочими политической свободы. 10 апреля петиция должна была быть передана, но уже не так, как прежде, через нескольких уполномоченных, а самими рабочими массами. Этим хотели дать понять парламенту, что пролетариат готов добиваться удовлетворения своих требований в случае необходимости и силой.

Утром 10 апреля Лондон представлял собой своеобразное зрелище. Все предприятия и магазины были закрыты. Лондонские буржуа с оружием в руках поддерживали „порядок". Среди этих вояк находился и Наполеон Малый, впоследствии император Франции.

Члены „Союза коммунистов" решили принять участие в демонстрации. Мы запаслись всякого рода оружием. Я живо помню то комичное впечатление, которое произвел на меня Георг Эккариус, вооружившийся большими, остро отточенными портновскими ножницами, которыми он намеревался отражать нападение полицейских.

Рабочие собрались, чтобы начать шествие к парламенту. Однако мы вдруг узнали, что Фергюс О'Коннор, глава этой демонстрации, не советует предпринимать массовое шествие, так как-де правительство намерено встретить нас оружием... Многие последовали совету О'Коннора, другие же устремились вперед, что привело к кровавым столкновениям между чартистами и полицией.

Так как вследствие тактики О'Коннора единодушие среди демонстрантов пошатнулось, то на успех рассчитывать уже не приходилось... Горько разочарованные, покинули мы площадь, куда час назад пришли, полные надежд.

* * *

Почти одновременно с этими событиями началась революция и в Германии; именно она-то и повергла нас в особенное волнение. Вечера в „Рабочем просветительном обществе" становились все оживленнее, все жарче. Мы все готовы были броситься в Германию, к месту боя. Но у большинства из нас не было средств, чтобы немедленно осуществить это намерение. Лишь в июле 1848 года я скопил достаточно денег для поездки в Германию.

Во время этих приготовлений застала нас печальная весть о страшном поражении июньского восстания рабочих в Париже. Трудно выразить словами, как подействовало на нас это известие. Я еще прекрасно помню, как я раз двадцать прочитал статью Маркса об этих событиях в „Новой рейнской газете", так как эта статья лучше всего выражала наши чувства[1].

4

Летом 1848 года я прибыл в Кёльн. Этот город обладал для меня особой притягательной силой, потому что там жили те, кто работал для революции: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Вильгельм Вольф, Фердинанд Фрейлиграт, Карл Шаппер, Иосиф Молль. Они находились в то время в Кёльне, где издавалась знаменитая „Новая рейнская газета".

Прежде всего я принялся искать работу, чтобы иметь возможность остаться в Кёльне. Под своим настоящим именем я этого сделать, разумеется, не мог, так как я, как уже сказано, был дезертиром. Один из моих гамбургских друзей добыл мне документы на имя Карстенса; под этим именем меня и до сих пор еще знают

[1] См. Сочинения Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 198—201.—*Ред.*

в Кёльне и его окрестностях. Так как приметы приблизительно совпадали, то полиция не чинила мне никаких препятствий.

Получив работу, я вступил в „Рабочий союз", которым руководили д-р Готтшальк, лейтенант Аннеке, Шаппер, Молль, Нотъюнг, д'Эстер. Кроме того, в Кёльне существовал еще „Демократический союз", где я познакомился с Вильгельмом Вольфом, который часто читал лекции по текущей политике. Слушать его было истинным наслаждением. Его здоровая, остроумная манера давать политические обзоры приводила всех в восхищение. Он умело группировал события и преподносил их в сатирическом или серьезном тоне, смотря по характеру темы. Иной раз заходил в „Союз" и Фрейлиграт, с которым я позже близко подружился.

В сентябре 1848 года Молль организовал собрание под открытым небом, чтобы заявить протест против разоружения национальной гвардии, объявления осадного положения и закрытия Марксовой „Новой рейнской газеты". После этого собрания начали было строить баррикады; до боя, однако, дело не дошло.

В ноябре 1848 года состоялось собрание „Демократического союза", на котором Маркс объявил о казни демократа Роберта Блюма, расстрелянного в Вене по приговору военно-полевого суда. В зале тотчас же воцарилась тишина. Маркс взошел на трибуну и прочел телеграмму о смерти Блюма. Мы сперва окаменели от возмущения. Затем в зале разразилась настоящая буря. Мне казалось, что теперь весь немецкий народ, как один человек, должен восстать, чтобы завершить революцию. И я и все мы ошиблись. Все сложилось совершенно иначе: бургомистры целовали руки тиранам, повелевавшим убивать благороднейших сынов народа.

* * *

Укрепление реакции сказалось прежде всего в преследовании оппозиционной прессы, в частности Марксовой „Новой рейнской газеты", непоколебимо и бесстрашно защищавшей дело свободы и права. 7 февраля 1849 года состоялся первый процесс редакторов „Новой рейнской газеты". На следующий день состоялся второй процесс, и, наконец, 18 мая 1849 года газета была окончательно закрыта. Последний номер напечатан был красной краской.

На этих процессах Маркс не защищался, а обвинял министерство. Маркса, главного редактора газеты, и Энгельса обвиняли в том, что напечатанной в „Новой рейнской газете" статьей было нанесено оскорбление „исполнявшим свои служебные обязанности старшему прокурору и жандармам". В зале суда не оставалось ни одного

свободного места. После речей обер-прокурора и адвокатов слово взял Маркс[1]. Он говорил около часа: спокойно, положительно и энергично звучали его выводы, которые все яростнее обрушивались на обер-прокурора и в его лице на весь старый порядок, гнусную прусскую бюрократию, старую армию, старый суд, старых, родившихся при самодержавии, воспитанных при нем и поседевших на его службе судей. „Первая обязанность печати,—заявил Маркс,—состоит в том, чтобы подкопаться под все основы существующего политического строя".

Маркса через несколько месяцев выслали из Пруссии. Энгельс отправился в Баден, в то время как оставшиеся в Кёльне товарищи распространили свою агитационную работу на деревню, так как тогда мы уже понимали значение агитации среди крестьян. (Когда в 1893 году я присутствовал на Кёльнском съезде с.-д. партии, несколько крестьян пригласили меня в Ворринген, близ Кёльна. Они помнили меня еще по 1848 и 1849 годам.)

Свободное время посвящалось изготовлению патронов, пересылавшихся затем в Баден. Патроны делали, конечно, тайком. „Красный Беккер" доставлял пули и порох, и каждый делал все, что мог, чтобы помочь революции.

5

Контрреволюция вскоре победила по всему фронту. Но борьба не была закончена. „Союз коммунистов", руководимый Марксом, снова ожил и поставил себе целью тайно организовать партию пролетариата. Так как в Лондоне в „Союз коммунистов" проникли всякого рода подозрительные элементы, то, по предложению Маркса (находившегося тогда в Лондоне), Центральный комитет перенесен был в Кёльн.

Моей задачей было оживить местную организацию „Союза коммунистов" в городе Майнце и склонить рабочих к нашим целям. Внешне наша пропаганда проявлялась лишь в распространении листовок. Мы были настолько хорошо организованы, что в течение одного часа могли наводнить листовками весь Майнц. Полиции ни разу не удалось захватить „виновных".

В октябре 1850 года франкфуртские товарищи поручили мне реорганизовать союз в Нюренберге; это мне удалось. К сожалению, наша агитация продолжалась недолго. Полицейский чиновник был героем дня. Реакция не останавливалась ни перед какими средствами, если они казались подходящими для того, чтобы подавить движение за свободу.

В июне 1851 года арестовали в Майнце и меня.

---

[1] Лесснер имеет в виду первый процесс „Новой рейнской газеты".—*Ред.*

* * *

Переступив впервые порог тюремной камеры, я не подозревал, что пребывание мое в тюрьме продлится годы. Молодой и жизнерадостный, я сознавал лишь то, что поступил так, как должен был поступить, будучи пролетарием.

Мне предъявлено было три обвинения: во-первых, меня обвиняли в распространении произведений, подстрекающих к „государственной измене"; во-вторых, в том, что я проживал под чужим именем (полиция дозналась, что я был дезертиром и скрывался под чужим именем); третье обвинение, самое тяжкое, состояло в том, что я причастен был к „Союзу коммунистов". Оно гласило:

„Обвинение против Фридриха Лесснера, 27 лет, портновского подмастерья, родившегося в Бланкенгейне в Великом герцогстве Заксен-Веймарском и жительствовавшего в последнее время в Майнце. Личная жизнь обвиняемого Фридриха Лесснера, связи, которые он поддерживал в Лондоне с лета 1847 года до весны 1848 года, его пребывание в Кёльне в 1848, 1849 и 1850 годах, связь его с вождями „Союза коммунистов", которую он поддерживал все это время, и, наконец, деятельность его, как председателя „Социалистического рабочего союза" в Майнце, подробно разобраны в обвинительном акте, составленном против обвиняемых Резера и его товарищей. Во время его прошлогоднего ареста (18 июня 1851 г.) найдена была принадлежащая ему целая коммунистическая библиотека, содержавшая среди других книг устав лондонского „Рабочего просветительного общества", „Манифест коммунистической партии" 1848 года, устав „Рабочего просветительного общества" в Кёльне, Висбадене и Майнце, „Требования коммунистической партии", красный катехизис, воззвание к демократии всех наций, „Заздравное слово" Бланки и листовку „Немцы и прусские подданные"... Согласно вышесказанному, Фридрих Лесснер обвиняется в том, что он, вместе с несколькими лицами, составил заговор, целью которого было свергнуть государственный строй и восстановить граждан против королевской власти и друг против друга в целях гражданской войны,—преступление, предусмотренное ст. ст. 84, 89 и 91 рейнского и § 61, № 2 и § 63 Уголовного прусского кодекса.

Кёльн, 28 сентября 1852 г.

Генеральный прокурор *Николовиус*".

Этот обвинительный акт мне предъявили лишь после пятнадцати месяцев предварительного заключения...

Большую часть этого тяжелого времени я провел в одиночном заключении. Помню пересылку из майнцской в кёльнскую тюрьму;

путешествие, которое я должен был совершить пешком, продолжалось девять дней. Меня по большей части переправляли из города в город в обществе двадцати-тридцати преступников. На каждом из этих этапов меня на ночь, как особо опасного преступника, запирали в одиночку. Во время всего перехода меня держали в кандалах. Усердные жандармы так крепко заковывали меня, что из рук моих сочилась кровь. Если я протестовал против такого зверского обращения, меня били.

4 октября 1852 года я предстал перед кёльнским судом присяжных. Обвиняемые, кроме меня, были: Нотъюнг, Бюргерс, Резер, д-р Даниельс, д-р Беккер, д-р Абрам Якоби, д-р Клейн, Отто, Рейф и Эрхардт. Суд продолжался свыше пяти недель. Я не хочу вдаваться здесь в детали этого суда,—они подробно переданы Карлом Марксом в „Разоблачениях по поводу Кёльнского процесса коммунистов“ [1].

Приговор явился для меня тяжелым ударом. Итак, я должен был отбыть три года крепости... Я, однако, вскоре успокоился и даже радовался тому, что прошел срок предварительного заключения: я, по крайней мере, знал теперь, сколько мне еще осталось сидеть...

Чем ближе подходил день освобождения, тем я становился нетерпеливее. Во время моего заточения произошла смена монарха в Заксен-Веймаре, а с ней дана была обычная амнистия, коснувшаяся и дезертиров. Это было для меня счастьем, так как в противном случае меня по истечении срока заключения отправили бы в распоряжение военных властей в Веймаре, от которых мне ничего хорошего ждать не приходилось.

Четыре с половиной года тюрьмы казались мне жутким сном. 27 января 1856 года я был освобожден.

„Освобожден“! Как будто Германия в те времена не представляла собой одной гигантской тюрьмы! Это впечатление овладело мною сразу же, когда я, посетив в Бреславле, Эрфурте и Фрейбурге своих родственников и товарищей по заключению, приехал в Веймар. Здесь я попытался заняться агитацией, но люди были все настолько запуганы, что отшатывались от одного лишь слова „коммунизм“.

Сам я не имел отечества. Власти, к которым я обращался за паспортом, не хотели признавать меня, „опороченного“ коммуниста, уроженцем их страны. Лишь после длительной беготни и настояний мне удалось получить кое-какие документы и выехать через Гамбург в Лондон.

---

[1] См. Сочинения Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 530—558.—*Ред.*

6

В мае 1856 года я прибыл в Лондон. Вскоре я посетил Фрейлиграта, после чего я отправился к Карлу Марксу, который в виде „компенсации" за мою конфискованную библиотеку преподнес мне все свои изданные до того времени работы.

Кроме того, я разыскал своих старых друзей времен 1848 года—Карла Пфендера, Георга Эккариуса и других. У них я познакомился также и с немецкими эмигрантами, которых много было в то время в Лондоне, и в частности с Вильгельмом Либкнехтом.

Найдя работу, я вновь стал посещать „Коммунистическое рабочее просветительное общество", состояние которого в тот момент было не из блестящих. После разгрома революционного движения 1848 года многие члены ушли из общества, а оставшиеся постепенно погрязли в мещанстве. От коммунистических воззрений в обществе не осталось и следа. Общество опустилось и стало почти совсем по сердцу либералам.

Я болезненно переживал это состояние „Коммунистического просветительного рабочего общества". Я пытался найти там друзей. Когда мне это удалось, мы начали работу, и мало-помалу стало восстанавливаться прежнее положение. В. Либкнехт снова стал посещать общество, а также и Маркс, прочитавший ряд лекций по политической экономии, конечно, совершенно безвозмездно, так как Маркс за всю свою жизнь не принял от рабочих ни гроша. Число членов общества росло...

В то время в Лондоне наметилось движение „свободомыслящих". Во главе его стоял Чарльз Бредло—человек, вышедший из народа, очень способный оратор и агитатор. Он читал публичные лекции, которые сперва направлены были не только против религии и церкви, но и против эксплоатации и угнетения. Я и моя жена присоединились к этому движению. Г-жа Маркс с детьми тоже посещала воскресные лекции Бредло; приходил несколько раз и Маркс. Посещая в то время семью Маркса, я слышал, как г-жа Маркс хвалила Бредло и многого ожидала от него для пролетарского движения. Маркс же, посмеиваясь, говорил, что, по его мнению, Бредло рано или поздно продастся буржуазии...

Слова Маркса оправдались вполне. Едва Бредло завоевал себе кое-какую популярность в Англии, он стал предателем. Избранный в парламент, он покорно пошел за буржуазией, позорил социализм и клеветал на него. Он хотел впоследствии пробраться и в „Международное товарищество рабочих", но наткнулся на сопротивление Маркса, который умел держать на расстоянии такого рода карьеристов...

С 1859 года в Лондоне начал выходить еженедельник „Германн", основателем и руководителем которого был Готфрид Кинкель. Газета была выдержана в мещанском духе. Мы решили впротивовес этому органу основать свою газету и просили Маркса и Энгельса сотрудничать в ней. Первый номер нашей газеты „Дас Фольк" („Народ") появился 7 мая 1859 года. Мне поручена была экспедиция. Всего вышло 16 номеров, в которых Маркс и Энгельс поместили ряд статей.

1860—1864 годы я употребил на то, чтобы пополнить свои знания. Я аккуратно посещал лекции, которые читали в Лондонском университете профессора Гёксли, Тиндаль и Гофман по физиологии, геологии и химии. Лекции этих выдающихся ученых вообще охотно посещались немецкими рабочими. Человеком, побудившим нас к этому, был опять-таки Маркс, сам иной раз посещавший эти лекции.

7

Я часто посещал Маркса. Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Тут прежде всего блистала жена Маркса—высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, милая, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, что находишься у собственной матери или сестры у себя дома. Она всей душой сочувствовала делу рабочего движения и каждый, даже самый незначительный, успех в борьбе с буржуазией приносил ей величайшую радость и удовлетворение.

Маркс придавал огромное значение встречам и беседам с рабочими. При этом он искал общества тех, кто был с ним искренен и избавлял его от лести. Он считал очень важным для себя слышать мнение рабочих о движении. Он в любое время готов был обсуждать с ними важнейшие политические и экономические вопросы, причем он быстро определял, в достаточной ли степени они понимают эти вопросы, и, чем лучше они их понимали, тем больше он этому радовался.

Во времена Интернационала он не пропускал ни одного заседания Генерального совета, а после заседаний мы, то-есть Маркс и большинство членов Совета, обычно отправлялись в какую-нибудь таверну, чтобы там за стаканом пива поговорить на свободе. По дороге домой Маркс зачастую говорил о нормальном рабочем дне вообще и о восьмичасовом в частности. Маркс часто повторял:

— Мы добиваемся восьмичасового рабочего дня, но сами-то мы частенько работаем в сутки вдвое больше...

Да, Маркс работал, к сожалению, слишком много. Столько сил и времени стоил ему один лишь Интернационал! Посторонний человек себе и представить не может. А наряду с этим Марксу приходилось работать, чтобы жить, приходилось проводить много часов в Британском музее, чтобы собирать материал для своих экономических и исторических работ.

Возвращаясь из музея к себе домой в Майтланд-парк-Род, Хаверсток-хилл, в северной части Лондона, он зачастую заходил ко мне (я жил недалеко от музея), чтобы переговорить о том или ином вопросе, касающемся Интернационала. Придя домой, он закусывал, немного отдыхал и затем снова принимался за работу, которая часто продолжалась до поздней ночи, а то и до самого утра; краткий отдых нередко прерывался посещением партийных товарищей.

Маркс, как и все истинно великие люди, совершенно лишен был всякого самомнения. Как я уже говорил, он всегда стремился услышать мнение простого рабочего о рабочем движении. Так, он часто после обеда заходил ко мне, звал меня с собой на прогулку, чтобы поговорить со мной на самые разнообразные темы. Я, конечно, предоставлял ему полную возможность говорить, так как для меня было истинным наслаждением следить за ходом его мысли. Я бывал совершенно поглощен этими беседами и очень неохотно расставался с Марксом.

Вообще он был прекрасным собеседником, который притягивал и очаровывал всякого, кто с ним общался. Его юмор был неистощим, его смех заразителен. Если нашим товарищам удавалось добиться где бы то ни было победы, то радости его и ликованию не было предела, причем он заражал ими всех окружающих.

Все три дочери Маркса с ранней юности проявляли большой интерес к современному рабочему движению, которое постоянно составляло основную тему разговоров в семье Маркса. Отношения между Марксом и его дочерьми были самыми сердечными и самыми непринужденными. Девочки относились к отцу скорее, как к брату или другу, так как Маркс не признавал внешних атрибутов отцовского авторитета. В серьезных случаях он был советником для своих детей, вообще же, если только позволяло время, товарищем их игр.

Маркс вообще чрезвычайно любил детей. Когда Марксу в городе нечего было делать и он, гуляя, направлялся на Хемстедские холмы, можно было нередко видеть автора „Капитала“, который возился с кучей уличных ребятишек.

Смерть его старшей дочери в 1882 году, унаследовавшей все превосходные качества своей матери, нанесла Марксу удар в тяжкое для него время. Едва за год до того, 2 декабря 1881 года, он потерял

свою жену, подругу всей его жизни. То были удары, от которых он уже не мог оправиться.

Маркс в то время уже сильно кашлял. Слыша, как он кашляет, казалось, что он—широкоплечий, стальной—вот-вот сломается на куски. Этот кашель тем более его донимал, что весь его организм был давно уже подорван постоянным переутомлением.

Еще в середине 70-х годов врач запретил ему курить. Маркс был страстным курильщиком, и ему казалось, что, бросив курить, он приносит этим небывалую жертву. Когда я впервые после этого запрета посетил его, он гордо и радостно заявил мне, что не курит уже в течение стольких-то дней и курить не будет, пока врач ему этого не разрешит. И каждый раз, когда я заходил к нему после этого, он всегда сообщал, что вот уже столько-то времени он не курит и что за все время он даже ни разу и не думал курить. Ему самому казалось невероятным, что он смог этого добиться. Тем более обрадовался он, когда через некоторое время врач разрешил ему курить по одной сигаре в день...

* * *

15 марта 1883 года я получил от Энгельса страшную весть о смерти Маркса. Эта весть меня глубоко потрясла. Те, кто близко общался с Марксом, знали особенно хорошо, как много потеряло с его смертью рабочее движение. Оно потеряло человека, обладавшего не только большим умом и всеобъемлющими познаниями, но и последовательным, железным характером. О том, какую массу познаний он унес с собой в могилу, свидетельствуют оставленные им работы, хотя они не содержат и десятой доли того, что он имел в виду написать. О его героическом характере говорит вся его жизнь, полная борьбы и самопожертвования!

Маркс был твердо убежден, что рабочие массы рано или поздно поймут его и почерпнут из его учения силы, чтобы способствовать свержению буржуазного общества и с ясным сознанием работать над созданием нового общества.

ЭЛЕОНОРА МАРКС-ЭВЕЛИНГ

Карл Маркс

Беглые заметки

Мои австрийские друзья хотят получить от меня воспоминания о моем отце. Более трудной задачи они не могли бы мне поставить. Но австрийские рабочие и работницы так блестяще борются за дело, которому посвятил всю свою жизнь и деятельность Карл Маркс, что я не могу отказать им в этом. Итак, я попробую послать им несколько беглых, разрозненных заметок о моем отце...

Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непреклонным и неприступным человеком, чем-то вроде Юпитера-громовержца, вечно мечущего молнии, без единой улыбки на устах, одиноко и неприступно восседающего на Олимпе. Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющими через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей, являлось постоянным источником удивления и забавы для всех, знавших его.

В семье, как и в отношениях к друзьям и даже просто к знакомым, главной характерной чертой Карла Маркса можно, пожалуй, считать его неизменно веселое расположение духа и его безграничную отзывчивость. Его доброта и терпение были поистине изумительны. Менее терпеливого человека выводили бы из себя люди,

постоянно отрывавшие его от работы и обращавшиеся к нему с просьбами. Не характерно ли для его вежливости и доброты, что однажды один из эмигрантов Коммуны (между прочим, невыносимо надоедливый человек) в течение трех смертельно скучных часов не давал Марксу работать? И когда ему, наконец, сказали, что время не терпит и дела еще много, он ответил на это: „Милый Маркс, я вас извиняю...“

И как по отношению к этому надоедливому человеку, так и по отношению ко всякому, кого он считал честным человеком (а он нередко отдавал свое драгоценное время людям, весьма злоупотреблявшим его великодушием), Маркс всегда был самым благожелательным и добрым из людей.

Его уменье подойти к людям, дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышала, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особой способности понимать их и разбираться в их делах.

Когда он думал, что человек действительно серьезно к чему-нибудь стремится, его терпению не было границ. Никакой вопрос не казался ему тогда недостойным ответа, никакое доказательство — слишком ребяческим для серьезного спора. Его время и его обширные познания были всегда к услугам каждого, кто выказывал стремление научиться чему-нибудь.

* * *

Но, мне кажется, всего милее Маркс был в общении с детьми. Да, дети никогда не имели лучшего товарища в играх!

Мое самое раннее воспоминание о нем относится к тому времени, когда мне было около трех лет, и „Мавр“ (старое семейное прозвище его так и срывается у меня с языка) носил меня на плечах по нашему садику в Грефтон-Террес и вплетал в мои темные локоны цветущий вьюнок.

Мавр, по общему признанию, был великолепной лошадью. В давние времена,—я этого не помню, но мне об этом рассказывали,— мои сестры и мой маленький брат, смерть которого тотчас же после моего рождения была для моих родителей в течение всей их жизни источником глубокого горя, „запрягали“ Мавра в стулья, сами садились на них и заставляли его возить их.

Я же лично, может быть потому, что у меня не было сестер моего возраста, предпочитала Мавра в качестве верховой лошади. Сидя на его плече, запустив руки в его густую гриву, тогда еще черную,

лишь с редкой проседью, я с восторгом мчалась галопом по нашему маленькому садику и по незастроенным тогда еще лугам, которые окружали наш дом в Грефтон-Террес.

Еще только несколько слов об имени „Мавр“. В нашем доме у всех были прозвища (читатели „Капитала“ знают, с каким уменьем Маркс давал их). „Мавр“ было обычное, почти официальное имя, которым звали Маркса не только мы, но и все близкие друзья. Он был также нашим Чали (образовалось, вероятно, от искаженного Чарли, то-есть Карла) и „Old Nick“ (леший).

Моя мать была всегда наша „Мэмэ“.

Наш старый дорогой друг Елена Демут,—неизменный друг моих родителей,—после того, как ей сперва надавали множество других прозвищ, стала нашей „Ним“.

Энгельс после 1870 года стал нашим „Генералом“.

Лина Шелер, наш ближайший друг, была нашим „Old mole“ (старый крот).

Моя сестра Женни—„Кви-Кви—император Китая“ и „Ди“.

Моя сестра Лаура (жена Лафарга)—„Готтентот“ и „Какаду“.

Я называлась Тусси—это имя так и осталось за мной—и „Кво-Кво—китайский принц“, а долгое время также и „Карликом Альберихом“ (из „Песни о Нибелунгах“).

Но хотя Мавр был и отличной лошадью, он все же обладал и еще более высокой квалификацией. Он был единственным в своем роде и непревзойденным рассказчиком сказок.

Я часто слышала от своих теток, что в детстве Мавр был страшным тираном своих сестер; он гнал их в качестве лошадок галопом с Маркусберга (Маркусовой горы) в Трире, и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели „пирожки“, которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли погонять себя и съедали „пирожки“ за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл.

Много-много лет спустя Маркс рассказывал сказки своим детям. Моим сестрам (я тогда была еще очень мала) он рассказывал сказки во время прогулок, и эти сказки делились не на главы, а на мили. „Расскажи нам еще одну милю“, требовали обе девочки.

Что касается меня, то из всех бесчисленных чудесных историй, которые рассказывал мне Мавр, самой чудесной, самой восхитительной была сказка „Ганс Рэкле“. Она длилась месяц за месяцем; это была целая серия сказок. Жаль, что некому было записать эти сказки, столь насыщенные поэзией, остроумием, юмором!

Ганс Рэкле—волшебник типа героев Гофмана. У него была игрушечная лавка, и денежные дела его всегда были запутаны. Его лавка

была полна чудесных вещей: деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, рабочие и хозяева, четвероногие животные и птицы—в таком же большом количестве, как и в ноевом ковчеге, столы и стулья, экипажи и ящики всех видов и размеров. Но, несмотря на то, что он был волшебником, он все же никогда не был в состоянии уплатить свои долги ни дьяволу, ни мяснику и потому был вынужден, совершенно против своего желания, постоянно продавать свои игрушки дьяволу. Однако после многих удивительных приключений все эти вещи потом всегда возвращались в лавку Ганса Рэкле.

Некоторые из этих приключений были так же страшны, так же ужасны, как и сказки Гофмана, другие же были забавны, но все они рассказывались с неистощимым остроумием, живостью и юмором.

Мавр имел также обыкновение читать своим детям вслух. Как и моим сестрам до меня, он прочел мне всего Гомера, всю „Песнь о Нибелунгах", „Гудрун", „Дон-Кихота", „Тысячу и одну ночь" и т. д. Что касается произведений Шекспира, то они были настольной книгой в нашем доме, всегда у нас в руках или на устах; шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира.

Когда мне исполнилось шесть лет, Мавр подарил мне ко дню моего рождения впервые роман—бессмертного „Петра Простака". Потом последовали полные собрания сочинений Мариета и Купера, и мой отец читал со мной все эти повести и совершенно серьезно обсуждал их содержание со своей дочуркой. И когда маленькая девочка, воодушевленная морскими рассказами Мариета, объявила, что она тоже хочет сделаться „капитаном корабля" (не вполне понимая, что это значит), и спросила отца, нельзя ли ей „одеться мальчиком" и „сбежать, чтобы наняться на военное судно", тот уверял ее, что это, конечно, вполне возможно, не нужно только никому говорить об этом ни слова, пока планы не созреют вполне.

Однако, прежде чем созрели эти планы, пришло увлечение Вальтером Скоттом, и маленькая девочка, к своему ужасу, узнала, что сама находится в отдаленном родстве с ненавистным родом Кемпбел. Затем возникли заговор восстания в Горной Шотландии и проект повторения „45-го года" (1745 г.). Я должна прибавить, что Маркс постоянно перечитывал Вальтера Скотта; он восхищался им и знал его так же хорошо, как Бальзака и Филдинга.

Беседуя со своей дочуркой об этих и многих других книгах, он указывал ей, но так, чтобы она этого не замечала, как находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, и хотя она и не сознавала, что ее учат,—а то бы она стала противиться этому,—он учил ее думать и понимать.

Таким же точно образом этот „суровый и озлобленный" человек беседовал с маленькой девочкой о политике и религии. Я великолепно помню, как однажды, когда мне было около пяти или шести лет, у меня возникли религиозные сомнения (мы слушали в католической церкви прекрасную музыку), и я, конечно, поделилась ими с Мавром. Он объяснил мне все так спокойно и отчетливо, что с того часа и по сей день у меня больше не возникало сомнений.

А как врезался мне в память его рассказ о плотнике, убитом богачами; я не думаю, чтобы кто-либо до него или после него так рассказывал об этом!

Маркс мог бы сказать: „Пустите детей и не возбраняйте им приходить ко мне", так как, куда бы он ни шел, около него появлялись дети. Сидел ли он на Хемстедских холмах—обширном, открытом пространстве к северу от Лондона, недалеко от нашего старого дома,—либо в одном из парков, его тотчас же окружали дети, питавшие самые приятельские и искренние чувства к большому человеку с длинными волосами, большой бородой и добрыми карими глазами. Совершенно незнакомые дети подходили к нему и часто останавливали его на улице.

Мне вспоминается, как однажды маленький школьник, лет десяти, без всяких остановил „грозного" вождя Интернационала в Майтланд-парке и предложил ему: „Swop knives" („Давай меняться ножами"). После того как он объяснил Марксу, что „swop" на языке школьников означает „менять", оба вытащили свои ножи и сравнили их. У мальчика нож был только с одним клинком, а у Маркса с двумя, но явно тупыми. После долгих споров сделка была заключена, ножи обменены, и „страшный" вождь Интернационала дал еще пенни в придачу, так как его нож был уж очень туп.

Я помню также, с каким бесконечным терпением и кротостью Мавр отвечал на все мои вопросы, когда рассказы об американской войне[1] и „Синие книги" вытеснили на некоторое время Мариета и Вальтера Скотта. Никогда Мавр не жаловался на то, что я его отвлекаю от работы, хотя ему, должно быть, очень мешало присутствие вечно болтающей малютки, когда он работал над своим великим произведением. Но он никогда не допускал, чтобы у ребенка зародилась мысль, будто он является помехой отцу. В то время—я это хорошо помню—у меня было непоколебимое убеждение, что Авраам Линкольн никак не сможет обойтись без моих советов в военных делах, и поэтому я писала ему длинные письма, которые Мавр должен был, конечно, читать и „относить на почту". Много-много лет

[1] Имеется в виду гражданская война между Северными и Южными штатами в 60-х годах XIX века.—*Ред.*

спустя он показывал мне эти детские письма, которые он сохранил, ибо они уж очень были забавны.

Таким идеальным другом был Мавр в продолжение моих детских и юношеских лет.

Дома мы все были хорошими товарищами, но он всегда был самым милым и веселым. И он оставался таким даже в те годы, когда он так много страдал из-за карбункулов, и до самой смерти.

* * *

Я набросала эти отрывочные воспоминания, но они были бы совершенно не полны, если бы я не сказала несколько слов о моей матери. Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон-Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда еще две жизни—и обе такие замечательные—не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Женни фон-Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой—красотой, которою Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль,—своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее.

Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе, юношей и девушкой—он 17, она 21 года—они были помолвлены, и, как Иаков за Рахиль, так и Маркс „отрабатывал" семь лет, прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Ленхен Демут бодро и бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине Маркс мог бы сказать о ней словами английского поэта Броунинга:

Ни случай не может любовь изменить,
Ни время—ослабить ее.

Я думаю, что почти так же крепко, как преданность делу рабочих, их связывала и безмерная жизнерадостность. Никому шутка и острота не доставляли такого удовольствия, как им.

Очень часто, особенно когда обстоятельства требовали соблюдения приличия и сдержанности, я видела, как они смеялись до того, что слезы текли по их щекам, и тем, которые пытались было морщить нос по поводу такого легкомыслия, оставалось лишь смеяться вместе с ними. И как часто я видела, что они боялись смотреть друг другу в лицо, так как знали, что один-единственный взгляд вызовет

неудержимый взрыв хохота. Видеть этих двух людей, когда они, словно школьники, устремляют свои взоры на что угодно, только не друг на друга, задыхаясь от подавленного смеха, который в конце концов все же, несмотря на все усилия, прорывался с неудержимой силой,—это такое воспоминание, какого я не променяла бы ни на что. Да, несмотря на все страдания, борьбу, разочарование, они были веселой четой, и „озлобленный Юпитер-громовержец"—лишь плод воображения господ буржуа.

Если за годы борьбы они и испытали не одно горькое разочарование, если они и встречали черную неблагодарность, они все же имели то, что дано немногим,—верных друзей.

Там, где известно имя Маркса, известно и имя Фридриха Энгельса. А кто знал Маркса в его домашней обстановке, тот вспоминает и имя благороднейшей из женщин, славное имя Елены Демут.

Тем, кто посвятил себя изучению человеческой природы, не покажется странным, что человек, бывший таким непреклонным борцом, мог быть в то же время добродушнейшим и нежнейшим из всех людей. Они поймут, что он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить; что если его язвительное перо могло так прочно засадить кого-нибудь в ад, как это было под силу только Данте, то лишь потому, что он был таким преданным и нежным; что если его саркастический юмор мог разъедать, как кислота, то тот же самый юмор успокаивал нуждающихся и угнетенных.

Моя мать умерла в декабре 1881 года. Через 15 месяцев последовал за нею тот, кто всю свою жизнь не разлучался с нею. После жизни, полной тревог, они отошли на покой. Если она была идеальной женщиной, то он воистину был человек во всем значении этого слова.

ФРИДРИХ-АДОЛЬФ ЗОРГЕ

Встреча с Марксом

Несколько часов езды по железной дороге, и поезд доставил меня из Дувра в Лондон, где я остановился в рекомендованной мне заранее французской гостинице. Я тут же набросал несколько строк старому знакомому еще по Женеве, который благодаря отличной работе почты через два часа уже был у меня и дал мне необходимые сведения и советы.

Я ревностно изучил план Лондона и смело пустился на поиски друзей и знакомых, что было, собственно говоря, немного рискованно в этом огромном городе. Очень скоро я сел на мель, не зная, что дальше делать. Я не мог объясниться, так как вовсе не говорил по-английски. Но, зная понаслышке о толковости лондонских констеблей, я вынул карточку из кармана, написал на ней адрес и передал карточку первому встретившемуся мне констеблю. Тот, обнаружив, что объясниться со мной невозможно, повел меня к ближайшему постовому констеблю, передал тому мою карточку и таким путем доставил меня по указанному адресу. В данном случае это было неплохо. Но в дальнейшем, однако, как правило, этот метод нельзя было бы рекомендовать. Скоро я нашел другой выход.

Англичане того времени (1852 г.) брили бороды и уже меньше всего носили усы; немцы же (в большинстве) и почти все без исключения французы были обладателями усов. И вот, когда я путешествовал по этому городу-великану и терял направление,

я обращался к первому встречному обладателю усов за справкой по-французски, и всегда эту справку мне любезно давали. Таким образом, я с моим французским языком великолепно ориентировался в Лондоне.

В Бельгии я был в действительном изгнании, и те мытарства, придирки, неприятности, которые чинила мне полиция, едва оставляли мне время для поддержания связи со старыми друзьями и товарищами. Именно благодаря полиции все подобные связи были сведены до минимума; итак, я почти ничего не слыхал и ничего определенного не знал о спорах в среде эмигрантов, о борьбе в „Союзе коммунистов" и „Рабочем просветительном обществе" в Лондоне.

С Виллихом я познакомился во время Баденского похода[1], Энгельса видел только мельком, Маркса еще не встречал. Но по всему, что я в течение последних трех лет о нем слыхал и читал, я составил себе очень высокое мнение о Марксе, проникся огромным к нему уважением.

Я решил посетить его. Поводом к визиту послужило мое желание навести справки о судьбе Дронке—одного из редакторов „Новой рейнской газеты", с которым я познакомился в Женеве.

Маркс жил на Дин-стрит. Я застал его в довольно просторной комнате, которая показалась мне недостаточно светлой. Он писал за большим столом.

Великолепная большая голова, иссиня-черная шевелюра, острый и пристально-серьезно-дружелюбный взгляд его глаз вызвали во мне какое-то почтение и в то же время внушили глубокое доверие.

На мой вопрос о Дронке я получил быстрый ответ: „Дронке—в Ливерпуле". Маркс расспрашивал меня о моей судьбе. Я рассказал ему о моей высылке из Бельгии. Он, смеясь, ответил мне, что нечто подобное случилось и с ним.

Беседа длилась несколько минут. Заметив, что я оторвал Маркса от работы, я откланялся очень скоро.

С розысками старых друзей в Лондоне мне не повезло, за исключением некоторых, знакомых мне еще по Женеве французских эмигрантов. Из немецких эмигрантов значительное число я нашел в тамошней, очень посещаемой таверне Шертнера из Ганау. В удалении эмигрантов из Европы французское правительство (Наполеон III) было заинтересовано настолько, что оно отправляло их в Америку на свой счет.

---

[1] Зорге имеет в виду южногерманское восстание 1849 г.—*Ред.*

Мои усилия получить какую-либо подходящую работу были бесплодны, и я скоро убедился, что оставаться в Англии мне было невозможно, и вскоре я отплыл за океан.

К США я питал сильное отвращение из-за господствовавшего там в большей части штатов рабства и возмутительных законов против беглых рабов. Поэтому я решил ехать в Австралию. Но, совершенно незнакомый с правилами судоходства и морского транспорта, без знания английского языка, больной холерой, я был посажен на парусное судно (называвшееся „Индепенденс"), которое через несколько часов вышло в море и 21 июня 1852 года доставило меня в Нью-Йорк.

ФРИДРИХ-АДОЛЬФ ЗОРГЕ

О Марксе

14 марта 1883 года я получил следующую телеграмму из Лондона: „Маркс умер сегодня. Энгельс“.

Умер передовой боец пролетариата, человек, который ковал оружие для освобождения рабочего класса. Угас величайший ум, который метал молнии в буржуазный мир, чтобы рассеять невежество, порожденное тьмой и туманом, чтобы рассеять невежество, которое в свою очередь порождает тьму и туман. Умер величайший мыслитель, открывавший перспективы в новый мир, новые времена, новое человечество.

Маркс умер, и миллионы охватила печаль при вести о том, что перестало биться сердце их самого верного, самого преданного советчика. То, что создал Маркс, как человек науки, как защитник рабочего класса, не нуждается ни в чугунных памятниках, ни в пламенных речах. Не бронзовые и гранитные памятники говорят о делах Маркса, а неисчислимые ряды рабочих всех частей света, следующих бессмертному боевому кличу Маркса: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Только немногим известно, как много жертв Маркс и его верная подруга принесли во имя своих убеждений. Сколько лишений и страданий они претерпели в то время, когда Маркс создавал свои бессмертные произведения, в то время, когда он открывал и ука-

зывал новые пути в важнейших областях науки, в то время, когда он помогал всем, кто искренне стремился бороться за дело рабочего класса!

Несмотря на это, по адресу Маркса беспрестанно распространяли клевету. В ответ на нее три старых боевых товарища Маркса 50 лет назад, 7 ноября 1853 года[1], опубликовали документ, из которого здесь приводятся отдельные места:

„Маркс, как всякому известно, ни одной строкой не напоминал общественности о своих личных жертвах для революции. Наоборот, ничто не могло бы возмутить его больше, чем обывательское сострадание мелкого буржуа... Пусть же, по крайней мере, партия знает цену всем нынешним нападкам на его личность.

Маркс и Энгельс с 1843 года до нынешнего дня безвозмездно работали для „Нью-Мораль Уорльд“ Р. Оуэна, для „Северной звезды“ О'Коннора, для „Демократического обозрения“, „Республиканца“ и „Друга народа“ Джонса, для парижской „Реформы“ (до революции 1848 г.) и для целого ряда печатных органов в Бельгии и Париже („Немецкая брюссельская газета“ и т. д.)... Флокон, член временного правительства[2], предлагал обоим деньги в любом количестве, но они отвергли это. Более того, Маркс, как нам хорошо известно, затратил несколько тысяч талеров из своих собственных средств при начале февральской революции—частью для вооружения рабочих в Брюсселе, где предстояла революция (за что он и его жена были арестованы бельгийскими властями), частью для того, чтобы отправить в Германию друзей для ведения революционной деятельности; наконец, остальные деньги Маркс затратил на первоначальные текущие расходы „Новой рейнской газеты“. Для нужд этой газеты и революционной агитации в 1848—1849 годах Маркс истратил около 7 тысяч талеров—частью наличными средствами—своими и своей жены,—частью же в нотариальных документах и актах на свою долю наследства.

Как случилось, что газета поглотила большую долю этих вложений? Вначале число акционеров было велико. Но, когда началось июньское восстание и „Новая рейнская газета“, первая в Германии, стала на сторону восставших, буржуа-акционеры, конечно, ее покинули. Отход мелкой буржуазии произошел после введения осадного положения в Кёльне. Поэтому Маркс перенял газету от акционеров в „личную собственность“. Это значило, что он принял на себя все ее долги... Когда же газета достигла такого положения, что могла платить по обязательствам, она была закрыта. Когда Маркс в мае

---

[1] Настоящий очерк впервые опубликован в 1903 г.—*Ред.*

[2] Во время революции 1848 г. во Франции.—*Ред.*

1849 года вернулся из своей поездки в Гамбург, его жена уже имела на руках приказ о его высылке[1].

Газета была закрыта. Ее инвентарь состоял: 1) из парового печатного пресса, 2) из вновь оборудованной наборной, 3) из 1 000 талеров подписной платы абонентов. Все это ушло на то, чтобы покрыть долги газеты... Из 300 талеров, которые Маркс занял, он заплатил наборщикам, печатникам и дал возможность скрыться редакторам. Ни одного гроша из этих денег у него не осталось...

Итак, если Маркс прибыл в Лондон в тяжелом положении, лишенный всяких средств, то это потому, что он их отдал революции. Если он не „встал на ноги", то это случилось потому, что он предпочитал бескорыстно служить рабочему классу... Когда в Лондоне у него умер ребенок, у него не было денег, чтобы его похоронить.

Аресты в Кёльне[2] имели для Маркса—„человека с ядовитым пером", не в пример „благонамеренным людям",—следующие последствия. Герман Беккер взял на себя издание собрания сочинений Маркса. Первая книга вышла и была распространена в 15 тысячах экземпляров, как это было установлено на кёльнском процессе[3]. Кроме того, Беккер взял на себя издание ежемесячного „Обозрения" в Льеже. То и другое было сорвано вследствие ареста Беккера, и тем самым погибли результаты по меньшей мере целого года трудов Маркса. Один издатель собирался выпустить во Франкфурте „Критику политической экономии" Маркса (90 печ. листов). Процесс коммунистов отпугнул его, что для Маркса снова означало тяжелый материальный удар.

Так еле-еле перебивался Маркс со своей семьей, действуя всегда открыто и честно. А в то же время под него подкапывались при помощи всяких мошеннических махинаций „порядочные" буржуа.

Если немецкая рабочая партия позволит, чтобы всякие мерзавцы клеветали на таких людей, как Маркс, который пожертвовал партии не только свой труд, но и состояние и спокойствие своей семьи, тогда эта партия заслужит того, чтобы каждый произнес ей свой приговор.

Вейдемейер, Адольф Клусс, д-р А. Якоби".

Враги приписывали Марксу властолюбие, обвиняли его в холодном, пренебрежительном отношении к людям. Какая нелепость!

---

[1] Речь шла о высылке Маркса за пределы Пруссии. Маркс переехал в Париж, а затем в Лондон.—*Ред.*

[2] В мае 1851 г. был арестован в Лейпциге Нотъюнг, уполномоченный „Союза коммунистов". 19 мая последовал арест Г. Беккера и Резера в Кёльне, а позднее и ряда других активных участников „Союза коммунистов".—*Ред.*

[3] Имеется в виду организованный прусским правительством процесс членов „Союза коммунистов" (1852 г.).—*Ред.*

Он никогда не властвовал, не пытался властвовать. Только благодаря своим гигантским всеобъемлющим знаниям, своему разностороннему образованию, своему характеру, внушавшему уважение, можно объяснить то влияние, которым он пользовался, в особенности в старом Генеральном совете в Лондоне[1], который на самых важных этапах своей деятельности состоял примерно на четыре пятых из англичан и французов при двух или трех немецких рабочих.

В Париже, Брюсселе, Кёльне и Лондоне Маркс выступал перед рабочими, читал в рабочих союзах доклады. Точно так же и в Генеральном совете он обосновывал свои взгляды и предложения, которые в большинстве случаев служили руководящей нитью. Эти выступления неотразимо действовали своей логикой даже на инакомыслящих—и не только логикой, но и своей пламенностью. Прочтите хотя бы заключительные строки „Гражданской войны во Франции"!

В личном обиходе Маркс был приветливым, задушевным, милым человеком—отзыв, который подтвердит каждый, кто имел счастье близко сталкиваться с этим необыкновенным человеком.

Но неумолимо строгим Маркс был к лицемерам, недорослям, хвастунам, и вот такие именно субъекты чернили Маркса, сочиняли и распространяли легенды о его „властолюбии" и т. п.

Кто так много испытал горькой нужды в жизни, как Маркс, тот всегда был готов помочь и помогал, где мог. Можно было бы привести бесчисленные примеры. Одного достаточно: когда в начале июля 1872 года закончились заседания конгресса Североамериканской федерации рабочего союза и были избраны делегаты на Гаагский конгресс I Интернационала, к одному из делегатов явился рабочий и передал ему небольшую сумму денег для Маркса. Этот человек был рабочим из Рейнской области. Он должен был в 1864—65 году оставить родину и семью; прибыв без средств в Лондон, он просил Маркса помочь ему перебраться в Америку. Маркс помог ему, несмотря на то, что он сам тогда находился отнюдь не в блестящем положении.

Когда эмигранты-коммунары появились в Лондоне, Маркс и его семья делали необычайные усилия, чтобы оказать им помощь и поддержку. Кроме коммунаров, которые были у Маркса как дома, там часто можно было встретить рабочих из провинции, из Манчестера, Ливерпуля, Лондона, с континента, из Америки и из других частей света.

---

[1] Зорге имеет в виду Генеральный совет I Интернационала (1864—1872 гг.).— *Ред.*

АВГУСТ БЕБЕЛЬ

Поездки в Лондон

В конце 1869 года я получил возможность основательно проштудировать первый том „Капитала“ Маркса, который вышел в конце лета 1867 года. Это было в тюрьме. За пять лет перед этим я приступил к чтению появившейся в 1859 году книги Маркса „К критике политической экономии“, но дело так и кончилось попыткой. Политическая деятельность и борьба за существование не могли дать мне того досуга, который мне необходим был, чтобы умственно „переварить“ эту книгу. „Коммунистический Манифест“ и другие труды Маркса и Энгельса стали известны всей партии[1] только в конце шестидесятых и начале семидесятых годов. Первое сочинение Маркса, которое попало мне в руки и которое я с наслаждением читал,—это его „Учредительный манифест“ по случаю основания Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

Это было в начале 1865 года, а в конце 1866 я уже стал членом I Интернационала...

Давно уже задуманное и все время откладывавшееся путешествие в Лондон, где жили Маркс и Энгельс, я совершил лишь в 1880 году.

---

[1] Бебель имеет в виду германскую с.-д. партию.—*Ред.*

Обстоятельства, при которых произошло избрание Гирша редактором газеты „Социал-демократ", и сомнения, которые вызвало это избрание у большинства президиума партии, побудили меня предпринять эту поездку. Гирш жил в то время в Лондоне, и, таким образом, я мог сразу столковаться и с ним. Кроме того, я хотел, чтобы Бернштейн, против которого и Маркс и Энгельс, а также Гирш, были сильно предубеждены, отправился со мною в Лондон... У меня была даже тайная надежда, что если Гирш откажется от редактирования „Социал-демократа", то Бернштейна удастся провести на его место. Но для того, чтобы это удалось как следует, необходимо было установить сносные личные взаимоотношения между новым редактором, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом—с другой. Поэтому я предложил Бернштейну отправиться со мною „в Каноссу" [1], то-есть в Лондон. Он сейчас же согласился, и мы встретились с ним в Калэ, так как у Бернштейна были все основания избегать германской территории [2].

Прибыв в Лондон, мы прежде всего отправились к Энгельсу, который в то время, когда мы к нему пришли, между 10 и 11 часами утра, еще сидел за утренним завтраком. Энгельс имел привычку ложиться не раньше 2 часов ночи. Он принял нас чрезвычайно любезно, обратился ко мне сразу на „ты", так же как и Маркс, которого мы посетили после обеда. Кроме того, Энгельс, овдовевший в том же году, предложил мне поселиться у него; дни нашего совместного пребывания были, разумеется, использованы для основательного обмена мнениями по всем вопросам.

В течение той недели, которую мы провели в Лондоне,—причем Энгельс, более подвижный и больше располагающий свободным временем, чем Маркс, часто являлся нашим гидом и показывал нам достопримечательности Лондона,—туда приехал Пауль Зингер, который совершал свою ежегодную деловую поездку по Англии и как раз возвращался из Манчестера. В то единственное воскресенье, которое мы пробыли в Лондоне, мы с ним были приглашены на обед к Марксу.

С г-жей Женни Маркс я уже познакомился раньше. Она сразу завоевала мои симпатии. Это была женщина благородной внешности,

---

[1] Каносса—замок в Италии, куда отправился в XI веке император Генрих IV принести покаяние римскому папе. В переносном смысле „путешествие в Каноссу" означает поездку с целью покаяния. Бебель имеет в виду недоверие Маркса и Энгельса к Бернштейну, выступившему в 1878 г. в составе махрово-оппортунистической группировки—„цюрихской троицы".—*Ред.*

[2] В Германии в то время был в силе „исключительный закон против социалистов", на основании которого с.-д. партия и ее пресса были запрещены, а члены с.-д. партии подвергались репрессиям.—*Ред.*

умевшая самым очаровательным и любезным образом занимать своих гостей. Тогда же я познакомился со старшей дочерью Маркса, тоже Женни, которая была замужем за Лонге и пришла в гости со своими детьми. При этом я был приятно поражен, когда увидел, с какой сердечностью и нежностью Маркс, которого в то время изображали врагом рода человеческого, умел играть со своими внуками и как эти последние были привязаны к деду. Кроме старшей дочери Женни, на обеде присутствовали также обе младшие—Тусси, впоследствии вышедшая замуж за Эвелинга, и Лаура, жена Лафарга. Тусси, черноглазая и черноволосая, была копией своего отца; Лаура, блондинка с темными глазами, была больше похожа на мать. Обе они были очень красивые и живые.

Постороннего человека в семье Маркса поражало, что жена и дети называли его „Мавром", точно у него не было имени. Кличка эта происходила от его черных, как смоль, волос, которые тогда уже сильно серебрились, так что только усы оставались черными. У Энгельса тоже была интимная кличка. Семья Маркса и ближайшие знакомые называли его „Генералом", причем слово это всегда произносилось по-английски—„Дженерал". Кличкой этой он был обязан своим работам по военным вопросам, которыми он занимался с большой охотой. Его считали очень компетентным в военных делах и военной науке.

Когда накануне нашего отъезда я еще раз зашел к Марксу, жена Маркса была больна и лежала в постели. Когда я пожелал проститься с ней, Маркс провел меня в ее комнату, строго наказав не говорить с ней дольше четверти часа. Но мы скоро так увлеклись беседой, что я забыл о ее состоянии и вместо четверти часа просидел у нее больше получаса. Тогда Маркс потерял терпение и стал меня журить, что я „гублю" его жену. С грустью попрощался я с нею, потому что болезнь, которой она страдала, была неизлечима. Больше я ее не видал. Она умерла в следующем году...

Энгельс был тоже очаровательным, любезным человеком... До конца своих дней он был необычайно работоспособен; еще в 70-летнем возрасте он взялся за изучение румынского языка и с живым интересом следил за всеми событиями. Всегда веселый и хорошо настроенный, он обладал изумительной памятью на всякие мелкие эпизоды и комические ситуации своей бурной жизни. В веселом обществе он занимал этим всю публику и оживлял беседу. Вечер, проведенный с ним, оставлял самые приятные воспоминания. Беседа в кругу друзей и товарищей была всегда оживленная, независимо от того, говорили ли на серьезные темы или находились в веселом настроении. Энгельс располагал внушительным запасом вин и был доволен, когда гости воздавали им должное.

Иногда Энгельс устраивал открытые приемы. Раньше 2—3 часов утра никто из посетителей не уходил домой. Я несколько раз гостил у него в Лондоне до 1895 года. Один раз он был моим гостем, когда в 1893 году уступил моим настояниям и предпринял путешествие на континент. Он посетил тогда конгресс Интернационала в Цюрихе, а затем Вену. Когда он умер, в возрасте 75 лет, у меня было ощущение, словно умерла частица моего „я". И это ощущение разделяли со мною многие.

П. АННЕНКОВ

Из книги
„Замечательное десятилетие“

*

КАРЛ ШУРЦ

Маркс
на Кёльнском съезде
демократов

*

АНСЕЛЬМО ЛОРЕНСО

Из воспоминаний
о
Первом Интернационале

*

М. КОВАЛЕВСКИЙ

Встречи с Марксом

*

Н. МОРОЗОВ

У Карла Маркса

П. АННЕНКОВ

Из книги

„Замечательное десятилетие“

По дороге в Европу я получил рекомендательное письмо к Марксу от нашего степного помещика[1]. Он находился, как оказалось, в самых дружеских отношениях с будущим главой интернационального общества[2]; он уверил Маркса, что, предавшись душой и телом его лучезарной проповеди и делу водворения экономического порядка в Европе, он едет обратно в Россию с намерением продать все свое имение и бросить себя и весь свой капитал в жерло предстоящей революции[3]. Далее этого увлечение итти не могло, но я убежден, что когда лихой помещик давал все эти обещания, он был в ту минуту искренен. Возвратившись же на родину, сперва в свои имения, а затем в Москву, он забыл и думать о горячих словах, прозвеневших некогда так эффектно перед Марксом, и умер не так давно престарелым, но все еще пылким холостяком в Москве.

...Я воспользовался, однакоже, письмом моего пылкого помещика, который, отдавая мне его, находился еще в энтузиастическом

---

[1] Казанский помещик Григорий Михайлович Толстой.—*Ред.*

[2] Анненков имеет в виду Маркса и I Интернационал.—*Ред.*

[3] К этой фразе Маркс на своем экземпляре воспоминаний Анненкова сделал следующее примечание (на французском языке): „Это ложь. Он ничего подобного не говорил. Он, напротив, сказал мне, что вернется к себе для наибольшего блага своих собственных крестьян“.—*Ред.*

настроении, и был принят Марксом в Брюсселе очень дружелюбно... Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения—тип, крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однакоже, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских сношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучащий, как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил. Маркс говорил не иначе, как такими безапелляционными приговорами, над которыми, впрочем, еще царствовала одна резкая нота, покрывавшая все, что он говорил. Нота выражала твердое убеждение в своем призвании управлять умами, законодательствовать над ними и вести их за собой... Контраст с недавно покинутыми мною типами на Руси был наирешительный.

С первого же свидания Маркс пригласил меня на совещание, которое должно было состояться у него на другой день вечером с портным Вейтлингом, оставившим за собой в Германии довольно большую партию работников. Совещание назначалось для того, чтобы определить, по возможности, общий образ действий между руководителями рабочего движения. Я не замедлил явиться на приглашение.

Портной-агитатор Вейтлинг оказался белокурым, красивым молодым человеком, в сюртучке щеголеватого покроя, с бородкой, кокетливо подстриженной, и скорее походил на путешествующего комми, чем на сурового и озлобленного труженика, какого я предполагал в нем встретить. Отрекомендовавшись наскоро друг другу и притом с оттенком изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сели за небольшой зеленый столик, на одном узком конце которого поместился Маркс, взяв карандаш в руки и склонив свою львиную голову на лист бумаги, между тем как неразлучный его спутник и сотоварищ по пропаганде, высокий, прямой, по-английски важный и серьезный, Энгельс открывал заседание речью. Он говорил в ней о необходимости между людьми, посвятившими себя делу преобразования труда, объяснить взаимные свои воззрения и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменем для всех последователей, не имеющих времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельс еще не кончил речи, когда Маркс, подняв голову, обратился прямо к Вейтлингу с вопросом: „Скажите же нам, Вейтлинг, вы, которые так много наделали шума в Германии своими проповедями, какими основаниями оправдываете вы свою деятельность

и на чем думаете утвердить ее в будущем?“ Я очень хорошо помню самую форму резкого вопроса, потому что с него начались горячие прения в кружке, продолжавшиеся, впрочем, как сейчас окажется, очень недолго. Вейтлинг, видимо, хотел удержать совещание на общих местах либерального разглагольствования. С каким-то серьезным, озабоченным выражением на лице он стал объяснять, что целью его было не созидать новые экономические теории, а принять те, которые всего способнее, как показал опыт во Франции, открыть рабочим глаза на ужас их положения, на все несправедливости, которые по отношению к ним сделались лозунгом правителей и обществ, научить их не верить уже никаким обещаниям со стороны последних и надеяться только на себя, устраиваясь в демократические и коммунистические общины. Он говорил долго, но, к удивлению моему, и в противоположность речи Энгельса, сбивчиво, не совсем литературно, возвращаясь к своим словам, часто поправляя их и с трудом приходя к выводам, которые у него или запаздывали, или появлялись ранее положений. Он имел теперь совсем других слушателей, чем те, которые обыкновенно окружали его станок или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономические порядки, и утерял при этом свободу мысли и языка. Вейтлинг, вероятно, говорил бы и еще долее, если бы Маркс, с гневно стиснутыми бровями, не прервал его и не начал своего возражения. Сущность саркастической его речи заключалась в том, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило просто обманывать его. Возбуждение фантастических надежд, о котором говорилось сейчас, замечал далее Маркс, ведет только к конечной гибели, а не к спасению страдающих. Особенно в Германии обращаться к работнику без строго научной идеи и положительного учения равносильно пустой и бесчестной игрой в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой—допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот... Люди без положительной доктрины ничего не могут сделать, да и ничего не сделали до сих пор, кроме шума, вредных вспышек и гибели самого дела, за которое принялись. Краска выступила на бледных щеках Вейтлинга, и он обрел живую, свободную речь. Дрожащим от волнения голосом стал он доказывать, что человек, собравший сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской друг другу помощи под одно знамя, не может назваться совсем пустым и праздным человеком, что он, Вейтлинг, утешается от сегодняшних нападков воспоминанием о тех сотнях писем и заявлений благодарности, которые получил со всех сторон своего отечества, и что, может быть, скромная подготовительная его работа важнее для общего дела, чем кри-

тика и кабинетные анализы доктрин, вдали от страдающего света и бедствий народа. При последних словах взбешенный окончательно Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, приговаривая: „Никогда еще невежество никому не помогло". Мы последовали его примеру и тоже вышли из-за стола. Заседание кончилось, и покуда Маркс ходил взад и вперед в необычайно гневном раздражении по комнате, я наскоро распрощался с ним и с его собеседниками и ушел домой, пораженный всем мною виденным и слышанным.

...Сношения мои с Марксом не прекратились и после выезда моего из Брюсселя. Я встретил его еще вместе с Энгельсом в 1848 году в Париже, куда они оба приехали тотчас после февральской революции...

Но и до этой эпохи были минуты заочной беседы с Марксом, весьма любопытные для меня. Одна такая выпала на мою долю в 1846 году, когда по поводу известной книги Прудона „Философия нищеты" Маркс написал мне по-французски пространное письмо, где излагал свой взгляд на теорию Прудона. Письмо это крайне замечательно: оно определило время, в которое было писано, двумя своими чертами—критикой положений Прудона, предугадавшей целиком все возражения, какие были предъявлены на них впоследствии, а потому новостью взгляда на значение экономической истории народов. Маркс один из первых сказал, что государственные формы, а также и вся общественная жизнь народов с их моралью, философией, искусством и наукой суть только прямые результаты экономических отношений между людьми, и с переменой этих отношений сами меняются или даже вовсе упраздняются. Все дело состоит в том, чтобы узнать и определить законы, которые вызывают перемены в экономических отношениях людей, имеющие такие громадные последствия. В антиномиях[1] же Прудона, в его противопоставлении одних экономических явлений другим, произвольно сведенным друг с другом и, по свидетельству истории, нисколько не вытекающим одно из другого, Маркс усматривал только тенденцию автора облегчить совесть буржуазии, возводя неприятные ей факты современных экономических порядков в безобидные абстракции в духе Гегеля и в законы, будто бы присущие самой природе вещей. На этом основании он и обзывает Прудона теологом (богословом) социализма и мелким буржуа с головы до ног.

---

[1] Антиномия—противоречие между двумя положениями (термин философии Канта).—*Ред.*

КАРЛ ШУРЦ

Маркс на Кёльнском съезде демократов

Наш демократический союз состоял наполовину из студентов, наполовину из бюргеров[1]. Кинкель был председателем его, а я—одним из членов комитета. Сначала мы ничего не желали, кроме конституционной монархии с всеобщим избирательным правом и неприкосновенными гражданскими свободами. Но, заметив грозный рост реакции, мы вскоре пришли к убеждению, что свобода может быть обеспечена только при республиканском строе... Основываясь на истории французской революции, мы не сомневались, что республика может быть введена в Германии и утвердиться там бок о бок с монархическим строем остальной Европы.

Я в настоящее время не помню содержания наших прений в клубе. Знаю только, что они велись очень горячо, временами весьма красноречиво и в громадном большинстве случаев с полной искренностью.

Летом Кинкель и я получили поручение явиться в качестве представителей нашего клуба на съезд демократических союзов в Кёльне. Это собрание, на котором я держался весьма робко и молчаливо,

[1] Речь идет о демократическом обществе в городе Бонн (Германия) в 1848 г.— *Ред.*

осталось у меня в памяти, потому что там я увидел лицом к лицу наиболее выдающихся людей того времени, в том числе и вождя социалистов Карла Маркса[1]. Ему было в то время 30 лет, но он уже считался признанным главой социалистической школы. Невысокого роста, крепко сложенный, с широким лбом, с черными волосами, густой бородой и темными блестящими глазами, он сразу привлекал внимание. Про него говорили, что это—замечательный ученый...

Все, что Маркс говорил, было действительно содержательно, логично и ясно. Но на каждый довод, который выдвигали против него, он отвечал едко и резко. Я до сих пор помню тот резко саркастический тон, которым он произносил слово „буржуа".

---

[1] Первый рейнский съезд демократов состоялся 13—14 августа 1848 г. в Кёльне (Германия). В съезде участвовали Маркс и Энгельс, бывшие тогда редакторами „Новой рейнской газеты".—*Ред.*

АНСЕЛЬМО ЛОРЕНСО

Из воспоминаний о Первом Интернационале

Я избран делегатом

Известие об избрании меня делегатом на Лондонскую конференцию Интернационала[1] я получил совершенно неожиданно. После обеда, перед последним вечерним заседанием Валенсийской конференции [федерации Интернационала], делегаты собрались в зале рабочего центра. Несколько товарищей подошло к нам, завязалась беседа. С одним из этих товарищей я имел несчастье вступить в длинный и скучнейший разговор. Наконец, мы вышли с ним погулять; товарищ оставил меня на улице, предполагая, что я легко смогу вернуться в центр, но я заблудился и долго бродил по улицам, пока не решился спросить дорогу у прохожего, хотя из предосторожности хотел бы этого избежать.

Когда я явился на конференцию, заседание уже закрывалось. Товарищ сообщил мне, что я избран делегатом на Лондонскую конференцию и должен выехать завтра...

Париж после Коммуны

В эти дни, когда Коммуна подвергалась жестоким преследованиям и когда военные суды безостановочно выносили смертные

---

[1] Конференция состоялась в сентябре 1871 г.—*Ред.*

приговоры[1] и постановления о ссылке, пересечь всю Францию и проехать в Париж было опасно и требовало известных предосторожностей.

В Париже мы стояли два часа. Париж произвел на меня сильнейшее впечатление. Направляясь с Орлеанского вокзала на вокзал Сен-Лазар, я увидел ратушу в развалинах, сожженную часть Лувра, подножие свергнутой Вандомской колонны, различные здания и частные дома, хранившие следы кровавой недели.

Выехав из Парижа, я увидел пруссаков, расположившихся лагерем между Аньером и Коломбом.

Ночью я вступил на английскую землю и через полтора часа прибыл в Лондон.

У Маркса

Вскоре мой извозчик остановился перед домом, в котором жил Маркс. В дверях появился старик. Он был похож на величественного патриарха.

Подойдя робко и почтительно, я представился как делегат испанской областной федерации Интернационала. Старик обнял меня, поцеловал в лоб и, заговорив по-испански, повел меня в дом. Это был Карл Маркс.

Собралась его семья, и он сам с пленительной любезностью подал мне ужин. Потом мы пили чай и пространно беседовали о революционных идеях, о пропаганде, организации, причем Маркс выразил свое удовлетворение достижениями в Испании.

Исчерпали ли мы тему разговора или мой почтенный собеседник хотел следовать особой склонности, но он заговорил об испанской литературе, которую, оказалось, отлично знал. Я был поражен тем, что̀ он сказал о нашем старинном театре, историю и развитие которого он постиг в совершенстве. Кальдерон, Лопе де-Вега, Тирсо де-Молина—эти великие мастера, по его мнению, не только испанского, но и европейского театра—были охарактеризованы им в сжатых и, на мой взгляд, безошибочных суждениях.

В присутствии этого великого человека я чувствовал себя ничтожным. Тем не менее, сделав почти героическое усилие, чтобы не показаться жалким невеждой, я сопоставил, как это принято, Кальдерона с Шекспиром и заговорил о Сервантесе. Обо всем этом Маркс

---

[1] Коммуна была разгромлена контрреволюционерами в мае 1871 г. Лоренсо проезжал Париж несколько месяцев спустя.—*Ред.*

говорил исключительно ярко и восхищался гениальным ламанчским гидальго[1].

Надо заметить, что разговор происходил на испанском языке, которым Маркс хорошо владел, но произношение у него было неправильное, большей частью по вине наших жестких „кх", „хх" и „рр".

На рассвете он проводил меня в предназначенную мне квартиру.

На следующее утро я был представлен дочерям Маркса, а потом разным делегатам и другим лицам.

Старшая дочь Маркса, исключительно красивая девушка, не была похожа ни на один виденный мною образец женской красоты. Она знала испанский язык, но, как и ее отец, произносила слова не совсем правильно. Чтобы послушать правильное произношение, она попросила меня прочесть что-нибудь вслух. Я подошел к большой библиотеке и вынул „Дон-Кихота" и собрание драм Кальдерона. Из первой книги я прочел речь Дон-Кихота к пастухам, из второй — возвышенные звучные стихи из драмы „Жизнь есть сон", признанные перлами испанского языка и блистательнейшим выражением человеческой мысли. Я стал было пояснять их, но это оказалось излишним: моя юная собеседница обладала достаточным образованием и тонкостью чувств; она обнаружила это, прибавив к моему изложению множество метких замечаний, каких мне никогда не приходилось слышать.

Когда я выразил желание отправить телеграмму в Валенсию о моем благополучном приезде в Лондон, мне дали в проводники младшую дочь Маркса. Легкость, с которой эта услуга неизвестному иностранцу была поручена девушке, совершенно не соответствовала обычаям испанской буржуазии, чем я был чрезвычайно восхищен.

Эта девушка, вернее, девочка, настоящая красавица, веселая и смеющаяся, воплощение юности и очарования, не знала испанского языка. Она прекрасно говорила по-английски и по-немецки, но французский, на котором я кое-как мог объясняться, знала плохо. И вот каждый раз, когда она или я отвечали невпопад и говорили вздор, мы хохотали так непосредственно, так искренне, как будто бы мы давно и хорошо друг с другом были знакомы.

В Генеральном совете

До начала конференции должно было состояться заседание Генерального совета Интернационала, на которое были приглашены делегаты.

---

[1] Речь идет о романе Сервантеса „Дон-Кихот".—*Ред.*

Маркс проводил меня в помещение Совета. У дверей вместе с другими членами Совета стоял Бастелика, француз, председательствовавший на первом заседании Барселонского конгресса федерации Интернационала. Он радостно встретил меня и представил товарищам, из которых многие были известны в истории Интернационала. Среди тех, кого я помню, были: Эккариус, Юнг, Джон Хейлз, Серрайе, Вайян (эмигрант Парижской Коммуны) и другие. Маркс познакомил меня с Энгельсом, который любезно предложил дать мне приют на время моего пребывания в Лондоне.

В зале заседаний я увидел бельгийских делегатов, среди них Сезара Де-Папа, нескольких французов, швейцарца Анри Перре и русского Утина.

В тот же вечер открылась конференция.

М. КОВАЛЕВСКИЙ

Встречи с Марксом

Высланный из Парижа министерством Гизо, Маркс, прожив несколько времени в Брюсселе, возвратился в Германию после мартовских событий 1848 года, издавал около года „Новую рейнскую газету“, два раза был предан суду, но оправдан и, наконец, вынужден был покинуть Германию.

Попытка устроиться в Париже не увенчалась успехом, и Маркс избрал Лондон своим постоянным местопребыванием...

После поражения революции 1848 года Маркс постепенно приходит к заключению, что революционный подъем временно исчерпал свои силы. В рецензии на книгу Шеню о заговорщиках он очень определенно высказывает свое отрицательное отношение к тем, кто считает возможным ускорить ход событий путем заговоров. Таких людей он называет алхимиками революции. Они изощряются в изобретениях, признанных, в их глазах, совершить чудеса, и не желают считаться с теми предпосылками, без которых никакое движение не может найти почву.

Поселившись в Лондоне, Маркс принужден был обеспечить себе средства к жизни сотрудничеством в американских газетах. В декабре его жена пишет своим знакомым, что днем Карл работает ради насущного хлеба, отправляя корреспонденции в „Нью-йоркскую трибуну“. По ночам же он сидит за книгами, чтобы закончить свою „Политическую экономию“, то-есть готовит первый том „Капитала“.

Г-жа Маркс высказывает надежду, что найдется же какой-либо издатель для этой книги. Пятью годами ранее Маркс не разделял этой надежды. В 1852 году в одном из его писем мы читаем, что в Германии теперь ни одно книгоиздательство не решится печатать написанное им. Остается только издавать на свой счет, что для него, при его тогдашних обстоятельствах, было невозможно. Хотя, повидимому, и в 1857 году не было уверенности, что издатель найдется, Маркс тем не менее посвящал большую часть своего времени и подготовительным работам в Британском музее и редакции первого тома, так как был уверен в том, что послужит интересам рабочей партии всего более построением того, что он называл „научным социализмом". В одном из его писем к Кугельману мы читаем, что популярными научные попытки революционизирования науки никогда быть не могут. Но как только научные основы положены, популяризация их—дело легкое...

В 1873 году Маркс и Энгельс напечатали чрезвычайно резкий обвинительный акт против той организации анархической молодежи романских стран („Альянс социалистической демократии"), во главе которой стоял Бакунин, исключенный со своими сторонниками из Интернационала.

Маркс не оставлял без возражения выпадов, делаемых на него и из лагеря социалистов такими, например, писателями, как Дюринг. Известная брошюра Энгельса „О мнимом перевороте, произведенном в науке" берлинским приват-доцентом[1], была, несомненно, внушена Марксом и отразила на себе его взгляды.

Мне пришлось познакомиться с автором „Капитала" в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы им были в ряде статей частью в „Юридическом вестнике" и издававшемся мною впоследствии в Москве „Критическом обозрении", частью в „Отечественных записках".

Моим знакомством с Марксом я обязан был человеку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену Парижской Коммуны. Рекомендовавший меня был одним из двух авторов дневника, веденного во все продолжение восстания и озаглавленного „Революция 18 марта"...

Первые наши разговоры касались по преимуществу Бакунина, которого он сам ввел в круги международной эмиграции Лондона и который одно время собирался быть переводчиком первого тома „Капитала" на русский язык. Эта задача, как известно, была выполнена впоследствии Николаем —оном, при участии Германа Лопатина.

---

[1] Имеется в виду книга „Анти-Дюринг" Энгельса.—*Ред.*

В Лондоне в первую зиму мне пришлось быть у Маркса всего несколько раз. Он жил неподалеку от Риджент-парка, или, точнее, его продолжения, известного под названием Майтланд-парк, в полукруглом сквере. Маркс занимал весь дом. В первом этаже помещалась его библиотека и гостиная. Здесь обыкновенно он принимал своих знакомых. В это время две его старшие дочери были уже замужем. Одна вышла за члена Парижской Коммуны Лонге, другая—за известного теперь писателя Поля Лафарга, младшая, Элеонора, которую дома звали Тусси, увлекалась в это время театром, игрою Эрвинга в шекспировских пьесах и одно время думала посвятить себя сцене.

Я особенно сблизился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам и настолько сошлись, что в письмах того времени, недавно обнародованных в журнале „Былое", он относит меня к числу своих „научных друзей".

Маркс работал в это время над вторым томом своего труда, намеревался отвести в нем значительное место порядку накопления капиталов в двух сравнительно новых странах—Америке и России, получал поэтому немало книг из Нью-Йорка и Москвы. Его можно было считать полиглотом. Он не только свободно говорил по-немецки, по-английски, по-французски, но умел читать на русском, итальянском, испанском и румынском языках. Читал он массу и нередко брал у меня книги, в том числе двухтомный трактат по истории земельной собственности в Испании и известное сочинение Моргана „Древнее общество", привезенное мною из моего первого путешествия в Америку. Оно доставило материал для наделавшей шуму брошюры Энгельса „О происхождении семьи".

Знать Маркса—значило быть также приглашаемым на воскресные вечера у Энгельса.

Сам Маркс допускал к себе посторонних людей с разбором. Многие из известных европейских писателей, в том числе Лавеле, тщетно выражали ему желание вступить с ним в личное знакомство. Он сторонился от них, жалуясь на нескромность газетных и журнальных интервьюеров, раз они являлись его идейными противниками.

Из англичан он был в хороших, но все же далеких отношениях с некоторыми членами кружка позитивистов, в особенности с проф. Бизли, принимавшим в то время участие в издании демократической газеты „Биайв" („Пчелиный улей"). Я встречал у Маркса также не раз известного английского социалиста Гайндмана, в то время еще бывшего в лагереториев и весьма сочувственно относившегося к Дизраэли.

Нельзя сказать, чтобы Маркс в это время хорошо был известен в английских литературных кругах. Его „Капитал" не был еще переведен на английский язык, и успех его ограничивался пока двумя

странами—Германией и Россией. Появление первой части „Капитала" подало повод теперешнему профессору Петербургского университета Иллариону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и в общем сочувственный этюд в „Вестнике Европы". Впоследствии о „Капитале" Маркса писал немало и русский экономист Зибер, автор сочинения „Давид Рикардо и Карл Маркс". Но из всего написанного о „Капитале" в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана.

Русская экономическая и историческая литература интересовала его. В его сочинениях встречаются ссылки на „Железнодорожное хозяйство" А. И. Чупрова. Одно из его писем ко мне посвящено оценке книги Кареева „Крестьянский вопрос во Франции XVIII в.", а после кончины Маркса Энгельс показывал мне обширную тетрадь выписок из моей книги „Об общинном землевладении".

Маркс, долго работавший в библиотеке Британского музея и до некоторой степени надорвавший этой работой свое здоровье, привык к чтению официальных отчетов, подобных английским „Синим книгам", и поэтому непрочь был получать из России казенные издания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д. Николай —он и я посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что я своими присылками мешаю ее мужу поставить давно ожидаемую точку. Маркс несколько раз переделывал второй и третий томы „Капитала". Он собирался закончить все сочинение „критической историей экономических доктрин", но эта часть его намерений так и осталась невыполненной.

Будничные дни Маркса уходили на работу. Он отводил сравнительно небольшое число часов на корреспонденции в нью-йоркскую газету „Трибуна". Остальное время он сидел дома за пересмотром и исправлением уже написанных частей своего сочинения.

Его библиотека, помещавшаяся в комнате в три окна, была составлена исключительно из рабочих книг, которые нередко в большом беспорядке разбросаны были на письменном столе и креслах. Иногда мне приходилось заставать его за работой. Маркс до такой степени был погружен в нее, что ему не сразу удавалось перейти на разговор о чем другом от предмета, непосредственно овладевшего его вниманием.

В воскресенье он любил гулять в парке с семьею, но и во время этих прогулок темой для разговоров служили нередко вопросы, весьма отдаленные от действительности.

Это не значит, однако, чтобы он не увлекался политикой. По целым часам он сидел за чтением газет, и не только английских, но всего мира. Я однажды застал его за чтением „Раманул"[1] и имел

[1] Румынская газета.—*Ред.*

возможность убедиться в том, что он вполне свободно справляется с мало кому доступным румынским языком.

За все время моего знакомства с ним он только однажды отлучился из Лондона и уехал на несколько недель в Карлсбад. Его пропустили через Германию только под условием не оставаться в ней более нужного для проезда числа дней. Въезд в Париж оставался для Маркса запретным со времени министерства Гизо. Тьер и Мак-Магон едва ли охотно открыли бы ему доступ во Францию после выхода в свет его „Гражданской войны"—попытки защитить Коммуну, только что подавленную в крови версальским правительством.

Что всего более поражало в Марксе—это его страстное отношение ко всем вопросам политики...

Из писем Николая —она и из статей Кауфмана и Зибера Маркс мог убедиться, что молодые экономисты в России с увлечением относятся к его взглядам и готовы следовать ему в критике господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатление, получаемое им из России, должно было еще усилиться от сопоставления с тем систематическим игнорированием его работы, в каком повинны были до последнего времени английские экономисты. В моем присутствии Гайндман сообщил Марксу следующий факт. Вслед за популярной лекцией известного английского экономиста Леви о „гармонии интересов" назначено было собеседование, на нем Гайндман решился высказать сомнение, чтобы интересы всех классов общества были согласованы между собою, находились в гармонии. В подтверждение своего скептицизма он сослался на „Капитал" Маркса. „Я не знаю такого сочинения", последовал ответ Леви... „Капитал" Маркса переведен был на английский язык только после смерти автора и лишь в слабой степени проник в среду английских экономистов...

В те годы, когда я посещал воскресные собрания в доме Маркса в Майтланд-парке или встречался с Марксом у Энгельса, автор „Капитала" всецело уходил в научную работу, задачи которой Маркс понимал весьма широко. Ему сплошь и рядом приходилось посвящать недели и месяцы чтению сочинений по экономической истории, в частности по истории землевладения, которые имели лишь косвенное отношение к его главной теме. Он возобновил также занятия математикой, дифференциальными и интегральными вычислениями для того, чтобы сознательно отнестись к только что возникавшему тогда математическому направлению в политической экономии, во главе которого мы находим ныне таких ученых, как Эджворс и каким во времена Маркса являлся уже Джевонс.

Начитанность автора „Капитала" в экономической литературе, в частности в английской, была громадна, но ее нельзя сравнить с той „Belesenheit", какой „блещут" немецкие профессора... В своих

отдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала. Если за последнее время экономисты заинтересовались „Политической арифметикой“ и другими сочинениями Уильяма Петти, современника Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собрание его сочинений, но и ряд мемуаров о Петти, и притом почти на всех языках образованного мира, то этим мы в значительной степени обязаны Марксу.

Знакомство с историей экономических учений позволяло автору „Капитала“ сразу определять степень оригинальности писателей, умевших привлечь к себе общественное внимание бьющей в глаза формой своих произведений. Говоря это, я имею в частности в виду Джорджа, увлечение которым одно время приняло в Англии размеры, довольно близкие к тем, в каких оказалось в XVIII веке увлечение личностью и доктринами Руссо. Маркс едва ли не первый заметил, что в учении автора „Прогресс и бедность“ [1] повторяются воззрения физиократов на земледелие, как на единственный источник чистого дохода, и на единый земельный налог, как долженствующий поглотить в пользу государства бо́льшую часть ренты. В бумагах Маркса найдена была критическая статья, направленная против Джорджа и доказывающая односторонность и неприемлемость его выводов. Она появилась в печати уже после смерти Маркса...

Маркс не был мрачным и высокомерным отрицателем буржуазной науки и буржуазной культуры. Вынесший из тесного общения с Гейне веселость, связанную со способностью к остроумной сатире, человек жизнерадостный, Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить о себе, как об однолюбе. В ранней молодости он встретился с девушкой из высшего круга и влюбился в нее, как можно только влюбляться в студенческие годы. Семья Вестфален была шотландского происхождения и в родстве с герцогами Аргайльскими. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. В минуту безденежья в Париже он решился заложить в местном ломбарде фамильное серебро, полученное им в приданое за женою. На этом серебре нашли герб Аргайлей и задержали Маркса, как присвоившего себе чужое достояние. Я слышал этот рассказ от самого Маркса, который сопровождал его громким и добродушным смехом.

Женни Вестфален была в детстве товарищем по играм мальчика Карла. На четыре года она была старше его. Здоровая, веселая, красивая, „самая красивая из девушек Трира“, как ее называли, она

---

[1] Генри Джорджа.—*Ред.*

уже подростком сделалась царицей балов. Маркс не успел еще окончить гимназии, как влюбился в подругу своих детских игр. Уезжая в университет, он тайно обручился со своей невестой. Старик Вестфален, как рассказывал мне Маркс, принадлежал к числу людей, увлеченных доктриною Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором „Капитала". Судьба разметала его детей в разные стороны: одного сделала членом прусского реакционного министерства, другого—борцом за свободу негров в междоусобной войне против южных штатов Америки...

В свое время Бруно Бауэр, имея в виду тогдашнюю невесту Маркса Женни, писал ему: „Она способна перенести с тобою все, что только может случиться". Эти слова были пророческими. Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал нужду, но Женни с философским и в то же время веселым равнодушием относилась к этим превратностям судьбы, озабоченная только одним, чтобы ее „дорогой Карл" не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни.

Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса. Маркс и с седою бородою любил начинать новый год танцем со своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присутствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжественном марше...

Приходит мне на ум еще один семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла с двумя ее сыновьями. Сестра никак не могла примириться с тем, что ее брат—вождь социалистов, и настаивала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом. Непрочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета или несравненно более ценимого им Эрвинга. Помню я также, как мы заседали с Марксом вместе в „Иджайшен-Холл", задетые оба за живое точным воспроизведением всех фокусов спиритов человеком, заявлявшим, что он был в их среде, повторяет то, чему научился, но не настолько прост, чтобы объяснить публике, как он это делает, так как в противном случае перестанут бывать на его представлениях.

Деля свои привязанности между семьями своих двух замужних дочерей и старым другом Энгельсом, платившим ему более чем взаимностью, Маркс посвящал им весь свой досуг. Круглый день он занят был серьезным, всецело захватившим его научным трудом, и все же находил время с жаром отзываться на все те вопросы, так или иначе задевавшие интересы рабочей партии вообще и немецкой социал-демократии в частности. Из ее вожаков он более других ценил

Бебеля, в меньшей степени—Либкнехта. Он не раз жаловался на то, что последний испорчен Лассалем, и прибавлял, шутя и сердясь: трудно ввести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента (таким именно приват-доцентом, по словам Маркса, и был Либкнехт).

С какою страстностью Маркс относился и в пожилом возрасте ко всяким попыткам остановить успехи рабочей партии, об этом можно судить по следующему факту. Я случайно находился в его библиотеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло известие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это известие словами проклятия по адресу террориста и тут же объяснил, что от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только одного—новых преследований против социалистов. К сожалению, исполнение пророчества не заставило себя ждать: Бисмарком изданы были известные законы, значительно затормозившие успешное развитие немецкой социал-демократии.

Поступление мое профессором в Московский университет положило конец двухгодовому, почти еженедельному обмену мыслями с автором „Капитала". Мы первое время изредка продолжали писать друг другу. При посещении летом Лондона я возобновил мои визиты, обыкновенно по воскресеньям, вынося каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада. Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мною предмету.

Маркс знакомился с моими работами и откровенно высказывал о них свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и в частности о юрисдикции налогов в ней, то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом. Он более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или изложить ход развития семейных порядков с древнейших времен на основании данных сравнительной этнографии и сравнительной истории права.

Научная критика также весьма интересовала его, он был в числе внимательных чтецов издаваемого мною одно время „Критического обозрения", быть может, единственным в Англии.

Годы, проведенные мною в Италии, Испании, а затем в Америке,—последние годы жизни Маркса. По возвращении в Европу я узнал о двойном его горе: о смерти жены и старшей дочери. Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден

был провести целую зиму в Алжире. Еще в те годы, когда я почти еженедельно бывал у него, он жаловался на боль в груди. Но так как его телосложение не отвечало представлению о человеке, страдающем чахоткой, все его близкие объясняли эти жалобы его мнимой мнительностью. Оказалось, однако, что Маркс надорвал свое здоровье неумеренной работой в библиотеке Британского музея. Зима, проведенная им на юге, была ненастной. Маркс простудился и вернулся в Лондон еще более больным, чем прежде.

Энгельс рассказывал мне о последних днях его жизни. Маркс тщетно искал забвения в усиленной работе над окончанием своего „Капитала". Здоровье его все более и более ухудшалось. В промежутке между двумя смертями он принужден был уехать на юг. Вернувшись больной, он вскоре поражен был известием о кончине дочери. Этого нового удара он не в состоянии был вынести.

Мои воспоминания о Марксе относятся к эпохе, следовавшей уже за выходом его наиболее полного и законченного труда—первой части „Капитала". Маркс вступил уже в это время в седьмой десяток, но сохранял еще всю свою бодрость и жизнерадостность.

Маркс однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а не-логически,—хотя бы и по позитивному. Маркс был глубоко убежден в неоспоримости того приема мышления, какой был дан ему гегелевской философией в толковании ее радикальных последователей, в их числе знаменитого Фейербаха.

За два года моего довольно близкого общения с автором „Капитала" я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающего третирование старшим младшего, какое я испытал в моих случайных встречах с Чичериным и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, невысоко ценил своих „друзей только по науке" (scientific friends), предпочитая им товарищей по классовой борьбе пролетариата, но не проявлял этих личных пристрастий в своем поведении. На протяжении двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться великими, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности.

Н. МОРОЗОВ

У Карла Маркса

В декабре 1880 года я поехал в Лондон и вместе с моим товарищем по „Народной воле“ Львом Гартманом, который часто бывал у Маркса, отправился к нему по лондонскому метрополитену, ходившему тогда еще на локомотивах. Маркс оставался в те дни дома только со своей дочерью Элеонорой.

— Mister Marx in? (Дома мистер Маркс?),—спросил Гартман молоденькую домашнюю работницу, когда она отворила выходящую на улицу дверь, после того как сделаны были по ней три удара висячим молотком, заменявшим тогда в Англии звонок.

Она ответила ему, как знакомому, что Маркс еще находится в Британском музее, но дочь его дома.

Почти тотчас же после нашего входа в приемную вышла и она—хорошенькая стройная девушка немецкого типа, напоминавшая мне романтическую Гретхен или Маргариту из „Фауста“.

Мы начали разговор по-английски. Но, заметив, что я, затруднившись сказать какое-то английское слово, употребил вместо него французское, она сейчас же перешла на французский язык, на котором и продолжались все наши разговоры.

Она повторила, что отец ее ушел в Британский музей и возвратится только вечером. Посидев с нею с полчаса, мы ушли и пришли в условленный час на следующий день.

Я хорошо помню, что первое мое впечатление от Маркса было: как он похож на свой портрет! И после того, как мы поздоровались и уселись вокруг небольшого столика, с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это. Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то курьезно чувствовать себя человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой портрет.

Он показался мне скорее среднего роста, но довольно широкого сложения и был очень приветлив с нами обоими. Но сразу чувствовалось во всех его движениях и словах, что он вполне понимает свое выдающееся значение. Никакой мрачности или замкнутости, о которой я от кого-то слышал, я в нем совершенно не заметил. Правда, в то время в Лондоне был такой туман, что во всех домах горели лампы, в том числе и у Маркса, и даже—ясно помню—с зеленым абажуром. Но и при этом освещении я хорошо рассмотрел его кабинет, в котором три стены были уставлены книгами, а на четвертой висели какие-то портреты.

Кроме Элеоноры, никто к нам не выходил, и у меня составилось впечатление, что в то время в этом домике не было других членов семьи Маркса. Элеонора же все время выбегала к нам и, сидя на кушетке, несколько в стороне, принимала участие в разговоре, причем нам принесли по чашке чаю с бисквитами.

Разговор шел главным образом о наших народовольческих делах. Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему, как и всем европейцам, чем-то совершенно сказочным, похожим на фантастические романы.

Когда я дня через два снова зашел к Марксу перед отъездом из Лондона, я снова провел с ним и с его дочерью некоторое время, и при прощании он вручил мне приготовленные для меня пять или шесть книжек. Он обещал мне написать и предисловие к той, которую мы выберем для печати, как только пришлем ему первую корректуру нашего перевода.

Узнав, что я через две-три недели возвращаюсь в Россию, он крепко пожал мне руку с пожеланием счастливого возвращения оттуда. Мы оба обещали переписываться друг с другом, но это не осуществилось. Возвратившись в Женеву, я нашел там письмо Перовской, извещавшее меня, что ряд готовящихся событий требует моего быстрого возвращения. Я собрал вещи и поехал, но 28 февраля, при переходе границы, был арестован под именем студента Женевского университета Локиера и перевезен в Варшавскую цитадель, где узнал о событиях 1 марта посредством стука в стену от сидевшего рядом товарища Тадеуша Балицкого.

Заключенный сначала в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а потом в Шлиссельбург, я до самого своего выпуска в конце 1905 года не знал, чем окончились мои переговоры с Марксом. Не знал я этого и после, вплоть до 1930 года, когда в присланном мне издании Общества политкаторжан Литература „Народной воли" я вдруг увидел „Предисловие" Маркса к „Манифесту коммунистической партии", изданному в основанной при моем участии „Социально-революционной библиотеке". И это навеяло на меня целый ряд воспоминаний.

Я вспомнил свои свидания с Марксом и его дочерью; вспомнил, как, уезжая спешно из Женевы в Россию, я отдал кому-то из оставшихся там сотрудников „Социально-революционной библиотеки" (кажется, Плеханову) его „Манифест" и остальные книжки для перевода на русский язык.

Особенно же отрадно было мне прочесть в только что упомянутом предисловии Маркса такие слова:

„Они провозгласили царя главой европейской реакции. Теперь[1] он находится в Гатчине как военнопленный революции, а Россия представляет собою передовой отряд революционного движения Европы"[2].

Это были буквально те слова, которые он сказал мне на прощанье.

---

[1] То-есть в 1881 г. (примечание Н. Морозова). Предисловие Маркса и Энгельса к русскому изданию „Манифеста" 1882 г. датировано 21 января 1882 г.—*Ред.*

[2] „Манифест коммунистической партии", стр. 37. Партиздат ЦК ВКП(б), 1938 г.—*Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

Письма о смерти Маркса

*

Ф. ЭНГЕЛЬС

К смерти Карла Маркса

*

Ф. ЭНГЕЛЬС

Речь на могиле Маркса

Ф. ЭНГЕЛЬС

Письма о смерти Маркса

Энгельс—Ф.-А. Зорге в Хобокен

(Телеграмма)

ЛОНДОН, 14 МАРТА 1883 г.

МАРКС СКОНЧАЛСЯ СЕГОДНЯ. ЭНГЕЛЬС.

Энгельс—Э. Бернштейну в Цюрих

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Мою телеграмму Вы, вероятно, получили. Это произошло с ужасающей быстротой. Виды на будущее были самые лучшие, но сегодня утром—внезапный упадок сил, после чего он просто уснул. В две минуты этот гениальный мозг перестал мыслить, и именно тогда, когда врачи подавали нам самые блестящие надежды. Что́ означал для нас этот человек в области теории, а во все решающие моменты—и в области практики, об этом может иметь представление лишь тот, кто все время был с ним. Вместе с ним на долгие годы исчезнет и его широкий кругозор. Мы еще не доросли до этого. Движение пойдет своей дорогой, но уже не будет того спокойного,

своевременного, обдуманного руководства, которое не раз предохраняло его от долгих блужданий по ложным путям.

Остальное в другой раз. Сейчас полночь, а я весь день и вечер должен был писать письма и бегать по разным делам.

Ваш *Ф. Э.*

Энгельс—В. Либкнехту в Лейпциг

Лондон, 14 марта 1883 г.

Дорогой Либкнехт!

Из телеграммы, которую я отправил г-же Бебель,—это единственный известный мне адрес—вы, вероятно, знаете, какую страшную потерю понесла европейская социалистическо-революционная партия. Еще в прошлую пятницу врач—один из лучших в Лондоне—сказал нам, что есть все основания предполагать, что он выздоровеет и будет крепче, чем когда-либо, как только питание восстановит его силы. И именно с тех пор он снова начал есть с бо́льшим аппетитом. Но сегодня, в третьем часу дня, я застал всех в слезах: он очень плох. Ленхен предложила мне подняться к нему, сказав, что он дремлет; она оставила комнату каких-нибудь две минуты назад. Когда я вошел к нему, он спал, но спал вечным сном. Величайший ум второй половины нашего века перестал мыслить. О непосредственной причине смерти я без врачей судить не берусь; весь случай был настолько сложным, что даже врачам потребовалось бы исписать кипы бумаги, чтобы его подробно описать. Но, в конце концов, теперь это уже и не важно. За последние шесть недель я натерпелся достаточно страха и могу только сказать, что, по моему мнению, сначала смерть его жены, а затем смерть Женни, последовавшая в чрезвычайно критический момент, сделали свое и приблизили конец.

Несмотря на то, что сегодня вечером я его видел неподвижно лежащим на кровати, с лицом, застывшим навеки, я все же не могу себе представить, что этот гениальный ум перестал обогащать своей мощной мыслью пролетарское движение обоих полушарий. Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках.

Твой *Ф. Энгельс.*

Энгельс—И.-Ф. Беккеру в Женеву

Лондон, 15 марта 1883 г.

Старый дружище!

Радуйся тому, что ты еще прошлой осенью видел Маркса, больше уж ты его никогда не увидишь. Вчера днем, в 2 часа 45 минут, едва оставив его на две минуты, мы нашли его тихо уснувшим в кресле. Самый могучий ум нашей партии перестал мыслить, самое сильное сердце, которое я когда-либо знал, перестало биться. Произошло, вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Теперь мы с тобой, пожалуй, последние из старой гвардии времен до 1848 г. Ну что ж, мы останемся на посту. Пули свистят, падают друзья, но нам обоим это не в диковинку. И если кого-нибудь из нас и сразит пуля—пусть так, лишь бы она как следует засела, чтобы не корчиться слишком долго.

Твой старый боевой товарищ
Ф. Энгельс.

Энгельс—Ф.-А. Зорге в Хобокен

Лондон, 15 марта 1883 г. 11 ч. 45 м. вечера.

Дорогой Зорге!

Твоя телеграмма получена сегодня вечером. Сердечное спасибо!

Сообщать тебе регулярно о состоянии здоровья Маркса не было возможности, так как оно постоянно менялось. Вкратце сообщу тебе главное.

Незадолго до смерти своей жены, в октябре 1881 г., он заболел плевритом. После выздоровления его направили в феврале 1882 г. в Алжир, но по дороге, из-за холодной и сырой погоды, он заболел и приехал туда с новым плевритом. Отвратительная погода продолжала держаться; едва он вылечился, его, ввиду приближавшейся летней жары, послали в Монте-Карло (Монако). Туда он прибыл опять с плевритом, но в более легкой форме. Снова отвратительная погода. Оправившись, наконец, он уехал в Аржантейль, близ Парижа, к

своей дочери, г-же Лонге. Там он пользовался против застарелого бронхита серными источниками в расположенном по соседству Энгиене. Погода и там оставалась прескверной, но все же лечение помогло. Затем он отправился на шесть недель в Веве, откуда он, как казалось, почти здоровый, вернулся в сентябре. Ему разрешено было провести зиму на южном побережье Англии. Да и самому ему так надоела бездеятельная кочевая жизнь, что новое изгнание на юг Европы, вероятно, повредило бы ему морально в той же мере, в какой помогло бы физически. Когда начались лондонские туманы, его отправили на остров Уайт. Там дождь шел не переставая; он опять простудился. На новый год мы с Шорлеммером хотели его навестить, но тут получены были известия, потребовавшие немедленного отъезда туда Тусси. И сразу после этого смерть Женни; он вернулся сюда с новым бронхитом. После всего предшествовавшего и в его возрасте это внушало опасения. Сверх того произошло множество осложнений, в особенности нарыв в легком и невероятно быстрый упадок сил. Несмотря на это, общее течение болезни шло благоприятно, и еще в прошлую пятницу лечивший его врач, один из лучших молодых врачей Лондона, которого особенно рекомендовал ему Рэй Ланкастер, подавал нам самые блестящие надежды. Но кто хоть раз рассматривал под микроскопом легочную ткань, тот знает, как велика опасность прободения стенки кровеносного сосуда при нагноении в легком. И поэтому я в течение шести недель каждое утро, поворачивая за угол, в смертельном страхе смотрел, не опущены ли шторы на окнах. Вчера днем в 2.30—это был самый подходящий час для того, чтобы его навещать—я пошел туда и застал весь дом в слезах: наступает, очевидно, конец. Я стал расспрашивать, пытался найти причину, утешить. Оказывается, произошло небольшое кровоизлияние, но вслед затем сразу наступил упадок сил. Наша славная старая Ленхен, ухаживавшая за ним так, как ни одна мать не ухаживает за своим ребенком, поднялась наверх и тотчас же вернулась: он в полусне, мне можно к нему подняться. Когда мы вошли, он спал вечным сном. Пульс и дыхание исчезли. В течение этих двух минут он тихо и безболезненно скончался.

Все события, наступающие в силу естественной необходимости, как бы они ни были ужасны, содержат в самих себе утешение. Так и на этот раз. Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а постепенно, к вящшему триумфу врачебного искусства. Но этого наш Маркс никогда не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желания их закончить и от невозможности это сделать,—это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть.

„Смерть—несчастье не для умершего, а для оставшегося в живых“,—любил он повторять слова Эпикура. И видеть, как этот мощный, гениальный человек прозябает, превращаясь в развалину, к вящшей славе медицины и на потеху филистеров, которых он в пору своего расцвета так часто повергал в прах,—нет, в тысячу раз лучше то, что случилось, в тысячу раз лучше снести его послезавтра в могилу, туда, где покоится его жена.

После всего того, что предшествовало этому и чего даже врачи не знают так, как знаю я, оставался, на мой взгляд, только этот выход.

Пусть так. Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда естественно обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания. У доморощенных знаменитостей и мелких талантов, а то и просто у шарлатанов теперь развязаны руки. Конечная победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий—и без того неизбежных—теперь будет гораздо больше. Ну что ж, с этим мы должны справиться—для того мы и существуем. Вот почему мы далеко еще не теряем мужества.

Твой *Ф. Энгельс.*

Энгельс—Ф. Лесснеру в Лондон

Лондон, 15 марта 1883 г.

Дорогой Лесснер!

Наш старый Маркс вчера в 3 часа тихо уснул навеки. Непосредственная причина смерти—вероятно, внутреннее кровоизлияние.

Похороны состоятся в субботу в 12 часов. Тусси просит тебя присутствовать на них.

Очень спешу.

Твой *Ф. Энгельс.*

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 294—298.

Ф. ЭНГЕЛЬС

К смерти Карла Маркса

Сообщаю следующие краткие сведения о ходе болезни и о смерти нашего великого теоретика и вождя.

Почти совершенно излечившись благодаря троекратному курсу лечения в Карлсбаде от застарелой болезни печени, Маркс страдал только хронической болезнью желудка и нервным переутомлением, выражавшимся в головных болях и особенно—в упорной бессоннице. Оба эти страдания более или менее прекращались после посещения летом морских купаний или климатического курорта и возобновлялись в более острой форме только после нового года. Хроническая болезнь горла, кашель, также способствовавший бессоннице, и хронический бронхит беспокоили в общем меньше. Но именно от них суждено было ему изнемочь. За четыре или пять недель до смерти своей жены он схватил вдруг жестокое воспаление грудо-реберной плевры (плеврит), осложненное бронхитом и начинавшимся воспалением легких (пневмонией). Болезнь была очень опасна, но протекала благополучно. Затем его отправили сперва на остров Уайт (в начале 1882 г.), а потом в Алжир. Во время путешествия была холодная погода, и он прибыл в Алжир с новым плевритом. При обычных обстоятельствах в этом не было бы ничего особенного. Но зима и весна были в Алжире холодными и дождливыми, как никогда: в апреле тщетно пытались протопить столовую! Таким образом, вместо улучшения общего состояния в итоге получилось ухудшение.

Посланный из Алжира в Монте-Карло (Монако), Маркс, из-за холодной и сырой погоды во время переезда, прибыл туда с третьим, но более легким плевритом. При этом упорно держалась скверная погода, которую он, казалось, привез с собою из Африки. Таким образом, и здесь вместо поправки—борьба с новой болезнью. В начале лета он отправился к своей дочери, г-же Лонге, в Аржантейль, и там пользовался против своего хронического бронхита серными ваннами в расположенном по соседству Энгиене. Несмотря на непрерывно дождливое лето, лечение, к удовлетворению врачей, хотя и медленно, но продвигалось вперед. Врачи отправили его затем в Веве на Женевском озере; здесь он поправился настолько, что ему разрешили провести зиму, правда, не в Лондоне, но все же на южном побережье Англии. Здесь он собирался, наконец, снова приступить к своим работам. Когда в сентябре он вернулся в Лондон, он выглядел здоровым и, ни на что не жалуясь, часто взбирался со мною на Хемстедский холм (примерно на 300 футов выше его дома). Когда стали надвигаться ноябрьские туманы, его отправили в Вентнор, на юг острова Уайт. И здесь снова дождливая и туманная погода; неизбежный результат—новая простуда, кашель и т. д., словом, расслабляющий здоровье домашний арест вместо укрепляющего движения на свежем воздухе. В это время умерла г-жа Лонге. На следующий день (12 января) Маркс приехал в Лондон уже с настоящим бронхитом. Вскоре к этому присоединилось воспаление гортани, которое почти лишило его возможности глотать. Он, умевший со стоическим равнодушием переносить величайшие страдания, предпочитал выпивать литр молока (к которому всю жизнь питал отвращение), чем принимать соответствующую твердую пищу. В феврале обнаружился нарыв в легком. Лекарства перестали оказывать действие на этот организм, напичканный за последние 15 месяцев всякого рода медицинскими снадобьями. Они вызывали лишь ослабление аппетита и пищеварения. Он худел на глазах, чуть ли не с каждым днем. Тем не менее, болезнь в общем протекала сравнительно благоприятно. Бронхит почти прошел, глотать стало легче. Врачи подавали самые лучшие надежды. Но однажды между двумя и тремя часами—это было самое удобное ему время для посещений—я застал внезапно весь дом в слезах: он очень плох; наступает, видимо, конец. И все же этим утром,—рассказывали мне,—он с аппетитом выпил вино, молоко, поел суп. Старая верная Ленхен Демут, воспитавшая всех его детей с колыбели и живущая в доме сорок лет, поднимается в его комнату и тотчас же возвращается: „Пойдемте, он в полусне". Когда мы вошли, он уже спал, но спал вечным сном...

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Соч., т. XV, стр. 661—662.

Ф. ЭНГЕЛЬС

Речь на могиле Маркса

14 марта, без четверти три пополудни, перестал мыслить величайший из современных мыслителей. Его оставили одного всего лишь на две минуты; войдя в комнату, мы нашли его в кресле спокойно уснувшим—но уже навеки.

Для борющегося пролетариата Европы и Америки, для исторической науки смерть этого человека—неизмеримая потеря. Уже в ближайшее время станет ощутительной та пустота, которая образовалась после смерти этого гиганта.

Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории—тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены,—а не наоборот, как это делалось до сих пор.

Но этого мало. Маркс открыл также специальный закон дви-

жения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках.

Двух таких открытий было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось бы одно такое открытие. Но Маркс сделал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал,—даже в области математики,—а таких областей было немало, и ни одною из них он не занимался поверхностно.

Таков был Маркс как человек науки. Но не это в нем было главным. Наука была для Маркса исторически движущей, революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, о практическом применении которого пока еще не было и речи,—его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и в последнее время в частности за открытиями Марселя Депрэ.

Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения,—вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихией была борьба. И он боролся с такой страстью, с таким упорством, с таким успехом, как борются немногие. Первая „Рейнская Газета“ 1842 года, парижский „Вперед“ 1844 года, „Немецкая Брюссельская Газета“ 1847 года, „Новая Рейнская Газета“ 1848—1849 годов, „Нью-Йоркская Трибуна“ 1852—1861 годов и сверх того множество боевых брошюр, работа в организациях в Париже, Брюсселе и Лондоне, пока, наконец, не возникло, как венец всего этого, великое Международное товарищество рабочих,—это было делом, которым поистине мог бы гордиться тот, кто его создал, если бы он, кроме этого, и не создал ничего больше.

Вот почему Маркс был человеком, которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства—самодержавные и республиканские—высылали его, буржуа—консервативные и ультрадемократические—наперебой осыпали его клеветой

и проклятиями. Он отметал все это, как паутину, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке — от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!

1883 г.

К. Маркс, Избранные произведения, т. 1, стр. 10—11. Госполитиздат, 1938 г.

Важнейшие даты
жизни и деятельности
Карла Маркса

Указатель имен,
упоминаемых в книге

Важнейшие даты жизни и деятельности Карла Маркса

1818—1883

1818. 5 мая. Рождение К. Маркса в городе Трире (Пруссия).

1830. Поступление в трирскую гимназию.

1835. Окончание гимназии, переезд в Бонн и поступление в университет.

1836. Переезд в Берлин и поступление на юридический факультет Берлинского университета.

1841. Окончание университета. Получение докторского диплома философского факультета Иенского университета.

1842. Маркс—редактор демократической „Рейнской газеты“ в Кёльне.

1843. Женитьба Маркса на Женни фон-Вестфален. Переезд в Париж.

1844. Выход „Немецко-французских ежегодников“ с первыми коммунистическими статьями Маркса и Энгельса. Встреча Маркса с Энгельсом в Париже. Сотрудничество Маркса в газете „Форвертс“.

1845. Высылка Маркса из Парижа. Переезд в Брюссель. Выход книги Маркса и Энгельса „Святое семейство“. Первая поездка (совместно с Энгельсом) в Лондон и Манчестер.

1846. Создание под руководством Маркса и Энгельса „Коммунистических комитетов связи“ в Германии, Франции, Англии и Бельгии. Разрыв Маркса с Вейтлингом.

1847. Основание Марксом и Энгельсом „Союза коммунистов“. Выход книги Маркса „Нищета философии“, направленной против Прудона. Сотрудничество Маркса в „Немецкой брюссельской газете“.

1847. II конгресс „Союза коммунистов“ с докладом Маркса об основных принципах коммунизма. Начало работы над „Манифестом коммунистической партии“.

1848. Выход „Манифеста коммунистической партии“. Высылка Маркса из Брюсселя и переезд в Париж, а затем в Кёльн, где с 1 июня 1848 г. издается под главной редакцией Маркса „Новая рейнская газета“.

1849. Два процесса „Новой рейнской газеты“, оправдание Маркса и Энгельса судом присяжных. Закрытие прусским правительством „Новой рейнской газеты“ и высылка Маркса из Пруссии. Переезд его сначала в Париж, а затем в Лондон.

1850. Возобновление деятельности „Союза коммунистов“ во главе с Марксом. Издание двух обращений ЦК к „Союзу коммунистов“, написанных Марксом и Энгельсом. Борьба против „лево“-авантюристской группы Виллиха—Шаппера. Смерть сына Маркса—Гвидо.

1852. Работа Маркса „18 брюмера Луи Бонапарта“. Кёльнский процесс коммунистов. Прекращение деятельности „Союза коммунистов“. Смерть дочери Маркса—Франциски.

1853—1858. Сотрудничество Маркса в „Нью-йоркской трибуне“. Тяжелая болезнь Маркса. Обострение нужды. Усиленная работа над вопросами экономической теории.

1855. Смерть сына Маркса—Эдгара (Муш).

1859. Выход книги Маркса „К критике политической экономии“. Начало борьбы Маркса и Энгельса с Лассалем.

1860. Маркс разоблачает бонапартистского агента Фогта. Выход книги Маркса „Господин Фогт“.

1861—1863. Усиленная работа над подготовляемой книгой по политической экономии („Капитал“).

1864. Основание „Международного товарищества рабочих“ (I Интернационал), вождем и организатором которого является Маркс. Выход „Учредительного манифеста“.

1865. Открытый разрыв с лассальянцами. Первая лондонская конференция I Интернационала.

1866. Борьба Маркса против прудонистов в I Интернационале. Женевский конгресс Интернационала.

1867. Выход первого тома „Капитала“. Начало работы над следующими томами „Капитала“. Рост влияния руководимого Марксом I Интернационала на рабочие массы Западной Европы.

1868. Начало борьбы Маркса против анархистов-бакунистов в рядах I Интернационала.

1869. Победа марксизма над прудонизмом на Базельском конгрессе I Интернационала.

1870. Маркс избирается представителем русской секции I Интернационала в Генеральном совете. Начало франко-прусской войны. Два манифеста Генерального совета о войне, написанные Марксом.

1871. Парижская Коммуна. Борьба Маркса за дело Парижской Коммуны. Выход работы Маркса „Гражданская война во Франции". Вторая лондонская конференция I Интернационала.

1872. Усиление подрывной работы анархистов-бакунистов в I Интернационале против Маркса и марксизма. Выход работы Маркса „Мнимые расколы в Интернационале". Гаагский конгресс I Интернационала, исключение Бакунина из Интернационала.

1875. Написание Марксом „Критики Готской программы". Усиленная работа над вторым томом „Капитала".

1879. Резкое обострение борьбы Маркса и Энгельса против оппортунизма и примиренчества в германской социал-демократии. Участие Маркса в выработке программы французской рабочей партии.

1881. Смерть жены Маркса—Женни.

1882. Ухудшение состояния здоровья Маркса. Поездка для лечения на юг.

1883. 14 марта. Маркс умер около 2 ч. 45 м. дня в своей квартире в Лондоне.

Указатель имен, упоминаемых в книге

Аннеке, Фриц (1817—1866)—член „Союза коммунистов“ и „Кёльнского рабочего союза“ в 1847—1849 гг.—131.

Анненков, Павел Васильевич (1812—1887)—русский помещик, либеральный литератор.—11, 157, 159.

Аристотель (384—322 до н. э.)—греческий философ.—82.

Байрон, Джордж-Гордон (1788—1824)—великий английский поэт.—96.

Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876)—анархист, организатор подрывной работы в I Интернационале, направленной против Маркса и марксизма.—18, 170.

Бальзак, Оноре (1799—1850)—великий французский писатель.—56, 142.

Барбес, Арман (1809—1870)—французский революционер, активный деятель революции 1848 г.—97.

Бартелеми, Эмманюэль (1820—1855)—французский революционер, приверженец Бланки.—96, 97, 98.

Бастелика, Андре (1845 — ок. 1880)—француз, член I Интернационала, сторонник Бакунина.—168.

Бауэр—участник южногерманского восстания 1849 г., эмигрант в США.—94, 95.

Бауэр, Бруно (1809—1882)—немецкий буржуазный философ, левогегельянец.—15, 16, 175.

Бауэр, Генрих—немецкий рабочий-сапожник, член „Союза коммунистов“ в 1847—1851 гг.—125, 126.

Бебель, Август (1840—1913)—один из основателей и лидеров германской социал-демократии. См. о нем статью Ленина „Август Бебель“ (Соч., т. XVI, стр. 545).—11, 51, 153, 176.

Беккер, Герман (1820—1885) по прозвищу „красный Беккер“—немецкий публицист, член „Союза коммунистов“, позднее—национал-либерал.—132, 134, 151.

Беккер, Иоганн-Филипп (1809—1886)—немецкий рабочий-щеточник, коммунист, один из виднейших деятелей I Интернационала.—64, 68, 185.

Бернс, Джон (род. в 1858)—механик, один из основателей английской социал-демократической федерации.—56.

Бернштейн, Эдуард (1850—1932)—германский социал-демократ, один из лидеров реформизма и ревизионизма во II Интернационале.—154, 183.

Бизли, Эдуард-Спенсер (1831—1915)—английский профессор, либерал.—62, 171.

Бисмарк, Отто, фон, князь (1815—1898)—прусский помещик, в 1871—1890 гг. канцлер (главный министр) Германской империи, злейший враг рабочего класса.—42, 67, 176.

Блан, Луи (1811—1882)—французский социалист-соглашатель, предатель июньского восстания 1848 г. и Парижской Коммуны.—91.

Бланки, Луи-Огюст (1805—1881)—французский революционер, из всех представителей домарксовского социализма наиболее близок к коммунизму.—97, 133.

Блюм, Роберт (1807—1848)—немецкий мелкобуржуазный демократ, убит контрреволюционерами при подавлении венского восстания 1848 г.—131.

Бонапарт, Луи—см. Наполеон III.

Бредло, Чарльз (1833—1891)—английский буржуазный радикал.—135.

Броунинг, Роберт (1812—1889)—английский поэт.—144.

Бюргерс, Генрих (1820—1878)—член „Союза коммунистов", в дальнейшем буржуазный либерал.—134.

Бюффон, Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788)—французский естествоиспытатель.—86.

Бюхнер, Людвиг (1824—1899)—немецкий ученый, вульгарный материалист.—20.

Вайян, Мари-Эдуард (1840—1915)—французский инженер и врач, член Парижской Коммуны и I Интернационала, в дальнейшем видный деятель социалистической партии.—168.

Вейдемейер, Иосиф (1818—1866)—немецкий инженер, член „Союза коммунистов", впоследствии участник гражданской войны в США.—151.

Вейтлинг, Вильгельм (1808—1871)—портной, немецкий коммунист-утопист.—8, 11, 84, 125, 126, 160, 161.

Веллингтон, Артур-Уелсли (1769—1852)—английский генерал и буржуазный политик-консерватор.—107.

Вестфален, Каролина, фон—мать жены Маркса.—116.

Вестфален, Людвиг, фон (1770—1842)—отец жены Маркса.—69, 116, 175.

Вестфален, Эдгар, фон (1819—1890)—брат жены Маркса, накануне революции 1848 г. коммунист.—113, 116.

Виллих, Август (1810—1878)—член „Союза коммунистов", с 1850 г. противник Маркса, лидер „лево"-авантюристской группы, в дальнейшем—участник гражданской войны в США.—41, 97, 98, 147.

Вильгельм I (1797—1888)—прусский король с 1861 г.; германский император (1871—1888).—176.

Вольтер (псевдоним), Франсуа-Мари Аруэ (1694—1778)—французский писатель и философ.—116.

Вольф, Вильгельм (1809—1864)—член „Союза коммунистов" и редакции „Новой рейнской газеты", друг Маркса и Энгельса, по профессии учитель.—55, 74, 95, 126, 130, 131.

Вольф, Фердинанд (1812—1900), по прозвищу „красный Вольф", член „Союза коммунистов" и редакции „Новой рейнской газеты".—101, 110, 120.

Гайндман, Генри-Мейерс (1842—1921)—английский журналист, социал-демократ, оппортунист.—8, 173.

Гартман, Лев Николаевич (1850—1913)—русский революционер, народник.—178.

Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831)—великий немецкий философ-идеалист (см. о нем „Историю ВКП(б). Краткий курс", стр. 100).—15, 19, 20, 21, 22, 55, 58, 162.

Гейне, Генрих (1797—1856)—великий немецкий поэт.—55, 64, 144, 174.

Гёксли, Томас-Генри (1825—1895)—английский естествоиспытатель.—20, 90, 136.

Гервег, Георг (1817—1875)—немецкий поэт.—144.

Гёте, Иоганн-Вольфганг (1749—1832)—великий немецкий поэт.—55, 87.

Гизо, Франсуа-Пьер (1787—1874)—французский буржуазный политик, реакционер, историк.—25, 73, 169, 173.

Гирш, Карл (1841—1900)—германский социал-демократ, журналист.—154.

Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852)—великий русский писатель.—57.

Гомер—легендарный автор „Одиссеи" и „Илиады".—116, 142.

Гонкуры, братья—Эдмон (1822—1896) и Жюль (1830—1870)—французские писатели.—60.

Готтшальк, Андреас (1815—1849)—врач в Кёльне, член „Союза коммунистов".—131.

Гофман, Эрнст-Теодор-Амадей (1776—1822)—немецкий писатель-романтик.—136, 141, 142.

Гракхи, Тиберий (ум. в 133 до н. э.) и Гай (ум. в 121 до н. э.)—политические деятели древнего Рима.—64.

Гримм, братья—Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859)—немецкие ученые, основатели германской филологии.—83.

Гумбольдт, Александр (1769—1859)—немецкий географ и естествоиспытатель.—69.

Гюго, Виктор (1802—1885)—французский писатель.—89.

Даниельс, Роланд (1819—1855)—врач в Кёльне, член „Союза коммунистов".—134.

Даниэльсон, Николай Францевич (псевдоним—Николай —он) (1844—1918)—русский экономист, народник.—77, 170, 172, 173.

Данте, Алигьери (1265—1321)—великий итальянский поэт.—56, 85, 87, 106, 145.

Дарвин, Чарльз-Роберт (1809—1882)—великий английский ученый, биолог.—56, 90, 190.

Демут, Елена (Ленхен, „Ними") (1823—1890)—домашняя работница и верный друг семьи Маркса.—18, 65, 67, 80, 91, 98, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 141, 144, 145, 184, 186, 189.

Де-Пап, Сезар (1842—1890)—бельгийский социалист, деятель I Интернационала.—168.

Депрэ, Марсель (1843—1918)—французский ученый, физик, автор первых опытов передачи электрической энергии на расстояние.—191.

Джевонс, Уильям-Стенли (1835—1882)—английский буржуазный философ и экономист.—173.

Джонс, Эрнст (1819—1869)—лидер левого крыла английских чартистов.—96, 129, 150.

Джордж, Генри (1839—1897)—американский экономист.—174.

Дизраэли, лорд Биконсфильд (1804—1881)—политический деятель и писатель, вождь английских консерваторов.—174.

Диккенс, Чарльз (1812—1870)—английский писатель.—81.

Донкин—врач, лечивший семью Маркса в Лондоне.—113.

Дронке, Эрнст (1822—1891)—член „Союза коммунистов" и редакции „Новой рейнской газеты".—147.

Дюма, Александр (1803—1870)—французский писатель.—56.

Д'Эстер, Карл-Людвиг (1811—1859)—врач в Кёльне, член „Союза коммунистов".—131.

Дюринг, Евгений (1833—1921)—немецкий мелкобуржуазный социалист, экономист и философ, автор универсальной научной „системы", раскритикованной Энгельсом в „Анти-Дюринге".—170.

Зибер, Николай Иванович (1844—1888)—русский экономист, профессор в Киеве.—170, 172, 173.

Зингер, Пауль (1844—1911)—германский социал-демократ.—154.

Зорге, Фридрих-Адольф (1828—1906)—немецкий коммунист, один из виднейших деятелей I Интернационала в США.—11, 42, 51, 145, 147, 149, 183, 185.

Кабе, Этьен (1788—1856)—французский социалист-утопист, автор „Путешествия в Икарию".—84, 126, 127.

Кальдерон-де-ла-Барка, Педро (1600—1681)—испанский поэт и драматург.—166, 167.

Кант, Иммануил (1724—1804)—немецкий буржуазный философ-идеалист.—20, 162.

Кареев, Николай Иванович (1850—1931)—русский буржуазный историк.—172.

Карл II Стюарт (1630—1685)—английский король с 1649 г.—174.

Карстенс—гамбургский рабочий, сторонник Вейтлинга.—130.

Кауфман, Илларион Игнатьевич (1848—1916)—русский экономист, профессор Петербургского университета.—172, 173.

Кинкель, Готфрид (1815—1882)—немецкий мелкобуржуазный демократ.—136, 163.

Клейн, Иоганн-Якоб—врач в Кёльне, один из подсудимых в кёльнском процессе коммунистов.—134.

Клусс, Адольф—немецкий инженер, член „Союза коммунистов", с 1849 г. эмигрант в США.—151.

Коббет, Вильям (1762—1835)—английский публицист, мелкобуржуазный радикал.—56.

Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916)—русский ученый, буржуазный либерал.—12, 157, 169.

Кок, Шарль-Поль, де (1794—1871)—французский романист.—56.

Кугельман, Людвиг (1830—1902)—немецкий врач, участник революции 1848 г., член I Интернационала.—42, 170.

Купер, Джемс-Фенимор (1789—1851)—североамериканский писатель-романист.—142.

Кювье, Жорж-Леопольд (1769—1832)—французский естествоиспытатель.—56.

Лавеле, Эмиль (1822—1892)—бельгийский буржуазный экономист.—171.

Лавров, Петр Лаврович (1823—1900)—русский публицист, народник.—76.

Лассаль, Фердинанд (1825—1864)—немецкий социалист, реформист, противник марксизма, находился в тайных изменнических сношениях с Бисмарком.—41, 42, 144, 176.

Лафарг, Поль (1842—1911)—деятель I Интернационала, один из основателей и лидеров французской социалистической партии и II Интернационала, зять Маркса (см. речь В. И. Ленина на похоронах Лафарга, Соч., т. XV, стр. 264).—10, 11, 53, 71, 118, 155, 171.

Лессинг, Готтольд-Эфраим (1729—1781)—немецкий критик и писатель.—87.

Лесснер, Фридрих (1825—1910)—немецкий рабочий-портной, член „Союза коммунистов", деятель I Интернационала, друг Маркса.—11, 51, 94, 101, 119, 124, 133, 187.

Либих, Юстус (1803—1873)—немецкий химик.—90.

Либкнехт, Вильгельм (1826—1900)—один из основателей и вождей германской социал-демократии, деятель I Интернационала.—10, 11, 42, 51, 79, 95, 135, 176, 184.

Линкольн, Авраам (1809—1865)—президент США.—143.

Лопе де-Вега (1562—1635)—испанский драматург эпохи Возрождения.—166.

Лонге, Шарль (1833—1903)—французский социалист, член Парижской Коммуны, зять Маркса.—101, 155, 170, 171.

Лонге, Джонни (1878—1883)—внук Маркса, сын его дочери Женни.—101, 102, 114, 116.

Лопатин, Герман Александрович (1845—1918)—русский народник, переводчик части первого тома „Капитала" Маркса.—170.

Лоренсо, Ансельмо (1841—1915)—рабочий-типограф, бакунист, деятель испанского рабочего движения.—12, 157, 165.

Лохнер, Георг—немецкий рабочий, член „Союза коммунистов" и Генерального совета I Интернационала.—94, 101.

Луи-Филипп (1773—1850)—король Франции с 1830 по 1848 г.—56.

Мадзини, Джузеппе (1805—1872)—итальянский буржуазный демократ.—18.

Мак-Куллох, Джон-Рамзей (1789—1864)—английский экономист.—90.

Мак-Магон, Мари (1808—1893)—маршал Франции, монархист, один из палачей Коммуны.—173.

Мариет, Фредерик (1792—1848)—английский писатель-романист.—141, 143.

Маркс, Гвидо (1849—1850)—сын Карла Маркса, по прозвищу „Фоксик".—100, 116.

Маркс, Генриетта, урожденная Пресбург (1787—1863)—мать Карла Маркса.—116.

Маркс, Генрих (1782—1838)—отец Карла Маркса.—116.

Маркс, Женни, урожденная фон-Вестфален (1814—1881)—жена Карла Маркса.—16, 65, 68, 69, 70, 98, 113, 118, 123, 135, 144, 154, 170, 174, 175.

Маркс, Женни (1844—1883), после замужества—Лонге,—дочь Карла Маркса.—65, 68, 70, 78, 100, 101, 107, 112, 114, 115, 118, 141, 155, 184, 186, 189.

Маркс, Лаура (1845—1911), после замужества—Лафарг,—дочь Карла Маркса.—65, 108, 115, 118, 141, 155.

Маркс, Франциска (1851—1852)—дочь Карла Маркса.—100, 116.

Маркс, Эдгар (1847—1855), по прозвищу „Муш",—сын Карла Маркса.—100, 101, 116, 118, 122.

Маркс, Элеонора (1855—1898), по прозвищу „Тусси", после замужества—Эвелинг,—дочь Карла Маркса.—11, 51, 65, 93, 101, 112, 116, 118, 119, 120, 121, 123, 139, 141, 155, 171, 178, 179, 186, 187.

Меса, Хозе (1840—1904)—испанский социалист, деятель I Интернационала.—76.

Минье, Франсуа-Огюст-Марг (1796—1884)—французский историк, либерал.—25.

Молль, Иосиф (1812—1849)—немецкий рабочий, часовщик, член „Союза коммунистов".—125, 126, 130, 131.

Морган, Льюис-Генри (1818—1881)—американский ученый, этнограф, археолог и историк первобытного общества.—171.

Морозов, Николай Александрович (род. в 1854)—русский революционер, народоволец, в настоящее время состоит почетным членом Академии наук СССР.—12, 157, 178, 180.

Мост, Иоганн (1846—1906)—немецкий социал-демократ, позднее—анархист.—42.

Моттелер, Юлиус (1838—1908)—германский социал-демократ, по прозвищу „красный почтмейстер", ведал транспортом нелегальной с.-д. литературы из Швейцарии и Англии в Германию в 80-х гг.—119.

Мур, Семюэль (1831—1900)—английский юрист, друг Маркса и Энгельса.—72.

Мюллер, Вильгельм (1794—1827)—немецкий поэт-романтик.—96.

Наполеон III (1808—1873)—император Франции (1852—1870), злейший враг национально-освободительного и рабочего движения.—56, 89, 91, 129, 147.

Николовиус—прусский прокурор в Кёльне и Дюссельдорфе.—133.

Нобилинг, Карл (1848—1878)—2 июня 1878 г. стрелял в Вильгельма I и ранил его.—176.

Нотъюнг, Петер (1821—1880)—портной, один из обвиняемых в кёльнском процессе коммунистов.—131, 134.

О'Коннор, Фиргус (1794—1855)—один из лидеров английских чартистов.—130, 150.

Оуэн, Роберт (1771—1858)—английский социалист-утопист.—96, 150.

Перовская, Софья Львовна (1853—1881)—деятельница партии „Народной воли", казнена царским правительством.—179.

Перре, Анри—швейцарский социалист, деятель I Интернационала.—168.

Петти, Уильям (1623—1687)—английский буржуазный экономист.—174.

Плеханов, Георгий Валентинович (1856—1918)—основатель группы „Освобождение труда", в конце XIX и в самом начале XX века выдающийся пропагандист марксизма в России, впоследствии ставший меньшевиком.—180.

Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865)—французский мелкобуржуазный экономист, один из родоначальников анархизма.—8, 18, 162.

Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837)—великий русский поэт.—57.

Пфендер, Карл (ум. в 1876)—член „Союза коммунистов".—101, 126, 135.

Резер, Петер-Гергардт (1814—1865)—немецкий ремесленник, член „Союза коммунистов".—133, 134.

Рейф—подсудимый по кёльнскому процессу коммунистов.—134.

Рикардо, Давид (1772—1823)—английский буржуазный экономист классической школы.—33, 90, 172.

Родбертус-Ягецов, Карл-Иоганн (1805—1875)—германский буржуазный экономист.—33.

Ругэ, Арнольд (1802—1880)—немецкий буржуазный публицист, гегельянец.—16.

Руссо, Жан-Жак (1712—1778)—французский писатель, педагог и философ.—116, 174.

Сен-Симон, Анри-Клод (1760—1825)—великий социалист-утопист.—175.

Сервантес, Мигюэль де Сааведра (1547—1616)—великий испанский писатель.—56, 87, 166.

Серрайе, Огюст (род. в 1840)—член I Интернационала, участник Коммуны.—168.

Скотт, Вальтер (1771—1832)—шотландский романист и поэт.—56, 142, 143.

Смит, Адам (1723—1790)—английский буржуазный экономист, основатель классической школы.—30, 90.

Тирсо де-Молина—испанский драматург.—166.

Толстой, Лев Николаевич (1828—1910)—великий русский писатель.—177.

Толстой, Григорий Михайлович (1808—1871)—казанский помещик.—159.

Толен, Анри-Луи (1828—1897)—французский рабочий, прудонист, впоследствии изменил рабочему классу.—53.

Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883)—русский писатель.—174.

Тьер, Луи-Адольф (1797—1877)—французский политик-реакционер, палач Парижской Коммуны.—25, 173.

Тьерри, Огюстен (1795—1856)—французский буржуазный историк.—25.

Уркарт, Давид (1805—1877)—английский дипломат и публицист.—96.

Утин, Николай Исаакович (1845—1883)—русский революционер, деятель I Интернационала и его русской секции.—168.

Фейербах, Людвиг (1804—1872)—немецкий философ-материалист (см. о нем „Историю ВКП(б). Краткий курс", стр. 100).—15, 16, 19, 20.

Филдинг, Генри (1707—1754)—английский романист.—56, 142.

Флобер, Гюстав (1821—1880)—французский писатель.—60.

Флокон, Фердинанд (1800—1866)—французский мелкобуржуазный демократ.—150.

Фогт, Карл (1817—1895)—немецкий вульгарный материалист, буржуазный демократ, агент Наполеона III, разоблаченный Марксом.—20.

Франчиа—португальский социалист, член I Интернационала.—76.

Фрейлиграт, Фердинанд (1810—1876)—немецкий революционный поэт, в 1848—1849 гг. член „Союза коммунистов" и редакции „Новой рейнской газеты".—130, 131, 135.

Фрост, Джон (1785—1877)—радикал, принимал активное участие в чартистском движении.—96.

Хейлз, Джон—английский рабочий, член Генерального совета I Интернационала.—168.

Чичерин, Борис Николаевич (1828—1904)—историк русского права.—177.

Чупров, Александр Иванович (1842—1908)—русский буржуазный экономист и публицист.—172.

Шаппер, Карл (1813—1870)—член „Союза коммунистов", в 1850 г. вместе с Виллихом возглавлял „левую" антимарксистскую группу, позднее вновь стал на сторону Маркса.—41, 125, 126, 128, 130, 131.

Швейцер, Иоганн-Баптист, фон (1833—1875)—адвокат, национал-либерал, примкнувший к лассальянцам.—68.

Шекспир, Вильям (1564—1616)—великий английский писатель.—55, 56, 87, 106, 116, 142, 166.

Шелер, Лина—учительница из Кёльна, близкая знакомая семьи Маркса.—141.

Шорлеммер, Карл (1834—1892)—химик, коммунист, друг Энгельса.—72, 186.

Шрамм, Конрад (1822—1858)—немецкий журналист, член „Союза коммунистов".—98, 101, 120.

Штейн, Юлиус (род. в 1813)—бреславльский демократ, журналист.—22.

Шурц, Карл (1829—1906)—немецкий демократ, позднее—буржуазный политик в США.—12, 157, 163.

Щедрин Н. (Салтыков) (1826—1889)—великий русский писатель.—57.

Эвелинг, Эдуард (1851—1898)—муж Элеоноры Маркс, английский социалист.—119, 155.

Эккариус, Иоганн-Георг (1818—1889)—немецкий рабочий, портной, член „Союза коммунистов“ и Генерального совета I Интернационала.—126, 129, 135, 168.

Эпикур (341—271 до н. э.)—греческий философ.—15, 187.

Эрвинг—английский трагический актер.—171, 175.

Эсхил (525—456 до н. э.)—великий греческий драматург.—55, 82.

Юнг, Герман (1830—1901)—швейцарец, часовщик, член Генерального совета I Интернационала.—168.

Юм, Давид (1711—1776)—английский философ, историк и экономист.—20.

Якоби, Абрам—немецкий врач, член „Союза коммунистов“, впоследствии эмигрировал в США.—134, 151.

Перечень иллюстраций

Маркс за работой (начало 80-х годов) . . . . . *перед стр.* *1*
Трир—родина Маркса . . . . . *между стр.* *16—17*
Гейне у Карла и Женни Маркс в Париже (1844) . . . . . „ „ *22—23*
Манчестер в 40-х годах . . . . . „ „ *32—33*
Арест Маркса в Брюсселе (1848) . . . . . „ „ *40—41*
Лондон. Британский музей . . . . . „ „ *56—57*
Лекция Маркса в Коммунистическом рабочем обществе в Лондоне (начало 50-х годов) . . . . . „ „ *60—61*
Лондон. Собрание рабочих в таверне . . . . . „ „ *68—69*
Маркс и Энгельс в Манчестере (начало 60-х годов) . . . . „ „ *72—73*
Лондон. Порт . . . . . „ „ *80—81*
Лондон. Темза . . . . . „ „ *96—97*
Прогулка в Хемстед-Хис (50-е годы) . . . . . „ „ *104—105*
Лондон. Гайд-парк . . . . . „ „ *108—109*
Лондон. Улица в предместье . . . . . „ „ *120—121*
Кёльн в 1848 году . . . . . „ „ *128—129*
Париж. Пленные повстанцы (июнь 1848) . . . . . „ „ *132—133*
Маркс у Лесснера (70-е годы) . . . . . „ „ *136—137*
Беседа с рабочими в лондонской таверне (70-е годы) . . . . „ „ *152—153*
Париж. Набережная Сены . . . . . „ „ *160—161*
Париж. Баррикады Коммуны (май 1871) . . . . . „ „ *168—169*
Париж 50-х—60-х годов . . . . . „ „ *176—177*
Речь Энгельса над могилой Маркса (1883) . . . . . „ „ *184—185*
„Имя его и дело переживут века" (Энгельс) . . . . . „ „ *192—193*

Содержание

Предисловие — М. Горький 3

В. И. Ленин — Карл Маркс 15

И. В. Сталин — Из беседы с первой американской рабочей делегацией 43

I

Поль Лафарг — Воспоминание о Марксе 53

Поль Лафарг — Маркс и Энгельс 71

Вильгельм Либкнехт — Из воспоминаний о Марксе 79

Фридрих Лесснер — До и после 1848 года 124

Элеонора Маркс-Эвелинг — Карл Маркс 139

Фридрих-Адольф-Зорге — Встреча с Марксом 146

Фридрих-Адольф Зорге — О Марксе 149

Август Бебель — Поездки в Лондон 153

II

П. Анненков — Из книги „Замечательное десятилетие“ 159

Карл Шурц — Маркс на Кёльнском съезде демократов 163

Ансельмо Лоренсо — Из воспоминаний о Первом Интернационале 165

М. Ковалевский — Встречи с Марксом 169

Н. Морозов — У Карла Маркса 178

III

Ф. Энгельс — Письма о смерти Маркса 183

Ф. Энгельс — К смерти Карла Маркса 188

Ф. Энгельс — Речь на могиле Маркса 190

Важнейшие даты жизни и деятельности К. Маркса 195

Указатель имен, упоминаемых в книге 198

Перечень иллюстраций 206

Редактор *Е. КИМ*

Художественно-полиграфическое
оформление книги художника *Евг. КОГАН*

Художественная редакция
А. АНДРЕАС

Технический редактор
М. ЛОЙТЕРШТЕЙН

Корректоры *В. ПЕСКОВСКАЯ и Е. ГРУШКО*

☆

Сдано в производство 4/VI 1939 г.
Подписано к печати 25/XI 1939 г.
М. Г. 85. Инд. Ю-0. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{16}$.
26 печ. л. + 23 вклейки. 13,42 уч.-авт. л.
Уполномоченный Главлита № А-21063.
Тираж 8000. Зак. тип. № 403.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий»
треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

Цена 25 руб.

Переплет 5 руб.

318042010
Государственная библиотека Югры